

Контроль за качеством

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

КОЛИЧ. ПРЕДЫД. ВЫДАЧ

13 ОКТ 2016

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБЫШЕВА

НЕКОТОРЫЕ
ВОПРОСЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1989

1-424624

ность приступить к следующему важнейшему этапу, завершившемуся написанием многотомной истории крестьянства Сибири. Первый том ее посвящен крестьянству Сибири эпохи феодализма. Он уже получил высокую оценку научной общественности². М. М. Громыко совершенно справедливо заметила, что новая работа не только обобщает результаты исследований, проведенных после создания «Истории Сибири», она отличается от предыдущего издания предметом исследования и кругом освещенных в ней проблем. И действительно, впервые в истории изучения далекого прошлого Сибири в хронологической последовательности поставлены и рассмотрены вопросы колонизации всей Сибири русскими людьми, указаны роль и место крестьян в этом процессе, их вклад в развитие производительных сил края с учетом всех видов их хозяйственной деятельности, в формирование сельскохозяйственных районов в Сибири. Наибольшее внимание уделено в томе развитию феодальных отношений и положению различных категорий крестьянства, правительственной политике по отношению к ним, классовой борьбе крестьян до середины XIX в. Впервые в советском сибиреведении в обобщенном виде рассматривается игравшая важную роль в жизни крестьян община³. Н. А. Горская и Н. И. Никитин особо отметили значимость такого рода работ для создания «Истории крестьянства в СССР».

Приписным крестьянам значительное место отведено не только в специальной главе, но и в ряде разделов, в которых рассматриваются отдельные вопросы истории всех категорий крестьянства Сибири в феодальную эпоху. Новое в изучении истории приписных крестьян Сибири состоит в том, что впервые в коллективной работе сибиреведов выделены в качестве объекта исследования источники формирования приписных крестьян, их экономическое положение, социальная сущность и повинности. В этой монографии нашли отражение результаты работы Т. И. Агаповой и Г. П. Жидкова, которым принадлежит заслуга в обращении к истории приписного крестьянства в рамках кабинетского хозяйства как единого хозяй-

² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

³ Горская Н. А., Никитин Н. И. История крестьянства Сибири//История СССР. 1984. № 6. С. 171—175; Громыко М. М. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма//Вопросы истории. 1984. № 9. С. 125—127.

ственного комплекса с учетом приписной деревни не только Кольвано-Воскресенских, но и Нерчинских заводов⁴.

Приписные крестьяне кабинетского хозяйства составляли незначительную часть всей массы крестьянства Сибири. В 1747 г., когда в ведение Кабинета вместе с демидовскими заводами перешли и приписанные к ним крестьяне (3121 д. м. п.), на их долю приходилось всего 2% от общего числа крестьян Сибири. Авторы рецензии на «Крестьянство Сибири...» не случайно обратили внимание на несоответствие объема, отведенного на изложение истории государственных и приписных крестьян. В самом деле, на государственных крестьян, которых к середине XIX в. было в Сибири более миллиона душ м. п., оказалось отведено места примерно столько же, сколько на приписных крестьян. На долю крестьян кабинетского хозяйства к этому времени приходилось всего 12% от общего числа крестьян Сибири⁵. Такое положение, очевидно, можно объяснить той ролью, которую сыграли приписные крестьяне Алтая и Восточного Забайкалья не только в сельскохозяйственном, но и в промышленном освоении Сибири, а также в развитии русской промышленности в масштабах всей страны.

Создание коллективных работ типа «Крестьянства Сибири...» предполагает максимальный учет всего достигнутого в изучении объекта исследования. Эта задача оказалась довольно сложной, т. к. в советской историографии Сибири 60—70-х гг. имели место спорные суждения по ряду кардинальных вопросов, касающихся судеб приписных крестьян после 1747 г., когда они были включены в состав кабинетского хозяйства.

Одним из наиболее спорных оказался вопрос о владельческой принадлежности Алтайских и Нерчинских заводов после передачи их в ведение Кабинета. Следует отметить, что отмеченные расхождения не были устранены и с появлением нового исследования. В «Крестьянстве Сибири...» говорится, что в 1747 г. демидовские заводы были закреплены за коронной и с этого времени кабинетские земли Сибири стали частью государственных земель, отграниченных «в собственность короны, а коронное землевладение — это часть систе-

⁴ Агапова Т. И. Кабинетское хозяйство. 1747—1860-е гг... (Опыт социально-экономического исследования): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973.

⁵ Крестьянство Сибири... С. 225, 262, 264.

мы государственного феодализма»⁶. При этом ссылка делается на монографию Г. П. Жидкова «Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.)» (Новосибирск, 1973), несмотря на то, что его трактовка владельческой принадлежности кабинетского хозяйства рядом исследователей не была принята⁷. Их несогласие с позицией Г. П. Жидкова имеет, на наш взгляд, довольно веские основания. Так, он совершенно игнорирует указ 12 мая 1747 г., которым определялись условия передачи демидовских заводов в ведение Кабинета. На Горный устав 1857 г. Г. П. Жидков ссылается только при определении границ Алтайского и Нерчинского горных округов накануне реформы 1861 г., не доверяя ему в той части, где говорится о царской собственности на заводы и рудники Алтая и Восточного Забайкалья⁸.

Неоднозначной была к моменту начала работы над историей крестьянства Сибири в феодальную эпоху оценка исследователями уровня товарности земледельческого производства в районе Колывано-Воскресенских заводов. Против вывода Г. П. Жидкова о возможности определить товарность хлебной продукции в алтайской приписной деревне в размере 26% убедительно возразила еще в 60-е гг. Ф. С. Кузьмина в статье, посвященной развитию товарно-денежных отношений в сибирской деревне до середины XIX в., а затем в кандидатской диссертации⁹.

При определении уровня товарности земледельческого производства Г. П. Жидков к товарной продукции относил все излишки хлеба за вычетом из валого или чистого сбора расходов на посев, пропитание членов крестьянской семьи и корм лошадей. По его подсчетам, товарность хлебной продук-

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Лукина С. М., Григорьева А. А. Развитие промышленных очагов на юге Восточной Сибири в XVIII—начале XIX вв. // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири: (Дореволюционный период). Иркутск, 1975. С. 73; Агапова Т. И., Изгачев В. Г., Карпенко З. Г., Романов В. В. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII—середине XIX вв. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI—середина XIX вв.). Новосибирск, 1982. С. 76; История Алтая. Барнаул, 1983. С. 86—97.

⁸ Жидков Г. П. Указ. соч. С. 69.

⁹ Кузьмина Ф. С. Развитие товарно-денежных отношений в сибирской деревне первой половины XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 4; Она же. Крестьяне Барабинской степи в XVIII—первой половине XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969. С. 224—246.

ции на Алтае была выше, чем в европейской части страны, где норма товарности, выведенная от чистого сбора, с 10% в начале XIX в. выросла к 1852 г. до 17%, тогда как на Алтае она соответственно увеличилась с 9 до 26% от валого и с 11 до 34% от чистого сбора. Эти цифры приводились в 1968 г. в «Истории Сибири», они же используются и в «Крестьянстве Сибири...» (1982 г.)¹⁰.

Вывод о сравнительно высоком уровне товарности хлебной продукции в алтайской приписной деревне вызывает сомнение. Дело в том, что в товарную продукцию включенным оказался хлеб, который не являлся таковым. Г. П. Жидков относит к товарной продукции и провиант, собиравшийся ежегодно с крестьян в сельские запасные магазины (автор почему-то считает, что этот взнос производился крестьянами раз в несколько лет, в то время, как «получетвериковый» хлеб они поставляли ежегодно). С 1796 по 1858 гг. приписные крестьяне сдали в сельские запасные магазины около 3 млн. пудов «получетверикового» хлеба. Когда возникали трудности со снабжением провиантом заводов и рудников, горное начальство запрещало из запасных магазинов выдавать хлеб крестьянам, нуждавшимся в семенах, до получения нового урожая. Г. П. Жидков исходит из того, что на протяжении всего существования алтайских заводов в составе кабинетского хозяйства в дореформенный период «приписная деревня кормила постоянно возрастающее население этого комплекса крупных предприятий», что потребность мастеровых и служащих в продовольствии «полностью удовлетворяла приписная деревня»¹¹.

Общезвестно, что манифестом от 21 мая 1779 г. принудительные поставки крестьянами провианта и фуража для заводов и рудников официально отменялись. Канцелярия горного начальства указ об отмене поставок провианта крестьянами «по расположениям заводского ведения» издала через три с лишним месяца после опубликования манифеста. Только 30 августа крестьяне, еще не сдавшие провиант за 1779 г., освобождались от поставок. Заводские конторы отныне должны были обеспечивать мастеровых и служащих хлебом, лошадей — фуражом, за счет закупки их у крестьян «по тем ценам, какие где продажные состоят или с торгу с

¹⁰ История Сибири... С. 383; Крестьянство Сибири... С. 270.

¹¹ Жидков Г. П. Уровень товарности земледельческого хозяйства приписной деревни Западной Сибири в дореформенный период // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1964. № 5. Вып. 2.

ними». Но закупка провианта у тех, «кто добровольно привезет и по привозе к сдаче объявит», оказалась делом исключительной трудности. В канцелярию горного начальства сразу же стали поступать неутешительные вести от заводских и рудничных контор о том, что провианта «в привозе почти не бывает»¹².

Уже осенью 1779 г. горное начальство попыталось прибегнуть к более надежному, на его взгляд, способу снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом. С этого времени в крестьянские селения стали направляться от заводов и рудников чиновники, которые занимались заключением договоров с крестьянами на поставку ими имевшихся у них хлебных излишков по «договорной цене». Скупавшийся у крестьян таким образом провиант, так же как и получаемый крупными партиями от подрядчиков, Г. П. Жидковым учтен в числе тех самых 26 и 34%, о которых говорилось выше.

На первый взгляд может показаться, что товарного хлеба чиновникам удавалось выявить довольно много. В частности, в конце 1779 г. они сумели договориться с 1589 крестьянами о поставке ими более 18 тыс. пудов провианта и фуража. На первую половину 1780 г. крестьяне Алтая согласились поставить более 65-тыс. пудов. Но вскоре оказалось, что значительной частью крестьян взятое ими обязательство не выполнялось. Так, не позднее июля 1780 г. на Змеиногорский рудник собирался привезти из д. Пустынской Белоярской слободы А. Жуков 500 пудов муки, но даже к концу этого года он привез всего 40 пудов. 15 бийских крестьян на 18 февраля 1782 г. не довели за 1780—1781 гг. более 1 тыс. пудов муки и 170 пудов крупы. В 1783 г. не поставленного по обязательствам крестьян провианта числилось уже около 80 тыс. пудов. Со значительной части их провиант взыскивался позднее, на протяжении многих лет¹³. В каждый из последующих годов земские избы продолжали предпринимать безуспешные попытки высылки крестьян с непоставленным ими по обязательствам за прошлые годы провиантом. Получался огромный список крестьян. Земские избы не знали о место-

¹² Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), Ф. 468, оп. 18, д. 120, л. 5—7; Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 169, оп. 1, д. 33, л. 11—14. ф. 468, оп. 18, д. 120, л. — 5—7; Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 169, оп. 1, д. 33, л. 11—14.

¹³ Подробнее см.: Жеравина А. Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Томск, 1985. С. 109—148.

нахождении одних; другие крестьяне оказывались на месте, но хлеба «в наличности» не имели; третьи находились в заводских работах; четвертые переехали на другие места жительства и к ним надо было отправлять нарочных; пятые, оказывалось, уже давно взяты в рекруты и т. д. С какой-то части крестьян удавалось либо получить хлеб, либо взыскать деньги с процентами за недопоставленный провиант. На каждый новый год крестьянам снова выдавались «половинные деньги»; они брали новые обязательства по поставкам провианта. Но наступали сроки поставок, и все повторялось сначала.

Земские избы и волостные правления занимались розыском крестьян, не справлявшихся с поставками провианта по своим обязательствам. Снова издавались указы с требованием к земским избам «оных к скорейшей поставке понудить неослабно... несмотря ни на какие их отговорки и не давая им в селениях проживать», и снова получалось так, что не только не удавалось отправлять крестьян с непоставленным провиантом, но и высчитывать с них заранее выданные деньги. Часто волостные правления сообщали о невозможности найти того или иного крестьянина. А все это означало, что горному начальству снова приходилось сталкиваться с тем, что заводы и рудники невозможно было обеспечить провиантом и фуражом в необходимом объеме. В конце XVIII в. с части крестьян пытались получить провиант по обязательствам, взятым ими еще в начале 80-х гг.¹⁴

Проходили годы, и вновь издавались указы канцелярии, и вновь в «последний раз» с требованием к управителям взыскать с крестьян либо провиант, либо выданные им в задаток деньги. На основании одного из таких очередных указов канцелярии управитель Жеребцов предписывал (и тоже «в последний раз»!) Белоярскому волостному правлению отрядить волостного голову, чтобы тот «при усердном старании взыскал бы с 1794 до половины 1814 г.» выданные в задаток деньги, в случае несостоятельности крестьян — с их поручителей¹⁵.

Еще несколько лет прошло, и оказалось, что с 1815 по 1818 гг. не взыскано было с «непоставщиков» провианта на заводы и рудники 2268 р., а с 1818 по начало 1821 г. крестья-

¹⁴ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 33, л. 14.

¹⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 68, оп. 1, д. 2, л. 152.

яне по подрядам не поставили 86 тыс. пудов провианта. К исходу 1821 г. за 1820 г. «в непоставке» было более 200 тыс. пудов хлеба¹⁶. На начало марта 1827 г. еще не поставлено было провианта по подрядам и договорам за 1823 г. — 7391, за 1824 г. — 17 097, за 1825 г. — 19 439, за 1826 г. — 243 475 пудов. Горное начальство тревожилось по поводу того, что «ныне же хотя поставка оного (провианта. — А. Ж.) и производится продавцами, но большею частью по подряду на 1826 год», по прежним же подрядам за 1823, 1824, 1825 гг. «поставляют весьма мало или почти и совсем не поставляют».

Канцелярия горного начальства указом от 4 марта 1827 г. предписала земским управителям и волостным правлениям немедленно выслать всех «непоставщиков» в заводские конторы с провиантом, предупредив при этом, что в противном случае управители «будут за неисполнение подвергаться штрафованию»¹⁷. Но к 1828 г. за предыдущие 5 лет не поставлено было крестьянами по их обязательствам уже более 400 тыс. пудов провианта и фуража. В одном из указов (от 22 сентября 1833 г.) горное начальство, добивавшееся тогда получения с «непоставщиков» более 35 тыс. пудов провианта еще за 1830 и 1831 гг., откровенно признавалось, что ему уже надоело иметь дело с ними¹⁸. «За понуждением непоставщиков» в крестьянские селения посылались унтер-офицеры, которые при содействии старшин пытались выслать крестьян с провиантом. В числе «непоставщиков» часто оказывались крестьяне, которым нечем было рассчитываться по их обязательствам. А некоторые крестьяне просто уклонялись от поставок, хотя и брали обязательства по ним добровольно¹⁹.

В апреле 1803 г. крестьянин д. Пешаной П. Поклонов обратился в Бийское волостное правление с прошением, в котором писал, что 7 лет назад он поручился «по крестьянине Петре Шевелеве», когда тот подряжался поставить в Локтевский завод 50 пудов ржаной муки. Муку Шевелев «неоднократно из дому своего... в тамошнее место увозил, но куда она принадлежала, не отдавал, а продавал повольно желающим людям». Поклонов об этом уже объявлял старшине деревни «с тем, чтобы к поставке тех пятьдесят пуд муки Петра Шевелева понудить, а меня на будущее время ежели

¹⁶ Там же, д. 7, л. 475—485.

¹⁷ Там же, д. 16, л. 128—129.

¹⁸ ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 43, л. 33—36.

¹⁹ ГАТО, ф. 63, оп. 1, д. 7, л. 694; ф. 61, оп. 1, д. 85, л. 16.

Шевелев и не выставит хлеб не тревожить», но реакции на его просьбу никакой не последовало. Снова он оказался вынужденным обратиться с прошением в связи с тем, что П. Шевелев уже умер, а старшина «с обществом принуждают» его, П. Поклонова, как поручителя, «тот подрядной хлеб выставить», от чего он просил его избавить. Он был поручителем еще за односельчанина Семена Казанцева, который не довез по своему обязательству в Колыванский завод 27 пудов муки. Казанцев, как и Шевелев, увозил из дому хлеб, но не на завод, а «продавал его повольно». Обеспокоенный Поклонов писал: «Сохрани боже, не помер бы как и Шевелев», и просил волостное правление «понудить» самого Казанцева поставить провиант²⁰.

Следует учитывать и то обстоятельство, что в неурожайные годы горному начальству приходилось ввозить хлеб из-за пределов заводского ведомства. В 1813 г. оно затратило 600 тыс. р. на приобретение хлеба в Тобольской и даже Пермской губерниях. Приводя данные об объеме заготовленного в 1850—1852 гг. провианта в приписной деревне для заводов и рудников (2 385 559 пудов), Г. П. Жидков, видимо, исходил из убежденности, что весь этот провиант в полном объеме заводы и рудники в указанные годы получили²¹. Выше приведенные материалы свидетельствуют о том, что заготавливаемый в приписной деревне для заводов и рудников провиант доставлялся в значительно меньшем объеме по сравнению с тем, что крестьяне собирались поставлять по взятым ими обязательствам.

По выявленным материалам пока не удастся проследить, какая часть подряженного крестьянами провианта для заводов и рудников уходила на сторону, сбывалась ими на более выгодных условиях, чем по договору с горно-заводским начальством. Но совершенно очевидно, что ежегодно какой-то части провианта, включенного в товарную продукцию, у крестьян не оказывалось в наличии вообще.

Определение уровня товарности — дело очень сложное. Представляется, что по известным на сегодня материалам практически невозможно с точностью установить действительный процент товарности. Однако несомненно то, что предложенная Г. П. Жидковым методика не выявляет действительного уровня товарности хлебной продукции алтайской приписной деревни.

²⁰ ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 7, л. 376.

²¹ Жидков Г. П. Уровень товарности... С. 120.

Одним из самых сложных был и остается вопрос о степени феодальной зависимости приписных крестьян кабинетского хозяйства. В последние два с лишним десятилетия важное место в его решении заняли исследования о крестьянских переселениях в пределах заводского ведомства. В начале 1960-х гг., столкнувшись с фактами крестьянских переселений в рамках кабинетских земель, а главное с их масштабом, М. М. Громыко пришла к выводу о том, что приписные крестьяне считались беглыми, если они уходили за пределы территории алтайских заводов; внутри же нее они могли переселяться по своей инициативе, заводить хозяйство на новом месте, основывать новые деревни. На основании этого вывода М. М. Громыко пришла к заключению о большей, чем у помещичьих крестьян, самостоятельности приписных крестьян и о том, что заводская администрация не вмешивалась в хозяйственную деятельность приписной деревни²².

Не занимаясь специально вопросами крестьянских миграций, некоторые исследователи повторили и далее развили выводы М. М. Громыко для обоснования положения о том, что степень зависимости приписных крестьян была меньшей, чем у помещичьих (М. Е. Сорокин²³); что приписные крестьяне имели возможности выбора вида хозяйственной деятельности. Как считает Г. П. Жидков: «Приписной крестьянин был свободен в выборе направления своего хозяйства (земледелие, скотоводство, пчеловодство, извоз или другие промыслы) и способов его ведения. Он распоряжался своей рабочей силой и был свободен в передвижении и переселении в пределах заводского округа»²⁴. Г. П. Жидков делает вывод о личной свободе приписных крестьян: «Приписные крестьяне Западной Сибири, — пишет он, — находились в поземельной зависимости от Кабинета, отчасти испытывали судебную зависимость, но никогда не состояли в личной зависимости от владельца округа»²⁵.

Против последнего утверждения решительно возразила З. Я. Бояршинова. В своем выступлении на Бахрушинских

²² Громыко М. М. Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962. С. 298—299.

²³ Сорокин М. Е. Горнозаводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747—1779 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Томск, 1965. С. 10, 11, 13, 14.

²⁴ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение... С. 110.

²⁵ Жидков Г. П. Социально-экономическое развитие приписной деревни... С. 10.

чениях в 1969 г. она отмечала: «Если считать приписных крестьян Алтая лично не зависимыми от феодала — владельца округа, то становится непонятным, как без внеэкономического принуждения феодал мог заставить крестьян выполнять заводскую барщину. Уже сам факт прикрепления к заводам и запрещения покидать пределы заводского округа говорит о личной несвободе крестьян». И далее З. Я. Бояршинова особо подчеркивала, опираясь на архивные материалы, что крестьянские переселения запрещались не только за пределами Колывано-Воскресенского округа, но и внутри него, из одной волости в другую²⁶.

В 1978 г., в самый разгар работы над созданием «Крестьянства Сибири...», была опубликована статья Ю. С. Булыгина «Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материале миграции населения Колывано-Воскресенского горного округа». Как и З. Я. Бояршинова, Ю. С. Булыгин, проанализировав конкретные факты крестьянских переселений в пределах заводского ведомства, пришел к убеждению, что из масштабов переселения крестьян нельзя делать вывода об их свободе²⁷. Однако в процессе работы над созданием «Крестьянства Сибири...» выводы З. Я. Бояршиновой и Ю. С. Булыгина о социальной сущности приписных крестьян с учетом их переселений внутри заводского ведомства по непонятным причинам не были учтены, равно как и выводы К. В. Русакова по данной проблеме²⁸.

Не касаясь всех аргументов в пользу близости приписных крестьян кабинетского хозяйства по их статусу к казенным крестьянам, остановимся на одном из них. В «Крестьянстве Сибири...» утверждается, что приписные крестьяне «имели право... переселяться в пределах своего ведомства... Горное правление снисходительно смотрело на самовольные переселения... Строже стали преследоваться переселения в горных округах Кабинета в 1830-х годах в связи с передачей

²⁶ Бояршинова З. Я. О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. // Вопросы истории Сибири досоветского периода: (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 360—361.

²⁷ Булыгин Ю. С. Характеристика социальной сущности приписного крестьянства на материале миграций населения Колывано-Воскресенского горного округа // Из истории Алтая. Томск, 1978.

²⁸ Русаков К. В. Миграции приписного крестьянства в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в первые три десятилетия XIX в. // Барнаулу 250 лет: Тезисы докладов и сообщений на научной конференции (1—2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980.

крестьян в ведение Министерства финансов». В другом месте этой же работы говорится: «...в ходе миграций на протяжении XVIII в. за крестьянством по-прежнему сохранялась возможность на основе обычного права приводить в культурное состояние новые земли». И далее: «Выгодность этого порядка отношений между верховным собственником земли — государством и ее непосредственным пользователем — крестьянином была очевидна для царской администрации». Здесь можно было бы считать, что речь идет только о государственных крестьянах. Но тут же делается ссылка на мнение бригадира А. Беэра (одного «из представителей администрации на Алтае»), который «в 1745 г. в рапорте вполне определенно выразил мысль о выгоде самовольного заселения крестьянами новых земель, так как оно обеспечивает хозяйственное освоение территории».

Начнем со ссылки на «представителя администрации Алтая». В 1745 г. А. Беэр таковым еще не являлся, тогда он возглавлял комиссию, готовившую передачу демидовских заводов в ведение Кабинета. Начальником Колывано-Воскресенских заводов его назначили в 1747 г. Пройдет всего 4 года после этого, и он с большой озабоченностью сообщит Кабинету, что «крестьяне многие по здешним степным и лесным местам в широком расстоянии собою переселивались, где кто хотел и например написан в Бердском остроге, а живет под Бийскою крепостью, а Бийский живет под Бердскою... иные написаны под Чаусскою сотнею, а живут в Бердском и живут однодворками и малыми деревнями»²⁹.

В фондах судебных, земских изб, волостных правлений отложились материалы, свидетельствующие об отношении горнозаводской администрации к переселениям крестьян. Оно было однозначным. По распоряжению канцелярии горного начальства были наказаны «нещадно плетью» за самовольное переселение на новые места жительства в 1752 г. из д. Бехтемирской за 7 верст от нее М. Черданцев; в 1753 г. крестьянин этой же деревни А. Мальцов и жители д. Новиковой Матвей и Петр Кайгородовы, крестьяне Сосновского острога П. Ермолаев, Ф. Червёв, И. Сарин. В 1755 г. в Бердской судной избе по приказу горного начальства били плетью самовольно поселившихся на берегу реки Мильтюш Т. Маркова, Юргановых, И. Волхина, Б. Веснина; дворы их разломали. В том же,

²⁹ Крестьянство Сибири... С. 227, 271; ЦГИА СССР, ф. 468, д. 93, л. 243.

1755г. были выселены с Кулунды поселившиеся там на протяжении 1747—1753 гг. 34 крестьянские семьи, их дома, все хозяйственные постройки были разрушены до основания. В конце 1757 г. за самовольный переезд О. Елкова Бийская судная изба наказала не только его самого, но и десятника д. Маюровой за то, что тот не поставил в известность судную избу о намерении Елкова переехать на новое место жительства. В следующем, 1758 г. канцелярия приказала Бердской судной избе крестьян Ярославцевых, К. Вдовина, Т. Заковряшина, М. Чувашова, Е. Плотникова, Т. Храмцова наказать плетью, разломать построенные ими дома и перевести всех туда, откуда уехали, наказать «батожем жестоко» десятников «за необъявление об их выезде». В 1760 г. наказали плетью за самовольный переезд крестьян Сосновского присуда И. Некрасова, Н. Саламатова, Л. Пичугина. Каждое последующее десятилетие отмечено новыми фактами наказания самовольно переселившихся крестьян³⁰. Крестьян, которым позволяли жить на новом месте их самовольного поселения, не освобождали от наказания.

Тщательная фиксация самовольных переселений, телесные наказания, разрушение выстроенных крестьянами на новом месте домов и хозяйственных построек «до почвы», возвращение на прежнее место жительства, наказание десятников за несвоевременную подачу горному начальству сведений о переселявшихся крестьянах, наказание управителей, бравших на себя выдачу разрешения на переезд крестьян — все эти факты убедительнейше свидетельствуют о том, что нет никаких оснований говорить о наличии свободы крестьянских переселений внутри заводского ведомства, как утверждается в самом новейшем исследовании, в котором, к сожалению, не нашли отражений результаты более объективного освещения существа рассматриваемого явления.

Причины столь резких расхождений между исследователями в оценке условий крестьянских переселений кроются в характере использованных ими источников. Так, М. М. Громыко ограничилась привлечением материалов ревизских сказок, в которых никак не отражалось отношение горного начальства к крестьянским переселениям. В этих материалах фиксировались населенные пункты в пределах заводского ведомства с указанием жителей в них. Если оказывалось, что в предыдущих ревизских сказках не была зафиксирована та

³⁰ Жеравина А. Н. Очерки по истории приписных крестьян... С. 167—193.

или иная деревня, давалось пояснение, как она возникла, заселили ее крестьяне с позволения или без оного со стороны горного начальства. Во многих ранее существовавших деревнях оказывались крестьяне, переехавшие сюда после проведения предыдущей ревизии, причем переехавшие самовольно, без оформления специального на то разрешения. О таких крестьянах давалось разъяснение в виде записи против их фамилии: «переехал собой». М. М. Громыко в этой формулировке усмотрела вольный характер перемещения приписных крестьян в пределах заводского ведомства. Однако формула «переехал собою» означала, что тот или иной крестьянин появился на новом месте без разрешения горного начальства, отношение которого к этому выражалось не во время проведения очередной ревизии, а изо дня в день, из года в год и нашло отражение в специальных указах Кабинета горному начальству, последнего — судным и земским избам, волостным правлениям, управителям по каждому конкретному случаю крестьянских переселений; в рапортах низовых органов управления приписными крестьянами об исполнении распоряжений по отношению к самовольно переселявшимся крестьянам.

В специальной главе монографии «Очерки по истории приписных крестьян...» автором данной статьи была принята попытка именно по этим материалам проследить на протяжении длительного отрезка времени, с конца 40-х гг. XVIII в. до 1830 г., отношение горного начальства к самовольным переселениям крестьян внутри заводского ведомства. Оно постоянно было негативным. К уже приведенным ранее фактам, свидетельствующим о привлечении горнозаводской администрацией к персональной ответственности самовольно переселявшихся крестьян, можно добавить и другие, позволяющие судить о стремлении горного начальства к тому, чтобы все крестьяне заводского ведомства и сельская администрация в том числе, не допускали самовольных крестьянских переселений. Так, в январе 1819 г. крестьянин д. Востровой Касмалинской волости И. Бобров обратился с прошением разрешить ему и его родственникам (всего 22 душам м. п.), жившим в той же волости, в д. Казанцевой и Мармышенской, переселиться в Бурлинскую волость «на пустопорожнее место» между д. Коневой и Верхне-Урюмской. Осматривавший по заданию канцелярии место, которое просили крестьяне, шихтмейстер Пылков обнаружил в 40 верстах от озера Чаны два выселка. По сведениям, полученным из

Бурлинского волостного правления в ответ на запрос канцелярии, оказалось, что между д. Суманской и Утячей в мае 1814 г. без позволения поселились М. Дьяков, Афанасий и Степан Налобовы из д. Кочневой той же волости, живут тремя семьями (всего 11 душ м. п.), «дома скотоводство и хлебопашество имеют достаточно». На «пустопорожнее место» между д. Конёвых Озер и Верхне-Урюмской в июне 1817 г. поселились тоже без всякого позволения жители Касмалинской волости Ермолай и Дмитрий Бобровы, Яков Балашов (из д. Мармышенской) и Яков Сотников (из д. Казанцевой), всего 13 душ м. п. Канцелярия приказала: «Хотя крестьяне переселились самовольно и от заводов в отдалении, но потому только, что они там обзавелись домами, производят хлебопашество и скотоводство... дабы их в хозяйстве не расстроить... оставя их на тех местах всегдашним жителством», с будущего, 1820 г. причислить Дьякова «с товарищи» к Суманской, а Бобровых и Сотникова — к Верхне-Урюмской деревням. При этом, в целях предотвращения крестьянских самовольных переселений, а также усиления ответственности сельских и волостных начальников, «в пример прочим» были сурово наказаны исполнявшие обязанности волостных голов и старост в 1814 и 1817 гг. в Бурлинской и Касмалинской волостях. С каждого из них взыскивали штраф в размере 20 р. С управителей Никитина и Фитцнера, в ведении которых находились эти волости, взыскивали штраф в размере месячного жалования.

Всем земским управителям «настрожайше и в последний раз» предписывалось «своевольное крестьян переселение ограничить, чтоб его нигде и ни под каким предлогом не было, внуша всем крестьянам иметь строгое за сим наблюдение»; в противном случае, как объявлялось в указе, «крестьяне как ослушники будут наказываться, сельские начальники — штрафоваться, а управители — отрешаться от должности как неисполнители». В волостных правлениях сельские старшины и «лучшие люди» всех деревень в присутствии волостных голов и старост дали подписку, «дабы крестьяне самовольных из одного места в другое переселение без позволения на то начальства ни под каким видом делать не отваживались» и обязались «общими силами смотреть друг за другом»³¹.

15 апреля 1821 г. издается новый указ канцелярии горного начальства, по которому крестьянина В. Харева за само-

³¹ ГАТО, ф. 66, оп. 1, д. 57, л. 254, 259, 267—287.

вольное переселение из д. Лушниковой Боровлянской волости в д. Балвашкину Касмалинской волости оштрафовали на 15 р., а с жителей д. Лушниковой и Валвашкиной «за недосмотрение за таковым своевољством» взыскали по 25 р. штрафа. Старшин этих деревень обязали заплатить по 10 р. каждого, а волостных начальников обеих волостей — по 15 р. По всем селениям заводского ведомства были отправлены волостные писари или их помощники для объявления крестьянам, чтобы никто из них не осмеливался самовольно переселяться³².

15 июня того же года на основании указа канцелярии по делу о переселении крестьян д. Вяткиной А. Соснина и К. Вяткина в д. Легостаеву и Шипунову в пределах одной и той же Барнаульской волости волостного голову П. Шадрина и писаря И. Лихачева отстранили от должности, отдали «в работу в Барнаульский завод»: первого — на 1 неделю, второго — на полмесяца. Соснина и Вяткина, а также сельских старшин д. Вяткиной, Легостаевой и Шипуновой, допустивших их переселение, оштрафовали на 15 р. каждого, крестьян каждой из этих деревень — на 25 р.³³

Управитель Власьевский в течение 1821 г. еженедельно доносил канцелярии, что по его ведомству переселений крестьян не было. Когда же стало известно, что он, как оказалось, «своевольно» разрешил крестьянину Лопатину «с товарищи» из Енисейского села поселиться по речке Бехтемир, горное начальство приказало, «выдержав его (управителя. — А. Ж.) на хлебе и воде» 2 недели под арестом, отстранить от должности и определить в Томский завод для использования там по усмотрению управляющего заводом³⁴.

Таким образом, о наличии какой-либо свободы крестьянских переселений в пределах даже одной волости, не говоря уже о всей территории Колывано-Воскресенских заводов, не может быть и речи.

Во вступительном слове к «Малышевским чтениям» в мае 1978 г. академик Д. С. Лихачев говорил: «Наука — это многоэтажное здание. Как и всякое здание, она имеет фундамент — материал, который наука изучает; потом есть первый этаж — непосредственное изучение этого материала, а над этим возвышаются этажи «проблем» и «теорий», обобщений и гипотез... Никакое здание не может быть построено без пер-

³² ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 13, л. 286.

³³ Там же, л. 384.

³⁴ ГАТО, ф. 61, оп. 1, д. 64, л. 123.

вого этажа. Здание может быть одноэтажным, без второго этажа, но здание не может начинаться со второго этажа. Первый этаж всегда должен быть»³⁵. Современное сибиреведение достигло такого уровня, когда без «теорий», «проблем», «гипотез» уже немислимо изучение исторического прошлого Сибири. Но при этом очень сильно возрастает роль фактической базы, без которой могут оказаться беспочвенными любые теории и гипотезы. При теоретическом осмыслении явлений крайне важно избежать искажения действительного положения вещей в историческом процессе. Вспомним, какое огромное значение придавал фактам В. И. Ленин, который писал: «Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах...»³⁶

«Важное значение при постановке исследовательской задачи имеет объективный учет того, что было достигнуто в результате предыдущего изучения анализируемых или аналогичных явлений и процессов. При этом не следует проявлять ни нигилизма, ни консерватизма по отношению к результатам, достигнутым предшественниками, т. е. нельзя исходить из позиции либо полного отрицания, либо абсолютизации этих результатов. Любая односторонность в постановке исследовательской задачи ограничивает итоги изучения или вовсе может привести к ошибочным выводам»³⁷. Это положение, высказанное И. Д. Ковальченко и В. А. Тишковым по проблемам, не касающимся непосредственно рассмотренных в данной статье, имеет общеметодологическое значение. К сожалению, при решении в процессе создания «Крестьянства Сибири в эпоху феодализма» принципиального характера проблем истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Западной Сибири вольно или невольно имели место и нигилизм по отношению к результатам исследований одних, и абсолютизация выводов других ученых. Это тем более досадно, что пересмотр некоторых положений, выводов, сделанных еще в начале 1960-х гг., ставший неизбежным и обяза-

³⁵ Древнерусская книжность по материалам Пушкинского дома: Сб. научных трудов. Л., 1985. С. 263.

³⁶ Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве// Полн. собр. соч. Т. 36. С. 411.

³⁷ Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии// Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г., и г. Таллине, 1981 г. М., 1983. С. 18.

тельным вследствие выявления материалов, которые ранее еще не были введены в научный оборот, ни в коей мере не может сколько-нибудь принизить вклад в развитие советского сибиреведения того или иного ученого, вывод которого может быть уточнен или даже пересмотрен.

В. П. ЗИНОВЬЕВ

ИЗУЧЕНИЕ БОРЬБЫ РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ И НАЕМНЫХ РАБОЧИХ В СИБИРИ В XVIII—XIX вв.

В изучении рабочего движения в России советская историческая наука достигла значительных успехов. Опубликованы сборники документов о рабочем движении в XVIII—XIX вв.¹, специальные монографические издания², разделы в обобщающих трудах по истории пролетариата страны в целом и отдельных ее районов³. Вместе с тем немало еще и нерешенных проблем, и одной из причин этого является недостаточный историографический анализ литературы вопроса.

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950—1963. Т. 1—4.

² Краткая история рабочего движения в России (1861—1917 гг.). М., 1962; Кабанов П., Ерман Р., Кузнецов Н., Ушаков А. Очерки истории российского пролетариата (1861—1917). М., 1963; Корольчук Э. А. Северный союз русских рабочих и рабочее движение 70-х годов в Петербурге. М., 1971; Итенберг Б. С. Южнороссийский союз рабочих: Возникновение и деятельность. М., 1974; Соколов О. Д. На заре рабочего движения в России. М., 1978; Трофимов А. С. Пролетариат России и его борьба против царизма: 1861—1904 гг. М., 1979; Лаверычев В. Я., Соловьева А. М. Боевой почин российского пролетариата. М., 1985; Бич М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861—1904 гг. Минск, 1983 и др.

³ История рабочего класса России 1861—1900 гг. М., 1972; История рабочих Ленинграда: 1703 — февраль 1917. Л., 1972. Т. 1; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983; История рабочего класса Белорусской ССР. Минск, 1984.

Перечень историографических работ включает преимущественно рецензии, информацию о конференциях, вводные части к монографиям, редкие специальные статьи⁴. Менее всего внимания уделяется литературе по рабочему движению в XIX в., когда формирующийся пролетариат еще не был гегемоном всего освободительного движения в стране. Анализу этой литературы посвящена единственная статья В. В. Мицурова и Ю. М. Критского, а также обзоры в некоторых монографиях⁵.

Лучше обстоит дело с историографией темы применительно к сибирскому региону, где ей посвящен ряд специальных статей, разделов в монографиях и докторской диссертации Н. В. Блинова⁶. Последний основное внимание сосредоточил на историографии рабочего движения в Сибири на пролетарском этапе освободительной борьбы в России, поэтому литература о борьбе рабочих в предшествующее время не получила развернутой характеристики в его работах. В настоящей статье в определенной мере восполняется этот пробел.

Изучение вопроса в своем развитии прошло те же этапы, что и история всей отечественной историографии, которая распадается на два периода — дореволюционный и советский.

В литературе дореволюционного периода обращение к протестам рабочих в большинстве случаев было связано с обсуждением одной из наиболее жгучих тем тогдашней сибир-

⁴ См.: История исторической науки в СССР: Советский период: Октябрь 1917—1967 гг.: Библиография. М., 1980. С. 95, 97—98, 108—112; Иванова Н. А. Вопросы стачечной борьбы пролетариата России в советской историографии//Исторические записки. М., 1970. Т. 85; Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978 и др.

⁵ Мицуров В. В., Критский Ю. М. Российское рабочее и социалистическое движение 70-х — начала 90-х гг. XIX в. в советской историографической литературе//Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1. С. 161—206; Соколов О. Д. Указ. соч. С. 6—49; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 13—38.

⁶ Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917 гг.): Библиографический указатель. Томск, 1978. С. 13—14; Блинов Н. В. К историографии рабочего движения в Сибири (исследования 1935—1959 гг.)//Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 211—239; Блинов Н. В., Плотников А. Е. Изучение стачечного движения рабочих Сибири периода империализма//Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск, 1978. С. 4—18.

ской публицистики — рабочего вопроса на горных промыслах. При всей разности мировоззрений и политических симпатий авторов, их объединяло одно — поиск причин приисковых беспорядков и рецептов к их прекращению. Золотопромышленники и горные чиновники причины волнений видели в «испорченности» рабочих-поселенцев, их чрезмерной «требовательности», «ленности» и призывали к ужесточению и без того полукрепостнического приискового режима⁷. Народники и областники, обвиняя в тяжелом положении рабочих капиталистов, называли мелкую артельную промышленность и артельное самоуправление спасением от язв капитализма — кабалы и эксплуатации, народных волнений⁸.

Подобная же методологическая несостоятельность обнаруживается этими авторами при оценке характера рабочего движения. Считая сибирских рабочих крестьянами на заработках, областники и народники не видели отличий рабочего движения от крестьянского. Основываясь обычно на отдельных фактах борьбы рабочих, мелкобуржуазные публицисты не могли заметить роста солидарности и организованности их выступлений. Они охотнее замечали «неспособность приисковых рабочих к активному протесту — скопом и разношерстность таежной толпы»⁹; пассивность и запуганность до такой степени, что даже «светлые пуговицы горного помпадура наводят на них панику»¹⁰.

В. И. Семевский, в целом разделяя взгляды современников на характер борьбы приисковых рабочих, отметил рост самосознания и активности рабочих в период с 30-х по 90-е гг. XIX в.¹¹ В двухтомном сочинении В. И. Семевского даны сведения о 75 волнениях и стачках рабочих, о количестве бежавших с приисков в 30—90-х гг. XIX в. Оценка В. И. Семевским своего труда как материала для последующего на-

⁷ См.: Кулибин В. А. Наша золотопромышленность // Вестник золотопромышленности. 1894. № 5. С. 108; Крахалев А. И. Побег приисковых рабочих // Там же. С. 109—111.

⁸ Причины приисковых беспорядков // Сибирская газета. 1884. 25 марта; Можно ли улучшить приисковые порядки? // Сибирь. 1887. 5 апр. и т. д.

⁹ Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб, 1889. С. 89.

¹⁰ Консерватор. Сибирский музей // Сибирская газета. 1885. 3 марта.

¹¹ Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых приисках. Т. 2. СПб., 1898.

писания научной истории рабочих Сибири¹², пожалуй, верна для всей дореволюционной литературы о пролетариате края, в том числе и об участии его в российском рабочем движении.

Марксисты специально не обращались к анализу борьбы рабочих Сибири в XIX в., но, безусловно, считали сибирских рабочих частью рабочего класса страны, а их выступления — частью российского и всемирного рабочего движения. Г. В. Плеханов на примере стачек рабочих приисков Базилевского и Барташева в 1890 г. показывал сотрудничество властей и промышленников в расправе над трудящимися¹³.

Начальный период советской историографии вопроса характеризуется становлением марксистско-ленинской методологии в исследованиях, дальнейшим накоплением фактического материала как в общероссийских, так и в местных краеведческих изданиях. Никогда позднее историки центра страны так часто не обращались к сибирскому материалу для характеристики общероссийского рабочего движения в XIX в., как в 20-е — первой половине 30-х гг. XX в. В трудах К. А. Пажитнова, Ю. Гессена, М. Балабанова и др. на основе привлечения материалов центральных архивов и книги В. И. Семевского написано немало страниц об участии сибирских рабочих в борьбе своего класса¹⁴.

В Сибири в 20-е гг. также появились публикации с новыми данными о рабочем движении в крае в XIX в.¹⁵ Из них особенно ценны сведения из ныне, вероятно, утраченной ру-

¹² Семевский В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 27.

¹³ Плеханов Г. В. Рабочее движение в 1891 г. // Соч. Т. 4. М.; Пг., 1923. С. 121—122.

¹⁴ Пажитнов К. А. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 — по 1860 гг.) // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 1. С. 86—90; Кн. 2. С. 132—137; Он же. Положение рабочего класса в России. Т. 1—2. 2-е изд., доп. Л., 1925; Гессен Ю. Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках в Сибири // Архив истории труда в России. 1921. Кн. 5. С. 71—77; Он же. История горнорабочих СССР. Т. 1—2., 1926, 1929; Балабанов М. История рабочей кооперации в России. М., 1925; Стачки 1881—1895 гг.: Сб. документов. М., 1930; Любомиров Н. Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики // Труд в России. Кн. 1. Л., 1925. С. 54—70.

¹⁵ Григорьев Ф. С., Шапирштейн-Лерс Я. Е. К истории рабочего и революционного движения в Бодайбинском золотопромышленном районе: Ленское, 9 января — 4 апреля 1912 г. Бодайбо, 1924; Гирченко В. Л. Прибайкалье: Краткий исторический очерк. Верхнеудинск, 1922; Кудрявцев Ф. А. Золотопромышленность Западного Забайкалья 60—80-х гг. XIX в. // Бурятове-

кописной летописи приисковой Благовещенской церкви, включенные в книгу Ф. С. Григорьева и Я. Е. Шапирштейн-Лерса.

Сибирские авторы последовательно придерживались классовых партийных позиций, но, не являясь профессиональными историками, за исключением Ф. А. Кудрявцева, слабо владели методикой исторического исследования, — пользовались ограниченными, часто случайными сведениями. Так, Ф. С. Григорьев и Я. Е. Шапирштейн-Лерс, справедливо отмечая, что В. И. Семевский недооценивал организованность и масштабы движения приисковых рабочих¹⁶, сами, наоборот, преувеличивали значение элементов сознательности в борьбе горников, искали в столкновениях приискателей с полицией и администрацией обязательно политические мотивы, видели забастовку даже в праздничном требовании рабочих выдать лишнюю «сотку» водки¹⁷.

В 30—50-е гг. накопление материала все больше сочеталось с его систематизацией. Большим вкладом в изучение рабочего движения в XIX в. явилась подготовка к публикации сборников документов о борьбе рабочих в этот период. Теорию изучения вопроса и методику исследования серьезно продвинули вперед вступительные статьи А. М. Панкратовой к сборникам документов¹⁸. А. М. Панкратова сформулировала определение понятий «стачка» и «волнение»¹⁹. Анализ этих двух форм рабочего движения позволил более детально подойти к оценке уровня рабочего движения в XIX в., наметить грань перехода рабочих от крестьянских методов (волнений, жалоб и побегов) к пролетарским (стачкам) на рубеже 60-х и 70-х годов²⁰. Вместе с тем для анализа выступле-

дение. Верхнеудинск, 1928. № 1—3. С. 66—85; Очерк движения служащих Иркутска: 1883—1924. Иркутск, 1927; Шемелев В. И. Горняки Сибири до революции: Труд и борьба горнорабочих Сибири до 1917 г. Новосибирск, 1927.

¹⁶ Григорьев Ф. С., Шапирштейн-Лерс Я. С. Указ. соч. С. 6—8, 39.

¹⁷ Там же. С. 29, 45.

¹⁸ Панкратова А. М. Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX века//Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1955. Т. 1. Ч. 1. С. 7—108; Она же. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х гг. XIX века//Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950. Т. 2. Ч. 1. С. 3—73; Она же. Рабочий класс и рабочее движение в России в 1885—1894 гг.//Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 3. Ч. 1. С. 3—87.

¹⁹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 1. С. 34.

²⁰ Там же. С. 45.

ний дореформенного времени эта классификация форм рабочего движения не была применена, первые стачки в аналитической части работы не упомянуты, хотя и выделены в хронике²¹. Вероятно, А. М. Панкратова считала понятие «стачка» неприменимым к выступлениям рабочих дореформенного времени.

Опубликованные в сборниках документы значительно расширили представления о борьбе рабочих России, в том числе и сибирских. Впервые были введены в научный оборот сведения о волнениях и стачках рабочих на металлургических заводах края, строительстве транссибирской магистрали. Вместе с тем не были полностью использованы материалы книги В. И. Семевского. В хрониках, по нашим подсчетам, 66 раз упоминаются события в Сибири 1800—1894 гг. За вычетом волнений приписных крестьян и двух повторов, указано всего 59 выступлений рабочих, т. е. значительно меньше, чем у В. И. Семевского только по золотым приискам.

Продолжался сбор фактического материала о борьбе отдельных территориальных и отраслевых групп рабочих Сибири: на Ленских приисках²², в Забайкалье²³, на металлургических предприятиях²⁴, на приисках Енисейской губернии в 40-е гг. XIX в.²⁵ Авторами работ, за исключением И. П. Шарاپова, были уже профессиональные историки. Однако узость задач и ограниченность средств их решения не позволили им сколько-нибудь серьезно изменить сложившееся в историче-

²¹ Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 639, 646, 648.

²² Ленские прииски: Сб. документов. М., 1937; Шарапov И. П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949.

²³ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954.

²⁴ Савельев Н. Крестьянская реформа 1861 года на Алтае. Барнаул, 1950; Агапова Т. П. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях (конец XVIII — 60-е годы XIX вв.)//Учен. зап./Кабардинский пед. ин-т. Нальчик, 1955. Вып. VII. С. 89—105; Прудникова Т. П. Крестьянское движение в Томской губернии во второй половине XIX века// Известия/Новосибирский отдел Географического общества СССР. Новосибирск, 1958. Вып. 4. С. 7—40; Бородкин П. А. Выступления горнозаводских рабочих на Алтае в конце первой русской революции//Краеведческие записки/Алтайский краевой музей. Барнаул, 1956. Вып. 1. С. 50—68; Преображенский А. А. Классовая борьба уральских крестьян и мастеровых в начале XVIII в.//Исторические записки. 1956. № 58. С. 246—273.

²⁵ К истории движения рабочих золотых приисков Восточной Сибири в первой половине XIX в.//Исторический архив. 1959. № 5. С. 216—223.

ской литературе представление о масштабах и характере рабочего движения в крае в XIX в. О нем продолжали судить в основном по данным В. И. Семевского, называя 45—48 выступлений в Сибири за 1870—1894 гг., при этом отдельные авторы, вслед за В. И. Шемелевым, трактовали эти цифры как официальные, не упоминая первоисточник подсчетов²⁶.

Резко продвинулось вперед изучение рабочего движения, как и многих других вопросов, в 60—70-е гг., когда в Сибири стали значительными кадры профессиональных историков, появилась широкая возможность привлечения архивных фондов, а интерес исследователей стимулировался подготовкой крупных фундаментальных коллективных работ «История Сибири» и «История рабочего класса Сибири».

В 60-е — начале 70-х гг. были серьезно пополнены сведения о рабочем движении на приисках Восточной Сибири, составлены хроники волнений и стачек²⁷. Появились специальные работы, главы и части в монографиях, статьях, посвященные рабочему движению в горной промышленности Восточной Сибири²⁸, на предприятиях Кабинета на Алтае²⁹, в

²⁶ См., например: Шорников М. М. Зарождение большевистских организаций в Сибири (1896—1903 годы)//Сибирские огни. 1946. № 4. С. 90; Ветошкин М. К. Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1947. С. 70—71; Акулов М. Р. Профсоюзы Сибири до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 4; Новакова К. Сибирский железнодорожный пролетариат (1891—1904 годы). Красноярск, 1965. С. 33.

²⁷ Овсянникова Н. Д. Хроника рабочего движения в золотопромышленности Восточной Сибири с 1861 по 1905 гг.//Тр/Иркут. ун-т, 1961. Т. 29. Вып. 2. Сер. историч. С. 143—161; Патронова А. Г. Хроника рабочего движения в частной золотопромышленности Забайкалья (1861—1900 гг.)//Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1967. № 1. С. 84—91; Хроленок С. Ф. Формирование пролетариата в золотопромышленности Восточной Сибири в конце XIX — начале XX века: Хроника рабочего движения на золотых приисках Восточной Сибири (1861—1917 гг.)//Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3. С. 79—111.

²⁸ Комогорцев И. И. Рабочее движение на металлургических заводах Восточной Сибири в XIX в.//Ангара. Иркутск, 1961. № 2. С. 101—108; Карцов В. Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII — начале XIX вв.//Учен. зап./Хакасский научно-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Вып. 9, 1963. С. 114—117; Кудрявцев Ф. А. Борьба горнозаводских рабочих в конце XVIII и первой половине XIX вв.//50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972. С. 118—130.

²⁹ Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышлен-

золотодобывающей промышленности Восточной Сибири первой половины XIX в.³⁰, в обрабатывающей промышленности края во второй половине XVIII—первой половине XIX вв.³¹, на строительстве транссибирской магистрали³², в Восточной Сибири³³ и, наконец, во всей Сибири³⁴.

Результаты этих исследований изменили представление о масштабах рабочего движения в Сибири XIX в. Достаточно сказать, что в хронике, опубликованной в сборниках документов «Рабочее движение в России в XIX веке», указано за 1861—1894 гг. 49 выступлений сибирских рабочих, а наиболее полными и обобщенными подсчетами А. А. Мухина учтено за то же время 223 выступления (в статье 1965 г.), а затем — 240, в том числе 128 стачек (в монографии 1972 г.).³⁵ Можно сомневаться в точности указанных цифр, но то, что движение рабочих в крае было значительно интенсивнее, чем считалось ранее, — безусловно.

В исследованиях А. А. Мухина и других авторов сделаны попытки дать периодизацию рабочего движения в Сибири в XIX в., выявить его связь с общероссийским освободительным

ность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963; Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

³⁰ Нагаев А. С. Из истории золотопромышленности и приисковых рабочих Сибири первой половины XIX века // Учен. зап. / Енисейский пед. ин-т, 1964. Т. 7. С. 3—67.

³¹ Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Свердловск, 1973; Он же. Тюмень и ее уезд в 1773—1775 гг. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 264—279.

³² Мухин А. А. Рабочее движение на строительстве сибирской железной дороги (90-е годы XIX в.) // Тр. Иркут. ун-т, 1961. Т. 29. Сер. историч. Вып. 2. С. 162—184; Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965; Новикова К. Указ. соч.; Блинов Н. В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972.

³³ Мухин А. А. Рабочие Восточной Сибири на путях к Октябрю. Иркутск, 1966.

³⁴ Мухин А. А. Из истории рабочего движения в Сибири (1861—1895 гг.) // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 133—164; Он же. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России; Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968.

³⁵ См.: Мухин А. А. Из истории рабочего движения... С. 164; Он же. Рабочие Сибири... С. 104.

движением, показать соотношение различных форм борьбы: пассивных и активных, крестьянских и пролетарских, приведен анализ наиболее типичных и наиболее крупных выступлений. Изменения в степени изученности борьбы рабочих в крае были не сразу замечены историками общероссийского рабочего движения. Учтены они лишь А. С. Трофимовым³⁶.

Исследования 60-х — начала 70-х гг. при отмеченных результатах оставили немало проблем вследствие отсутствия единой методики сбора и обработки материала, неодинаковой трактовки содержания понятий «волнение», «стачка», узости охвата форм борьбы рабочих. Нередко одни и те же факты рабочего движения относились историками к разным формам борьбы. Так, А. А. Мухин считает, что выступление на Александровском приiske Базилевского в 1890 г. можно назвать стачкой³⁷, а Н. Д. Овсянникова и С. Ф. Хроленок — волнением³⁸. Последнее более верно. Стачки рабочих в мае—июне 1884 г. на приисках Бырчинского т-ва, несмотря на прямые указания источника, что рабочие отказывались выходить на работу, С. Ф. Хроленок называет «волнениями»³⁹, Н. Д. Овсянникова — «столкновениями»⁴⁰.

Некритическое и невнимательное отношение к источникам способствовало накоплению ошибок в виде дублирования фактов, неверного указания дат. Например, Н. Д. Овсянникова учла волнение на Александровском приiske Базилевского в 1890 г. еще дважды — в 1891 и 1892 гг., продублировала также стачки на Троицком приiske Кузнецовых в 1890 г., на Благовещенском приiske Иваницкого в 1888 г., причем в одном случае выступления названы стачками, в другом — волнениями. Ею же перенесена с Алтая в Забайкалье Быстрянская стачка 1894 г.⁴¹ Список такого рода «оплошностей» можно продолжить. Часть указанных и других ошибок исправлены А. А. Мухиным и С. Д. Хроленком, часть повторена.

Таким образом, дальнейшее накопление фактов показало необходимость унификации их учета и интерпретации, более внимательного анализа источников. Без этого невозможно было оценить масштабы и уровень рабочего движения в Сибири.

³⁶ Трофимов А. С. Указ. соч. С. 5.

³⁷ Мухин А. А. Рабочие Сибири... С. 95.

³⁸ Хроленок С. Ф. Указ. соч. С. 89. Овсянникова Н. Д. Указ. соч. С. 154.

³⁹ Хроленок С. Ф. Указ. соч. С. 86.

⁴⁰ Овсянникова Н. Д. Указ. соч. С. 152.

⁴¹ Там же. С. 153—155.

Во второй половине 70-х — начале 80-х гг. было продолжено изучение темы и выявлены новые факты движения судорабочих в первой половине XIX в.⁴², горных рабочих Западной Сибири и Забайкалья в XVIII—XIX вв.⁴³, волнений и побегов мастеровых и крестьян, стачек рабочих на Алтае⁴⁴.

Статистический анализ рабочего движения в Сибири на основе хроники стачек и волнений в крае в 1861—1894 гг. предприняли автор этих строк и А. Е. Плотников⁴⁵. В их статье изложены методика подсчета, определение понятий «стачка» и «волнение». Вместе с тем ограниченный объем публикации позволил поместить лишь цифровой материал о 240 выступлениях и наметить основные тенденции борьбы рабочих.

Анализ использованных материалов показал, что для рабочего движения 60-е — первая половина 90-х гг. XIX в. являются цельным периодом перехода от крестьянских к пролетарским формам борьбы. Среди активных протестов 60—70-х гг. и по количеству выступлений, и по числу участников преобладали волнения. В 80-е — первой половине 90-х гг. стачек было меньше, чем волнений, но они превосходили волнения по числу участников. Активные методы борьбы весь этот период значительно отставали по массовости от пассивных — побегов. Окончательно волнения как способ борьбы

⁴² Копылов Д. И. Судостроение Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX вв.//Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 70—81.

⁴³ Лерман Л. Б. Из истории рабочего движения на золотых приисках Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.//Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX в. — 1918 г. Томск, 1976. С. 79—92; История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707—1922 гг.). Иркутск, 1981.

⁴⁴ Мамсик Т. С. К вопросу о крестьянском движении на Алтае в пореформенный период: (Ирменское волнение 1869 г.)//Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 34—42; Она же. Побег как социальное явление. Новосибирск, 1978; Плотников А. Е. Рабочее движение на Алтае в эпоху капитализма//Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 108—110; Зиновьев В. П. Рабочее движение в Алтайском горном округе во второй половине XIX в.//Там же. С. 110—112; Пахаев С. Я. Стачка на Быстринском золотом прииске в 1894 году//Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. С. 3—22.

⁴⁵ Зиновьев В. П., Плотников А. Е. Стачки и волнения рабочих Сибири в 1861—1894 годах: Статистический анализ//Рабочие Сибири в конце XIX — начале XX вв. Томск, 1980. С. 70—93.

у сибирских рабочих отошли, по мнению авторов, на второй план в последнее пятилетие XIX в. Хроника, послужившая основой для подсчетов, не может, конечно, быть признана исчерпывающей.

Первый том «Истории рабочего класса Сибири»⁴⁶ вобрал в себя весь предшествующий опыт изучения проблемы, кроме того, в нем отражены новые материалы из архивных фондов и периодических изданий XIX в. Выводы авторов о рабочем движении в период с 1800 по 1894 гг. опираются на анализ 290 активных выступлений рабочих, с привлечением статистики побегов, учетом жалоб рабочих.

На основании этих материалов авторы книги сделали вывод о том, что в первой половине XIX в. Сибирь являлась одним из основных центров борьбы рабочих страны, что переход от крестьянских к пролетарским методам борьбы занял здесь значительно больше времени (с 30-х по 90-е гг. XIX в.), чем в Европейской России, в силу меньшей зрелости в Сибири капиталистических отношений и меньшего развития классовых антагонизмов. Очевидно также, что рабочее движение в крае вплоть до 90-х гг. XIX в. было слабо связано с другими течениями освободительного движения, оставалось в целом стихийным, неорганизованным, полукрестьянским по форме и содержанию. Вместе с тем статистика позволила показать рост элементов организованности, усиление пролетарской направленности борьбы от десятилетия к десятилетию.

Публикация этой фундаментальной работы подвела итог изучению рабочего движения в крае, отразила серьезные успехи в этом направлении. Выявила она и явные недоработки в исследовании этой темы. Так, стало ясно, что борьба пролетариата Сибири во время разложения феодально-крепостнической системы в стране исследована крайне слабо. Специальных работ по этому периоду нет, а имеющиеся сведения неполны.

В настоящее время, видимо, выявлен основной материал по рабочему движению в крае в 60—90-е гг., но и здесь не исключены находки, необходимы уточнения. Главная же задача заключается в учете и систематизации в единой хронике всей совокупности фактов борьбы рабочих людей и наем-

⁴⁶ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.

ных рабочих в Сибири в XVIII—XIX вв., в последующем статистическом и теоретическом анализе полученных данных. Необходимая методическая работа в этом направлении уже проделана историками — выработана и опубликована с участием сибирских историков методика составления хроники и статистики рабочего движения в России⁴⁷.

⁴⁷ Блинов Н. В., Желтова В. П., Иванова Н. А., Кирьянов Ю. И., Пушкарева И. М. О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861 — февраль 1917 гг.)//Вопросы истории. 1984. № 11. С. 59—78.

А. Н. ПОПОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕНИНСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Последние 25—30 лет составили качественно новый период в изучении российского народничества. В это время, говоря словами Н. А. Троицкого, за счет «заново открытой» проблемы революционного народничества начал заполняться (и в значительной мере уже заполнился) «зияющий пробел» «в истории борьбы за социализм в России»¹. Примерно с середины 50-х годов начался процесс пересмотра, приведения в соответствие с духом и буквой ленинского наследия оценок народничества². Процесс этот до сего времени не завершился,

¹ См.: Итенберг Б. С. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России//Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР. М., 1962; Он же. Некоторые вопросы изучения революционно-демократического движения пореформенной России//История СССР. 1978. № 1; Седов М. Г. Советская литература о теоретиках народничества//История и историки. М., 1965; Троицкий Н. А. Некоторые вопросы историографии революционного народничества 70-х годов XIX века//Историографический сборник. Саратов, 1971. Вып. 3; Вандалковская М. Г., Итенберг Б. С., Орлик О. В., Рудницкая Е. Л. Историография русского революционного движения XIX в.//Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: Дооктябрьский период. М., 1978; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 262—294.

² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. С. 284.

поскольку острые дискуссии по проблемам народничества, имевшие место в конце 50-х и в 60-е гг.³ и так или иначе упировавшиеся в проблему «истолкования ленинского наследства»⁴, не привели советских историков к полному единогласию.

Общепризнано, что В. И. Ленин дал законченную концепцию истории народничества в России (т. е. стройное, логически непротиворечивое объяснение того, что такое народничество, когда и почему оно возникло, какие стадии прошло в своем развитии, когда и почему сошло с исторической арены, какую миссию осуществило в истории России), и уже поэтому отсутствие в рядах историков единогласия можно расценивать как показатель неусвоенности ленинской концепции в полном объеме. И дело это вряд ли можно объяснить одной только нехваткой конкретной информации о народничестве. В конце концов, у В. И. Ленина такой информации, бесспорно, было меньше, чем у современных историков. И речь в данном случае прежде всего должна идти о каких-то отклонениях от ленинского подхода к анализу этой информации. Очевидно, чтобы застраховать себя от них, необходимо проникнуться духом ленинского исследования, а это, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если неукоснительно следовать ленинской концепции. Последняя, разумеется, — предмет слишком объемный для небольшой статьи, поэтому попробуем выявить лишь некоторые пункты расхождения между советскими историками в истолковании ленинского определения народничества как исторического явления⁵. Уяснение и четкое формулирование этих противоречий есть первое условие их успешного преодоления. Понятно, что сосредоточение на трактовках ленинского определения народничества позволяет обратить внимание на наиболее важные существенные признаки народничества, расхождение в понимании ко-

³ Об этих дискуссиях см.: Захарьина В. Ф. Теоретическая конференция по народничеству//История СССР. 1960. № 1; Итенберг Б. С. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России; Видалковская М. Г., Колесниченко Д. А. Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского освободительного движения//История СССР. 1966. №4; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 105—108; Троицкий Н. А. Указ. соч. и др.

⁴ Философская энциклопедия. М., 1984. Т. 3. С. 542.

⁵ Т. е. как явление, выступающее фактом истории вполне определенного народа на вполне определенном отрезке его (народа) существования.

торых не может не сказываться на восприятии ленинской концепции в целом.

Поскольку, как неоднократно отмечалось в литературе, термин «народничество» использовался В. И. Лениным в различных смыслах⁶, постольку следует оговориться, что в данном случае речь идет о русском народничестве как родовом понятии, т. е. как о русском народничестве вообще или как о народничестве в самом широком смысле слова. Иначе говоря, как о понятии, в котором обобщены все, как одновременно, так и разновременно существовавшие формы, разновидности народничества. В содержание такого понятия должны быть включены только те признаки, которые являлись общими для всех и всяких разновидностей народничества. Не представляя вполне, что такое народничество вообще, вряд ли возможно правильно определить и противопоставить друг другу народничество революционное и либеральное, народничество 60-х, 70-х... 90-х гг. и т. д. Поэтому совершенно не случаен тот факт, что обозначая свои позиции в разворачивающихся дискуссиях, их наиболее авторитетные участники начинали с определения именно этого понятия.

В качестве эталонного возьмем определение, которое В. И. Ленин сформулировал в 1913 г. в статье «О народничестве». «Народничество, — писал он, — есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России»⁷. (Нельзя не согласиться с Ш. М. Левиным в том, что в этой статье речь шла о народничестве в самом широком смысле слова.)⁸ Это определение, несомненно, строго научно, а значит, оно безупречно и в формально-логическом отношении. Но тогда объемы понятий «народничество» и «идеология крестьянской демократии в России» должны быть тождественны друг другу, ибо в противном случае в ленинском определении будет нарушено правило соразмерности. Это последнее, являющееся одним из основных правил определения понятий, гласит: «...Объем определяемого понятия должен быть тождествен объемом определяющего понятия»⁹. Отсюда, в свою очередь,

⁶ См.: Козьмин Б. «П. Народничество — на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 644—647; Левин Ш. М. Революционное народничество 70-х годов в освещении В. И. Ленина // История СССР. 1962. № 2. С. 19—20 и др.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 304.

⁸ Левин Ш. М. Указ. соч. С. 19—20.

⁹ Логика. Минск, 1974. С. 64.

следует, что если истинно суждение «всякое народничество есть идеология крестьянской демократии в России», то истинным должно признавать и суждение «всякая идеология крестьянской демократии в России есть народничество». В противном случае нужно будет признать, что в ленинском определении нарушено правило однозначности, гласящее: «...В пределах научных теорий и их фрагментов каждому Dfn (то, посредством чего определяется. — А. П.) должен соответствовать лишь один единственный Dfd (то, что определяется. — А. П.) (но не наоборот)»¹⁰.

Таким образом, принимать данное ленинское определение — значит признавать, что народничество и идеология крестьянской демократии в России — одно и то же. Имея это в виду, посмотрим, как воспринято ленинское определение в существующей литературе. В качестве примера возьмем интерпретации, предложенные Б. П. Козьминым, Ш. М. Левиным, И. Д. Ковальченко — авторами, оказавшими значительное влияние на развитие современных научных представлений о русском народничестве¹¹. Их позиции определились в основном уже к началу дискуссий, для всех характерно стремление «реабилитировать» народничество, доказать неправомерность исключения всех народников из рядов революционной демократии. Их позиции типичны, а стало быть и репрезентативны, поэтому нет смысла множить число примеров.

Б. П. Козьмин, задавшись вопросом, «что же представляет собой, по Ленину, народничество в широком смысле слова», начинает выявлять те общие признаки, которые объединяли «все существовавшие разновидности народничества». Прежде всего, он указывает, что «народничеством надлежит признать идеологию, господствующую на втором из намеченных Лениным этапов развития русского освободительного движения, на том этапе, который охарактеризован им как «разночинский или буржуазно-демократический»...»¹². Поскольку сам по себе факт господства народничества на втором этапе не способен определять его сущность, постольку наиболее значимым здесь является указание на ленинскую характеристику этого этапа. То есть первым из общих для всех разновидностей народничества признаков Б. П. Козьмин называет их «разночинский или буржуазно-демократический» характер.

¹⁰ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 461.

¹¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 285—286.

¹² Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 645.

Далее, приведя цитату из ленинского конспекта лекции по аграрному вопросу, составленного в 1903 г. («Это целое мирозерцание, начиная от Герцена и кончая Н.—оном. Громадная полоса общественной мысли. Ее историческое значение: идеализация борьбы с крепостничеством и его остатками («Agrarische Demokratie» Marx)»¹³). Козьмин замечает, что она «имеет особый интерес», во-первых, «для понимания термина «народничество», а во-вторых, — «для установления объема явлений, охватываемых им»¹⁴.

Если говорить о понимании термина «народничество», оно, надо думать, углубляется за счет указания на то, что народничество есть не всякая форма буржуазной демократии, но лишь та, которую можно назвать аграрной демократией. Развивая эту мысль, Б. П. Козьмин пишет: «Через десять лет после составления только что цитированного конспекта Ленин в статье «О народничестве» вновь повторил свои мысли... «Народничество, — писал он, — есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России»¹⁵. Эта ленинская формула в перефразированном виде и составила итоговое определение автора. «Итак, — заключает Б. П. Козьмин, — с точки зрения В. И. Ленина, народничество — идеология, представлявшая интересы крестьянства в его борьбе первоначально против крепостничества, а после 1861 г. — против его пережитков»¹⁶.

Установив ленинское определение народничества, Б. П. Козьмин получил возможность поставить вопрос о неправомерности такого противопоставления революционных демократов-шестидесятников революционным народникам-семидесятникам, из которого вытекал тезис о несовместимости революционного демократизма и народничества. Доказательство этой неправомерности ныне относят к числу наиболее значимых результатов изучения освободительного движения в России, полученных после XX съезда КПСС¹⁷.

Решая этот вопрос, Б. П. Козьмин доказывал, что, по Ленину, «народнические взгляды, представляющие разновидность утопического социализма, соединены с революционным

¹³ Б. П. Козьмин цитирует по: Ленинский сб. XIX. С. 237.

¹⁴ Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 645.

¹⁵ Там же. С. 646.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, 105; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 286.

демократизмом»¹⁸, что революционный демократизм и народничество не исключают, но взаимно дополняют друг друга, что шестидесятники «были не только революционными демократами, но и утопическими социалистами, т. е. народниками»¹⁹.

Здесь обращает на себя внимание то, что Б. П. Козьмин различает революционный демократизм и народничество. Последнее (в отличие от первого) являет собой утопический социализм. Но тогда как следует отнестись к его следующему утверждению: «Противопоставление революционных демократов народникам... несостоятельно и явно противоречит ленинской точке зрения...»²⁰? Очевидно, только так, что «народничество» и «народники» — это отнюдь не одно и то же. Быть народником или революционным демократом вовсе не значит исповедовать только народнические или революционно-демократические взгляды. В мировоззрении конкретных людей эти взгляды могут и совмещаться. Поэтому протест Б. П. Козьмина против того, чтобы считать шести- и семидесятников представителями различных течений²¹, означает, по сути дела, протест не только против непризнания революционных народников 70-х годов революционными демократами, но и против того, чтобы считать «шестидесятников» «чистыми» революционными демократами, не-народниками.

Но в таком случае, что же являет собой это соединение революционного демократизма и народничества? Ведь из соединения двух различных явлений, бесспорно, должно родиться нечто третье. Очевидно, в этом случае следует говорить либо об особой разновидности революционного демократизма, либо об особой разновидности утопического социализма. Б. П. Козьмин так и делает, заявляя, что «революционеров 60-х годов объединяло с революционерами 70-х годов то обстоятельство, что те и другие являлись представителями крестьянской революционности, что те и другие были народниками, хотя и разных оттенков...»²². Вряд ли можно сомневаться, что «крестьянская революционность» здесь как раз и выступает как результат соединения революционного демократизма и утопического социализма (т. е. народничества), а народник тогда предстает как носитель этой револю-

¹⁸ Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 662.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 663.

²¹ Там же. С. 665.

²² Там же. С. 670.

ционности. Сама же эта крестьянская революционность, как это явствует из дальнейшего изложения, трактуется Б. П. Козьминым как форма выражения крестьянского буржуазного демократизма²³.

Таким образом, Б. П. Козьмин показал, что такое, по его мнению, крестьянский буржуазный демократизм, о котором говорил В. И. Ленин: это результат соединения революционного демократизма и утопического социализма (народничества). Поскольку это же самое соединение присуще как шести-, так и семидесятиникам (это и дает ему основание считать и тех, и других народниками), постольку с его (Б. П. Козьмина) точки зрения революционное народничество, понимаемое как идейно-политическое течение, сочетающее в себе революционный демократизм с утопическим социализмом (народничеством), и идеология крестьянской демократии в России — это одно и то же. Фактически Б. П. Козьмин стоял на том, что, с точки зрения В. И. Ленина, в 60—70-е гг. XIX века народничество было единственной формой идеологии крестьянского демократизма в России. Эта его позиция представляется очень важной, позволяющей придерживаться ленинской концепции. К сожалению, в полной мере она не была реализована. Чтобы убедиться в этом, следует рассмотреть, каким образом Б. П. Козьмин трактовал вопрос о ленинском определении объема понятия «народничество».

Надо думать, цитата из ленинского конспекта 1903 г. первостепенное значение имела для Б. П. Козьмина потому, что в ней начало народничества прямо связывалось с Герценом. Это и понятно, поскольку доказательство того, что историю народничества в России нельзя начинать с семидесятников (а следовательно, и подавать вопрос так, будто народничество и революционный демократизм не могут совмещаться), было одной из главных задач Козьмина. Об этом говорит хотя бы то, что, сопоставив ленинский конспект со статьей «О народничестве», он пришел к выводу, что В. И. Ленин в 1913 г. просто «повторил свои мысли относительно исторических судеб народничества»²⁴. Но ведь в 1903 г. В. И. Ленин говорил о народничестве как о громадной полосе общественной мысли, «начиная от Герцена и кончая Н.—оном»²⁵ (выделено нами. — А. П.), — а в 1913? Читаем:

²³ Там же. С. 670—672.

²⁴ Там же. С. 646.

²⁵ Ленин В. И. Тетради по аграрному вопросу: 1900—1916 гг. М., 1969. С. 21.

«Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство). Экономическую теорию народничества разрабатывали всего цельнее В. В. (Воронцов) и Николай—он в 80-х гг. прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленные взгляды левых народников»²⁶. Видим: повторено здесь только то, что народничество началось с Герцена, но здесь же зафиксирован и тот факт, что его история отнюдь не завершилась «Николаем—оном», т. е. либеральным народничеством, которое Ленин справедливо считал конечным продуктом исторической эволюции народничества²⁷, она продолжалась и в XX в. Причем В. И. Ленин вовсе не стремится создать впечатление, будто народничество XX в. есть нечто, отличное от народничества XIX в., нечто, не являющееся идеологией крестьянской демократии. Напротив, он безоговорочно укладывает его в рамки общего определения народничества.

Может показаться, что на понимание сущности народничества на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России указанное обстоятельство существенно повлиять не может. Но ведь понимание сущности народничества (как и всякого исторического явления) не может считаться окончательным до тех пор, пока оно теснейшим образом не свяжется с пониманием его реального исторического значения. Не случайно и сущность, и историческое значение народничества Ленин обозначил одними и теми же словами: «Крестьянская демократия, — писал он, — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»²⁸.

Заключая свою статью, Б. П. Козьмин как раз и формулирует оценку исторического значения народничества. «...На протяжении второго этапа освободительного движения в России народничество, бывшее в первые десятилетия своего существования в основном течением прогрессивным, к концу 80-х и началу 90-х годов превратилось в глубоко реакционное». Далее он добавляет, правда, что это «не исключало, однако, существования и в это время среди народников людей,

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 304—305.

²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 272, 282—283; 295—296 и т. д.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 305.

продолжавших вести революционную работу и субъективно глубоко и искренне преданных делу революции»²⁹. Но в свете предшествующего утверждения эти слова воспринимаются совершенно однозначно: несмотря на субъективную преданность некоторых народников делу революции, несмотря на то, что они продолжали революционную работу и в 80—90-е гг., — в это время в целом их работа приобрела глубоко реакционное значение (в противном случае невозможно было бы утверждать, что народничество вообще, в широком смысле, — а у Б. П. Козьмина речь как раз о нем, — превратилось к концу этапа в реакционное течение).

Признать этот вывод справедливым — значило бы признать справедливым следующее утверждение: идеология крестьянской демократии в России, т. е. народничество в широком смысле (или, говоря словами Б. П. Козьмина, «идеология, представлявшая интересы русского крестьянства в его борьбе первоначально против крепостничества, а после реформы 1861 года — против его пережитков»³⁰), к концу разночинского этапа превратилась в глубоко реакционное течение. Естественно, ни сам Б. П. Козьмин, никто другой, сколько-нибудь знакомый с работами В. И. Ленина, не смог бы согласиться с этим утверждением. Ясно, что идеология крестьянского демократизма, эта форма классового сознания демократически настроенного крестьянства, способна исчерпать свой прогрессивный потенциал лишь с доведением до конца буржуазно-демократических преобразований общества. Следовательно, надлежит либо признать, что ленинское определение народничества здесь истолковано неверно, либо признать, что само это определение неправильно отражает существо дела.

В каком случае можно было бы согласиться с итоговой оценкой народничества, предложенной Б. П. Козьминым? Либо в том, что народничество уже к концу разночинского этапа перестало быть идеологией крестьянской демократии³¹, т. е. качественно переродилось, изменило свое классовое содержа-

²⁹ Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 727. См. также на с. 673: «Народничество — явление весьма сложное и многообразное. За время своего существования оно пережило ряд этапов, изменяясь в связи с изменением социально-политической обстановки в стране, и выродилось в конечном итоге из революционного в либеральное, легальное народничество» (выделено нами. — А. П.).

³⁰ Там же. С. 646.

³¹ Так предлагает понимать В. И. Ленина, например, И. Д. Ковальченко.

ние (но тогда будет непонятно, почему не только В. В. и Николая—она, но и эсеров, появившихся позднее, В. И. Ленин причислял к идеологам крестьянской демократии), либо в том, что крестьянская демократия (а значит и ее идеология) уже к этому времени, к концу разночинского этапа, исчерпала свои прогрессивные потенции³² (но тогда станет вообще непонятным все ленинское учение о союзе пролетариата и крестьянства в русской революции).

Итак, что же именно вызывает сомнения в трактовке ленинского определения народничества, предложенной Б. П. Козьминым? Сама по себе она не расходится с этим определением; в качестве основных признаков народничества он называет именно те, на которые указал В. И. Ленин. Иное дело объем понятия «народничество». В интерпретации Б. П. Козьмина он фактически сужен; сужен за счет того, что вся история народничества в его собственном качестве была подменена частью этой истории. Хотя, горячо доказывая ошибочность изъятия истории революционеров-шестидесятников из общей истории народничества, Б. П. Козьмин фактически и выступал за правильное ленинское определение объема понятия «народничество». Важно подчеркнуть и то, что он, опровергая тезис о несовместимости народничества и революционного демократизма, доказывал, что в России вне народнической оболочки революционный демократизм вообще не существовал, ибо (по крайней мере на разночинском этапе) он мог быть представлен только крестьянским демократизмом, а идеология этого последнего и есть народничество.

Для И. Д. Ковальченко характерно настойчивое отрицание допустимости соединения движения шести- и семидесятников в единый революционно-народнический этап³³. В этом смысле его позиция противостоит только что рассмотренной.

«Народничество в самом широком смысле, — пишет Ковальченко, — это буржуазный демократизм, представители которого проповедовали некапиталистический путь развития и считали себя социалистами, то есть верили в возможность перехода к социализму, минуя капитализм»³⁴. Чисто внешне

³² Примерно так рассуждали в свое время меньшевики. В. И. Ленин, говоря о том, что меньшевики из факта реакционности народнической доктрины выводили тезис о реакционности крестьянства, характеризовал эту их идею как «чудовищную, идиотскую, ренегатскую». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47, С. 228—229).

³³ В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 106.

³⁴ Там же. С. 69.

это определение существенно отличается от того, которое дал Б. П. Козьмин. Одинаково определяя народничество, как некоторую разновидность буржуазного демократизма, они (эти определения) по-разному специфицируют его. В определении Б. П. Козьмина (точнее, в интерпретации ленинского определения, предложенной Б. П. Козьминым) утверждается, что основным признаком, отличающим народничество от других форм буржуазного демократизма, является его крестьянский характер. В определении же И. Д. Ковальченко таковым признаком является установка на переход к социализму, минуя капитализм.

Это расхождение может быть воспринято как чисто внешнее, ибо И. Д. Ковальченко тут же приводит ленинское определение народничества как идеологии крестьянской демократии в России, давая понять тем самым, что эта идеология и есть та разновидность буржуазного демократизма, которая ориентирована на некапиталистическое развитие. Таким образом, как и интерпретация Б. П. Козьмина, трактовка ленинского определения, предложенная И. Д. Ковальченко, сама по себе возражений вызвать не может. Исходя из нее, можно предположить, что и для него народничество — единственная форма идеологии крестьянской демократии в России.

Так ли это? Очевидно, центр тяжести ленинского определения — в фиксации объективного классового содержания народничества. Поясняя этот момент, И. Д. Ковальченко пишет: «Социальной опорой народничества как буржуазной демократии на протяжении всей его истории было крестьянство»³⁵ (выделено нами. — А. П.). Но двумя страницами ниже мы находим положение о том, что с 80-х гг. XIX в. народничество из идеологии крестьянства превратилось в идеологию мелкой буржуазии; причем прямо отмечается, что это превращение знаменует собой изменение именно «социальной опоры»³⁶. Получается так, что говорить о крестьянстве как о социальной опоре народничества «на протяжении всей его истории» нет оснований, таковой опорой оно было только до 80-х гг. Отсюда с необходимостью должно следовать либо то, что история народничества (в ленинском понимании) в России завершилась уже к 80-м гг. XIX в., либо то, что само ленинское понимание нуждается в существенной корректировке. Правда, здесь можно возра-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 71.

зять, что из превращения народничества в идеологию мелкой буржуазии вовсе не следует, что оно перестало быть идеологией крестьянства. Ведь вполне можно представить себе мелкобуржуазное крестьянство, то есть обуржуазивающееся крестьянство, которое раскалывается, но еще не раскололось на антагонистические классы буржуазного общества. Идеология такого крестьянства, бесспорно, будет мелкобуржуазной идеологией, ибо чем представлен процесс обуржуазивания крестьянства в своем начальном пункте, как не превращением крестьянина в мелкого буржуа? Ведь обуржуазивание крестьянства прежде всего предполагает втягивание его в товарное хозяйство, а мелкий буржуа и есть «мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства»³⁷ (в исходном пункте капиталистической эволюции все крестьянство представлено мелкими производителями — это очевидно).

Вместе с тем такая мелкобуржуазная идеология всего крестьянства будет именно крестьянской идеологией до тех пор, пока крестьянство в целом будет сохранять мелкобуржуазный облик, то есть до тех пор, пока различия между социальными группами внутри крестьянства не выйдут за рамки различий между отдельными разрядами мелкой буржуазии.

Но И. Д. Ковальченко прямо указывает, что народничество «превратилось в идеологию мелкой буржуазии» только «с расколом деревни и оформлением класса мелкой буржуазии»³⁸. Тем самым он признает, что мелкобуржуазное крестьянство — отнюдь не все крестьянство, но лишь верхушечная, эксплуататорская (в той или иной степени) часть его. Десятью годами раньше эту позицию он формулировал еще более определенно: «С разложением крестьянства, — писал он, ссылаясь на В. И. Ленина, — народники превратились «из идеологов крестьянства в идеологов мелкой буржуазии», кулачества, стали защитниками «мелких «народных» буржуев», представителями «ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии»³⁹.

Таким образом, по концепции И. Д. Ковальченко, народничество было идеологией крестьянской демократии в Рос-

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 413.

³⁸ В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 71.

³⁹ Ковальченко И. Д. В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России//Вопросы истории. 1960. № 4. С. 73.

сии только до 80-х гг. XIX в. То есть и здесь объем ленинского понятия «народничество» сужен за счет исключения из него тех разновидностей крестьянско-демократической идеологии, которые продолжали посленародовольческую историю народничества. В этом позиция И. Д. Ковальченко не расходится с позицией Б. П. Козьмина.

Расходятся они в другом. Если Б. П. Козьмин утверждал, что как шестидесятники, так и семидесятники были не только революционерами-демократами, но и народниками, то И. Д. Ковальченко именно это и отрицает. Он заявляет, что «более полно и точно» «ленинскую трактовку истории народничества» отражает такой подход, при котором признается «существенное различие» между шести- и семидесятниками, позволяющее рассматривать «60-е и 70-е годы, как самостоятельные этапы в истории общественной мысли и революционного движения в пореформенной России»⁴⁰. Связывая возникновение народничества с необходимостью «практической» борьбы против капитализма в России⁴¹, он считает, что такой необходимости в 60-е гг. не существовало⁴², а следовательно, не могло существовать и народничества.

И. Д. Ковальченко совершенно справедливо считает революционных демократов 60-х гг. крестьянскими демократами (он прямо говорит, что в мировоззрении А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, других революционных деятелей 40—60-х гг. «интересы крестьянства в борьбе против крепостничества и его остатков» получили «последовательное выражение»⁴³), т. е. не всякими революционными демократами, но теми, которые берут на себя защиту демократических интересов именно крестьянства. Но он отрицает за шестидесятниками такое свойство, как «быть народниками», и потому в его интерпретации допускается не только мысль о том, что народничество в России могло и не быть идеологией крестьянской демократии, но и то, что идеология крестьянской демократии в России могла быть представлена не народничеством. На наш взгляд, И. Д. Ковальченко произвольно сузил объем ленинского понятия «народничество в широком смысле».

⁴⁰ В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 106.

⁴¹ Там же. С. 75, 77.

⁴² Там же. С. 77.

⁴³ Там же. С. 75.

Как представляется, наиболее точно смысл ленинского понятия «народничество» вскрыл Ш. М. Левин в статье «Революционное народничество 70-х годов в освещении В. И. Ленина», напечатанной в 1962 г. (основные положения этой статьи были повторены в коллективной монографии «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX века»). Он писал: «Народничество по своему объективному историческому содержанию и значению было идеологией крестьянской демократии в России, было знаменем борьбы крестьянства за полное и всестороннее очищение России от всех и всяких его пережитков. Эти стремления имели своим облачением социалистическую утопию, для чего так же существовали свои исторические основания и что имело свою давнюю и глубокую традицию»⁴⁴. Характеризуя объем этого понятия, он приводил уже цитировавшийся абзац из статьи В. И. Ленина «О народничестве», особо отмечая при этом: «С историей народничества, понимаемого в самом широком значении слова, связаны столь различные деятели, как высокочтимый Лениным великий революционер и утопический социалист Чернышевский и крайний оппортунист и догматик народничества, неоднократно подвергавшийся справедливой жестокой критике Ленина — В. П. Воронцов»⁴⁵. При этом Ш. М. Левин неоднократно отмечал, что, по мнению В. И. Ленина, история народничества в России насчитывала, начиная с 1861 г., «более полувека»⁴⁶.

Особо следует отметить ту его мысль, что Ленин никогда не исключал «из своей общей схемы развития русского народничества» народничество XX в. (то есть народных социалистов, Трудовую группу, социалистов-революционеров, «трудовые партии» вообще), несмотря на то, что «это новое народничество родилось в изменившихся исторических условиях и существенно отличалось по некоторым идеологическим признакам, форме и обстановке своей деятельности от старого, «классического» народничества»⁴⁷. С этим тесно связано суждение о важности оценок народничества, данных Ле-

⁴⁴ В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1960. С. 170.

⁴⁵ Левин Ш. М. Революционное народничество 70-х годов в освещении В. И. Ленина // История СССР. 1962. № 2. С. 19—20.

⁴⁶ Там же. С. 20, 29; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль... С. 141.

⁴⁷ Левин Ш. М. Революционное народничество 70-х годов... С. 20.

ниным «в связи с деятельностью «трудовых партий» начала XX века», «для понимания более ранних этапов народнического движения»⁴⁸.

Вместе с тем Ш. М. Левин все же оставляет неясность в вопросе о том, когда, по концепции В. И. Ленина, народничество исчерпывает свое значение идеологии крестьянской демократии. Цитируя Ленина («Русские марксисты давно уже указывают на то перерождение старого русского классического революционного народничества, которое неуклонно происходит с восьмидесятых годов прошлого века»⁴⁹) и отмечая, что «это перерождение шло в направлении идей либерального народничества»⁵⁰, он ограничился простой констатацией того факта, что «Ленин... строго различал периоды решающей роли боевого, революционного народничества и преобладающего влияния народничества либерального»⁵¹. Это рассуждение можно понять и так, что уже с 80-х гг. XIX в., по мнению Ленина, значение народничества как революционной по своему объективному классовому содержанию идеологии необратимо утрачивается⁵², и так, что период преобладания либеральной струи в народничестве 80—90-х гг. вовсе не исключает следующего периода, в котором на первый план опять выйдет народник-революционер.

Поэтому позиция Ш. М. Левина в спорах о внутренней периодизации разночинского этапа толкуется двояко. С одной стороны, его безоговорочно причисляют к сторонникам «трехчленной» периодизации, отрицающей тезис о «народническом единстве» разночинского этапа⁵³, с другой—говорят, что «положение Б. П. Козьмина о воззрениях шестидесятников и семидесятников как «о двух разновидностях одной и той же идеологии» и истолкование Ш. М. (Левиным. — А. П.) ленинского тезиса о народничестве в широком смысле, окрашивающем

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 77.

⁵⁰ Левин Ш. М. Революционное народничество 70-х годов... С. 31.

⁵¹ Там же. С. 34.

⁵² По сути дела, вопрос именно так и трактуется у Б. П. Козьмина и И. Д. Ковальченко.

⁵³ См.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 106; Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма: 1866—1882 гг. М., 1978. С. 36—37.

весь разночинский период, — не так уже далеки друг от друга, как может показаться из-за остроты полемических формулировок Козьмина»⁵⁴.

Обобщая все вышеизложенное, можно сказать следующее:

1. В нашей литературе ленинское определение народничества до сих пор трактуется неоднозначно; в частности, по-разному воспринимается объем этого понятия.

2. Эта неоднозначность мешает дальнейшему развитию ленинской концепции истории российского народничества в целом. Прежде всего в ней (в этой неоднозначности) расплывается вопрос об объективном классовом содержании народничества. По-разному начинает трактоваться сама крестьянская демократия, составляющая это содержание, а стало быть, и реальное историческое значение народничества.

3. Как представляется, эта неоднозначность может быть устранена лишь с выяснением того, необходима или случайна, с точки зрения В. И. Ленина, народническая оболочка крестьянского демократизма в России. Иначе говоря, является народнический «социализм» просто неадекватной формой выражения буржуазного демократизма вообще («просветительства»), пустой словесностью, которую можно отбросить без ущерба для содержания, или же фактором, обеспечивающим русскому буржуазному демократизму значение именно крестьянского демократизма, этой наиболее последовательной формы буржуазного демократизма в России, существовала ли и могла ли существовать, с точки зрения В. И. Ленина, идеология крестьянской демократии в России вне народничества.

⁵⁴ Гинев В. Н. Творческий путь. Ш. М. Левина//Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX вв. Л., 1974. С. 427.

А. И. ЩЕРБИНИН

ДИСКУССИЯ 20—30-х ГОДОВ О СОВЕТАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из важнейших завоеваний революции 1905—1907 гг. явились, как известно, Советы рабочих депутатов — «нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции»¹. Эта важнейшая тема отечественной истории всегда привлекала и поныне привлекает внимание советских историков. Немало сделано уже и в изучении самого процесса становления и развития историографии первой российской революции, в том числе и Советов, порожденных ею. Историография первых Советов рассматривается в работах А. И. Алаторцевой, О. В. Волобуева, В. Г. Егорова, В. А. Муравьева, А. В. Шипулиной и др.² В исследовательский комплекс следует включить

¹ Ленин В. И. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседаниях ВЦИК 6(19) января 1918 г.//Полн. собр. соч. Т. 35. С. 238.

² Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист» 1926—1941 гг. М., 1979; Волобуев О. В. Историография революции 1905—1907 годов (дооктябрьский период). М., 1981; Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография. М., 1982; Егоров В. Г. Генезис Советов рабочих депутатов 1905 г. в исторической литературе 20-х годов//Тр. Воронежский ун-т; Т. 85, Воронеж, 1969. С. 130—149; Шипулина А. В. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г. в исторической литературе//Рабочий класс и Советы в революции 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 62—77.

статьи, посвященные историкам, принимавшим участие в дискуссии о Советах³.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что дискуссия 20—30-х гг. наиболее полно отражает типичные достижения и недостатки проходивших тогда дискуссий о революции 1905—1907 гг. в целом. Кроме того, проблема Советов до сих пор является объектом острой идеологической борьбы, в которой современные буржуазные историки вслед за меньшевиками и троцкистами пытаются доказать, что Советы — плод меньшевистских усилий, в то время как «волюнтаризм» и «антигуманизм» большевиков вылился в подготовку вооруженного восстания.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, как в условиях дискуссии шло освоение ленинской точки зрения на Советы—органы, созданные творчеством масс, с диапазоном деятельности от организации стачки до руководства вооруженным восстанием.

20-е гг., как известно, охарактеризовались пристальным вниманием историков-марксистов к проблеме возникновения и существования первых Советов. Это было обусловлено и победой власти Советов в 1917 г., и международным значением опыта советского движения.

Недостаток фактического материала, неполное знание ленинских работ о Советах 1905 г., стремление некоторых историков к абсолютной аналогии Советов 1905 и 1917 гг., наличие меньшевистских концепций порождали дискуссионные ситуации, которыми отмечено целое десятилетие в изучении проблемы. Толчком к дискуссии послужил выход в 1922 г. книги бывшего члена исполкома Петербургского Совета Д. Сверчкова⁴. Это была не единственная работа, где прослеживались параллели с некоторыми положениями, высказанными в книге Троцкого «1905»⁵. Д. Сверчков пытался доказать, что первым Советом в стране был Петербургский.

С критикой этой точки зрения выступил Н. Бабахан. Опи-

³ Горин П. М. Н. Покровский как историк первой русской революции//Историк-марксист. 1928. Т. 9; Ртищев Ю. И. Н. Н. Батурин о Советах 1905 и 1917 гг.//Тр./Воронеж. ун-т; Т. 85. Воронеж, 1969. С. 76—96 и др.

⁴ Сверчков Д. На заре революции. 4-е изд. М., 1926.

⁵ См., напр.: Иренин М. Первый Совет рабочих депутатов: (Краткий очерк). Л., 1925.

раясь на воспоминания Ф. Самойлова⁶, он категорически утверждал, что первый Совет возник в Иваново-Вознесенске⁷. Правомерна была и мысль Н. Бабаханана о том, что надо учитывать специфику Советов, возникших в разной исторической ситуации.

Однако анализ всей работы Н. Бабаханана показывает, что правильный вывод о «первородстве» Иваново-Вознесенского Совета — лишь случайность в ошибочной в целом концепции генезиса Советов, которые автор выводил из зубатовских и гапоновских обществ, комиссии сенатора Шидловского и т. п. неревolutionонных организаций⁸. Идейные корни Советов Н. Бабахан усматривал в меньшевистской пропаганде рабочего съезда и широких рабочих организаций, призванных заменить РСДРП⁹. Более того, автор утверждал, что и сама инициатива создания Петербургского Совета принадлежала меньшевикам¹⁰. Эти грубые ошибки до определенной степени затруднили борьбу с искажениями в исследованиях роли Иваново-Вознесенского Совета.

Объявляя «поход» против «субъективности», Д. Сверчков в статье «Родословная Петербургского Совета Рабочих депутатов»¹¹ подверг резкой критике книгу Н. Бабаханана. Автор статьи признал, что оценка Иваново-Вознесенского Совета как первого получила широкое распространение, поэтому повел борьбу именно с этой установкой. Д. Сверчков потребовал уточнить предмет дискуссии, а именно, что понимать под названием «Совет». Он предложил отграничить «стачечные комитеты», ставившие своей целью организацию забастовок, от «Советов» как классовой организации пролетариата, стремившейся к захвату государственной власти. При этом автор наделял Петербургский Совет признаками диктатуры пролетариата.

В дискуссии с Бабаханом Сверчков использовал довольно распространенный прием, прибегнув к разбору текста работы противника, чтобы доказать, что в Иваново-Вознесенске был типичный стачечный комитет. Основной упор был сделан на

⁶ Самойлов Ф. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении в 1903—1905 гг. М., 1922.

⁷ Бабахан Н. Советы в 1905 г. М., 1923. С. 4.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 16—17, 85.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Красная летопись. 1923. № 9. С. 45—53.

анализе грубейших ошибок, действительно имевших место в книге Н. Бабахана.

Специфика начального этапа дискуссии заключалась в том, что ее участники оперировали в основном материалами личных воспоминаний. Не случайно, что в этих условиях столкнулись точки зрения бывшего члена исполкома Петербургского Совета Д. Сверчкова и одного из руководителей стачки ивановских рабочих, члена Совета Иваново-Вознесенска Ф. Самойлова¹². Отвечая Сверчкову, Самойлов опубликовал полемическую статью «Первый Совет рабочих депутатов в 1905 г.»¹³. Автор ее показал схожие черты Ивановского и Петербургского Советов. Более того, писал Ф. Самойлов, Петербургский Совет, как и Ивановский, первоначально ставил задачи, связанные с нуждами бастующих рабочих. Главным критерием, отличающим «Совет» от других массовых организаций рабочих, Самойлов согласился считать отношение к вопросу о власти. Именно в этом пункте находили слабые места его противники, считавшие Ивановский Совет обыкновенным стачечным комитетом. Ф. Самойлов пытался показать, что Иваново-Вознесенский Совет обладал почти теми же атрибутами власти, что и Петербургский, только в уменьшенном масштабе и с поправкой на период существования¹⁴. Переходя в наступление, он утверждал, что Совет Иваново-Вознесенска как полностью рабочий орган, находившийся под влиянием большевиков, был ближе к послеоктябрьским Советам. Ненсторический подход Ф. Н. Самойлова к оценке Советов 1905 г. был во многом порожден полемической увлеченностью автора.

Ранний этап дискуссии выявил потребность в комплексном исследовании истории всех Советов 1905 г., основанном на глубоком освоении ленинской методологии, знании архивного материала. Эту задачу попытался реализовать молодой советский историк П. О. Горин. Выбрав проблему еще в период обучения в ИКП, в семинаре М. Н. Покровского, по окончании его двадцатипятилетний историк выпустил первую в стране обобщающую работу по истории Советов 1905 г.¹⁵ Выпуск

¹² См.: БСЭ. 3-е изд. Т. 22. С. 537; Первый Совет рабочих депутатов. М., 1985. С. 229—230.

¹³ Пролетарская революция. 1925. № 4.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Горин П. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 году. М., 1925.

монографии совпал с празднованием юбилея первой русской революции.

В ноябре 1925 г. П. Горин сделал доклад на дискуссии в Обществе историков-марксистов¹⁶. Автор прямо связал возникновение Советов с Октябрьской политической стачкой. С новой остротой поднялись вопросы о первом Совете, о генезисе этих организаций, об отношении к ним большевиков и меньшевиков. Это видно, в частности, по выступлениям в прениях Васильева-Южина, Сверчкова и Рожкова. Сверчков, получив неожиданную поддержку, солидаризировался с П. Гориним в том, что первым был именно Петербургский Совет. Но в выступлении молодого историка его не устраивали моменты, связанные с различным отношением к Совету большевиков и меньшевиков, с оценкой их борьбы внутри данной организации. Подобная позиция Сверчкова имела под собой существенные основания. Ибо автор, по свидетельству выступавшего следом М. И. Васильева-Южина, вышел в 1905 г. из фракции большевиков и примкнул к меньшевикам. Сам Васильев-Южин считал, что первым был Иваново-Вознесенский Совет.

Типичным для меньшевистской концепции общественных организаций было выступление Н. А. Рожкова. Он выводил Советы из стачечных комитетов 90-х гг. XIX в., зубатовских и гапоновских организаций, крестьянских сходов¹⁷.

Таким образом, дискуссионная глава «К родословной Советов рабочих депутатов» монографии П. Горина, обсуждение его доклада в ОИМ свидетельствовали о продолжающейся поляризации мнений историков относительно первого Совета. Как исключение прозвучало пожелание В. Максакова не заострять внимания на противоположных точках зрения по вопросу о первом Совете, так как он не является принципиальным¹⁸.

Продолжением дискуссии явилось письмо Ф. Самойлова в редакцию «Пролетарской революции», где он рассматривал свой спор с П. Гориним как развитие дискуссии с Д. Сверчковым¹⁹. Анализируя аргументы оппонента, Ф. Самойлов си-

¹⁶ Горин П. О. Чем же были Советы рабочих депутатов в 1905 г.?//Историк-марксист. 1926. Т. 1.

¹⁷ См.: Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 229.

¹⁸ Максаков Вл. П. Горин: Очерки по истории Советов рабочих депутатов//Пролетарская революция. 1925. № 8.

¹⁹ Самойлов Ф. По поводу книги П. Горина «Очерки по истории Советов рабочих депутатов»//Пролетарская революция. 1925. № 11.

стематизировал их и попытался опровергнуть. Он обратился к типичной системе доказательств, основанной на воспоминаниях. Но автор отказался от прямолинейного возведения Совета 1905 г. к диктатуре пролетариата как доказательства его первенства. Вслед за Гориным он соглашается с ленинской оценкой Советов 1905 г. как «зачатков диктатуры революционных элементов народа». Даже Ивановский Совет Ф. Самойлов согласился считать «зачаточным», но именно Советом, а не стачечным комитетом²⁰.

Дискуссия о Советах, как пробный камень в понимании характера и движущих сил революции, стала составной частью других дискуссий²¹. Она заставляла историков определяться в проблеме. Так, в 1926 г. вышли две монографии Е. П. Кривошеиной²². Она выступила с критикой П. Горина, который утверждал, что претензии меньшевиков на авторство в создании Советов лишены основания. Кривошеина считала, исходя из общей переоценки ею стихийного фактора в революции, что вопрос об «авторстве» не имеет значения, что в ряде мест инициаторами Советов были как меньшевики, так и большевики. В. Г. Егоров, давая оценку спору Е. Кривошеиной с П. Гориним, отмечал, что если у первой была известная доля объективизма, выражавшегося в определенном признании меньшевистской инициативы, то Горин пришел к подобному выводу несознательно, отрицая стихийность возникновения Советов²³. Надо отметить, что Кривошеина, как и большинство историков-марксистов, разоблачала попытки меньшевиков увести родословную Советов к организациям, подобным комиссии сенатора Шидловского. Е. Кривошеиной принадлежит заслуга исторического подхода к возникновению Советов с учетом анализа этапов революции, конкретной обстановки, в которой они действовали²⁴. Однако сама она считала Иваново-Вознесенский и Костромской Советы типичными стачечными комитетами.

²⁰ Там же. С. 310.

²¹ См. дискуссию Э. Газганова и Н. Попова на страницах журнала «Большевик» (1926, № 3, 5, 7—8, 11).

²² Кривошеина Е. Советы рабочих депутатов в революции 1905 г.: Проблема образования революционной власти. Л., 1926; Она же. Петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 году. М., 1926.

²³ См.: Егоров В. Г. Генезис Советов...//Тр./Воронеж. ун-т; Т. 85. Воронеж, 1969. С. 138—139.

²⁴ Кривошеина Е. Петербургский Совет... С. 722.

В 1927 г. в дискуссию вступил видный советский историк В. И. Невский. Большую роль в ней сыграли его статья²⁵ и особенно монография²⁶, которая, по словам В. Г. Егорова, «как бы подвела итог той большой исследовательской работе по изучению Советов рабочих депутатов..., которую проделали историки-марксисты первого призыва»²⁷.

Опираясь на данные предшествующего этапа дискуссии, В. Невский поддержал П. Горина в критике взглядов Н. Бабаханова. Но автор выступил против крайности Горина, считавшего, что Советы появились в октябре 1905 г. вне связи с предшествующим этапом революции. В. Невский ввел в оборот типологию Советов, выделив «петербургский» тип, для которого было характерно «революционное соглашение демократии», и «московский» — следующий этап, на котором Совет превращался в боевой союз социал-демократии и пролетариата для организации вооруженного восстания. Таким образом, в определенной степени и В. И. Невский считал некоторые Советы 1905 г. органами диктатуры пролетариата.

Ведение дискуссии было невозможно без четкого определения предмета спора. В. И. Невский, опираясь на работу В. И. Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии», выделил следующие критерии Советов: они создаются только революционными классами, самочинно, для осуществления власти. Согласно этим критериям организация, возникшая в Иваново-Вознесенске, являлась «Советом». Лишь третий признак (осуществление власти) существовал у него в зачаточном состоянии, так как провинциальный Совет весной — летом 1905 г. не мог подняться до уровня требований Петербургского. Автор упрекнул П. Горина в невнимательном отношении к источникам, из которых видна эволюция Ивановского Совета от экономических к политическим требованиям.

В 1930 г. вышло второе издание «Очерков» П. Горина. Во введении автор сконцентрировал свое внимание на дискуссии с В. Невским. Опираясь на ленинские работы «Социализм и анархизм» и «Победа кадетов и задачи рабочей партии», он попытался опровергнуть распространенное к тому времени мнение о Ивановском Совете как первом в России. Автор про-

²⁵ Невский В. Советы в 1905 году // 1905: История революционного движения в отдельных очерках. М.; Л., 1927. Т. 3. Вып. 1.

²⁶ Невский В. И. Советы и вооруженное восстание в 1905 году. М., 1932.

²⁷ Егоров В. Г. Генезис Советов... С. 142.

должал утверждать, что это был, хотя и самый крупный, но стачечный комитет с экономическими требованиями. Однако, цитируя В. И. Ленина, он упустил его оценку Советов как «самобытных полуполитических организаций»²⁸. Это свидетельствовало о том, что П. Горин не увидел разницы между организациями рабочих дореволюционного периода и Советами — плодами революционного творчества масс, отказав последним в эволюции.

В дискуссию о Советах включился Ем. Ярославский. Он вынес на обсуждение проблему соотношения «стихийности» и «случайности» в возникновении Советов, поставил вопрос о том, был ли Петербургский Совет правительством. Он, единственный из оппонентов П. Горина, приводит точную ленинскую оценку эволюции Советов «из стачечных организаций в органы общереволюционной борьбы»²⁹.

Но дискуссия между Ем. Ярославским и П. Гориным развернулась по другим фундаментальным проблемам революции 1905 — 1907 гг. Спорные вопросы советского движения 1905 г. П. Гориным не обсуждались. Однако угасание спора о Советах не свидетельствовало о том, что проблема исчерпала себя. Актуальность изучения ее не снижалась, она объяснялась необходимостью борьбы с уклонистскими оценками Советов, появившимися в других странах³⁰.

Выход в свет второго издания «Очерков» П. Горина побудил В. И. Невского к тщательной защите своей точки зрения на Советы. В монографии «Советы и вооруженное восстание» Невский развил дискуссию с П. Гориным по нескольким направлениям. Он отмечал, что его критик не понял ленинских критериев Советов. Более того, Горин не учел, что В. И. Ленин стал рассматривать Советы как органы новой власти не с момента их возникновения, а в марте 1906 г.³¹ Проанализировав историю создания нескольких десятков Советов, автор сделал вывод о том, что «Ивановский Совет и был... зародышем развитой формы Советов 1905 года»³².

²⁸ Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии// Полн. собр. соч. Т. 12. С. 333.

²⁹ Ленин В. И. Тактическая платформа к объединительному съезду// Полн. собр. соч. Т. 12. С. 231.

³⁰ См.: Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 132.

³¹ Письмо В. И. Ленина «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», написанное в ноябре 1905 г., было опубликовано лишь в 1940 г.

³² Невский В. И. Советы и вооруженное восстание... С. 25.

Монография В. И. Невского стала заключительным словом в многолетней дискуссии о Советах 1905 г. Нельзя сказать, что во всем автор придерживался правильной точки зрения. Например, В. И. Чесноков справедливо отмечает, что тот переоценивал стихийный фактор в образовании Советов³³. Но в то время оценка В. Невским первых Советов являлась наиболее верной.

В целом историки-марксисты, привлекая новые источники, осваивая ленинскую концепцию Советов, в принципиальной борьбе в защиту своего мнения подошли к верной оценке этих организаций. Но некоторые авторы слишком узко понимали значение первых Советов. Сказалось и недостаточное знание документов, и то, что не было опубликовано ленинское письмо «Наши задачи и Совет Рабочих Депутатов»³⁴, да и к известным ленинским работам историки зачастую подходили односторонне.

Если к верной оценке Советов историки-марксисты только подошли, то задача разгрома троцкистской и меньшевистской точек зрения на Советы в результате дискуссии 20-х — начала 30-х гг. ими была выполнена. В решении этой задачи они были едины.

Так, В. Невский опроверг мнение меньшевиков Колокольниково и Шера³⁵, выводивших Советы из некоторых профсоюзов, находившихся под влиянием меньшевистской фракции. В борьбе за утверждение ленинской концепции Советов историкам пришлось вести борьбу со взглядами Л. Мартова, изложенными в типичном образчике меньшевистской литературы — «Истории российской социал-демократии». Л. Мартов настойчиво проводил мысль о непонимании большевиками «бланкистами» сути возникших в 1905 г. Советов и профсоюзов, их «враждебном» отношении к этим широким массовым организациям. Симпатии автора определяются вполне,

³³ См.: Чесноков В. И. В. И. Невский как историк русского революционного движения // История и историки. М., 1965. С. 393.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12.

³⁵ В период Октябрьской революции Шер был начальником политуправления при военном министре Верховском, после активный сотрудник в штабе полковника Рябцева в Москве. Работая в правлении Госбанка СССР, а затем в ИМЭ, занимался антисоветской деятельностью. См.: Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М., 1931. С. 56—57, 147; Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М., 1979. Т. 3. С. 38.

когда он пишет о Петербургском Совете как тормозе на пути всестороннего развития профсоюзов.

Взгляды Л. Троцкого, изложенные в примечаниях ко второй части «Нашей первой революции», перекликаются с точкой зрения Мартова. Оспаривая свою причастность к меньшевизму, отражая атаки историков-марксистов, Троцкий в то же время делает вывод, что для организации восстания Советы были недостаточны, они были нужны в 1905 г. лишь для сплочения и пробуждения масс. Если в «1905» автор возложил ответственность за неудачу в подготовке восстания на рабочих Петербурга, то причину поражения Декабрьского восстания он искал в том, что руководство осуществлял Совет, а не специальная военная организация.

В обстановке резкой полемики проходил обмен мнениями между П. Гориним и Л. Троцким. Последний отстаивал свою монополию на «правильную» оценку Петербургского Совета. Не по душе пришлось ему и указание молодого историка на борьбу большевиков и меньшевиков внутри этого Совета. Детальной критике подобные взгляды Троцкого были подвергнуты в большой статье П. Горина «Ошибки» истории и «непогрешимость» т. Троцкого»³⁶.

Историкам-марксистам, выступившим практически единым фронтом, удалось вскрыть враждебность меньшевистской концепции Советов, показать идейно-политическую эволюцию некоторых авторов-меньшевиков вправо, в лагерь контрреволюции.

Безусловно, дискуссией о Советах не исчерпывается вся полнота освоения историками 20—30-х гг. ленинской концепции Советов. Но в силу действия законов научной дискуссии, нацеливающей участников на оперативный поиск новых доказательств, фундаментальную разработку методологии, она стала стержнем этого освоения.

³⁶ Пролетарская революция. 1927. № 6.

В. Н. ГОРДЕИКИН

М. Н. ПОКРОВСКИЙ О РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА В ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Научное наследие известного историка-марксиста первой трети XX века М. Н. Покровского (1868—1932) до сих пор является объектом изучения советских историков, занимающихся разработкой проблем отечественной историографии¹. Интерес исследователей к обширному кругу работ М. Н. Покровского по русской истории обусловлен, во-первых, тем, что он принадлежал к той очень немногочисленной части прогрессивной российской интеллигенции, которая задолго до Октябрьской революции перешла на позиции рабочего класса. Во-вторых, с именем ученого связан первый, весьма успешный, опыт применения марксистской методологии к анализу русского исторического процесса в целом. В-третьих, М. Н. Покровский сыграл заметную роль в борьбе за утверждение марксистско-ленинской концепции прошлого и настоящего России в исторической науке 20-х—начала 30-х гг.

Широта познавательных стремлений М. Н. Покровского в области русской истории общеизвестна. Однако основное вни-

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963; Когонашвили К. К. Педагогическая деятельность и методические взгляды М. Н. Покровского: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; Сидоренко А. А. Научно-историческая и политическая деятельность М. Н. Покровского: Дооктябрьский период: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969; Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978 и др.

мание современные историографы уделяют анализу его взглядов на проблемы новой и новейшей истории нашей страны. Существующий приоритет, вероятно, объясняется тем, что именно по вопросам новой и новейшей истории России шла острая идейно-политическая борьба между представителями, с одной стороны, марксистско-ленинского, с другой — либерально-буржуазного и троцкистско-меньшевистского направлений общественной мысли России. Причем, это противоборство, как закономерность, пронизывает отечественную историографию не только дооктябрьских лет, но и 20-х — начала 30-х гг.

Данная закономерность учитывается почти всеми исследователями научного наследия М. Н. Покровского по проблемам истории России времени капитализма и империализма, но раскрывается она отдельными историками с различной степенью обоснованности². Отсюда, по-видимому, проистекает наличие большого количества точек зрения, иногда прямо противоположных даже по поводу одного и того же высказывания М. Н. Покровского.

Сложившуюся историографическую ситуацию в изучении научного наследия М. Н. Покровского по новой и новейшей истории России можно, как нам представляется, охарактеризовать словами академика Л. В. Черепнина, сказанными им в начале 60-х гг. при обсуждении доклада С. М. Дубровского «Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки». Л. В. Черепнин подчеркивал, что при анализе исторических воззрений М. Н. Покровского следует воздерживаться от высказывания предположительных точек зрения, если не представляешь всей совокупности его взглядов по той или иной проблеме³.

Конечно, изложенные соображения о творческом пути М. Н. Покровского и об историографической литературе, характеризующей взгляды ученого на новую и новейшую историю России, имеют самый общий вид. Но они позволяют подчеркнуть актуальность избранной темы и наметить ее хронологические рамки.

Разумеется, в пределах одной статьи невозможно осветить весь комплекс проблем избранной темы. В настоящей статье

² В еще большей мере это присуще историографической литературе 20-х — начала 50-х гг., например, сборнику статей «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Ч. 2. М.; Л., 1940.

³ Вопросы истории. 1962. № 3. С. 37.

поставлено две задачи: подвести некоторые итоги изучения взглядов М. Н. Покровского на роль рабочего класса в первой российской революции в современной историографической литературе⁴ и наметить пути их дальнейшего анализа; проследить изменения в подходах историка к обоснованию гегемонии пролетариата в первой буржуазной революции в России на протяжении его научной и политической деятельности, начиная с 1905 г.

Именно в это время произошел переход М. Н. Покровского (субъективный и объективный) на позиции революционной борьбы рабочего класса, являющийся вполне последовательным шагом в развитии ученого, что убедительно показано в трудах К. К. Когонашвили, А. А. Говоркова, А. А. Сидоренко. Свидетельством тому служит и активная работа М. Н. Покровского как члена РСДРП в лекторской и военно-технической группах Московской организации большевиков, выступления на страницах большевистской периодической печати⁵ в годы первой российской революции.

Публицистические статьи Покровского революционных лет раскрывали несостоятельность попыток русской либеральной буржуазии в лице партии кадетов встать во главе борьбы народных масс⁶, преследуя одну цель: показать на

⁴ Это не исключает использования самых первых историографических работ о взглядах Покровского по интересующей нас проблеме в ходе последующего изложения.

⁵ В газетах: «Пролетарий» (1905), «Борьба» (1905), «Светоч» (1906), «Вопросы дня», (1906), «Истина» (1907). Три статьи Покровского вошли в сборники «Текущий момент» (1906) и «Вопросы дня» (1906). В 1906 г. им издана брошюра «Экономический материализм». С предисловием и под редакцией Покровского вышла книга К. Левина «Политические партии в России» (М., 1907). На основе анализа статей Покровского А. А. Сидоренко пришел к выводу о том, что в них он «выступает талантливым пропагандистом большевистских идей, призывающим массы к решительной борьбе с самодержавием и буржуазией, дающим «верную оценку происходящим событиям и знакомящим с тактикой и стратегией большевистской партии» (Сидоренко А. А. Указ. соч. С. 141). Публицистика Покровского периода 1905—1907 гг. выявлена исследователями далеко не полностью. Об этом говорит факт, что нами обнаружена в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь» его статья «Политическая партия капиталистов» («Прогрессивная экономическая партия»).

⁶ Сидоренко А. А. Научно-историческая и политическая деятельность М. Н. Покровского. С. 142. Он же первым подчеркнул, что Покровский понимал руководящую роль пролетариата в революции (Там же. С. 154).

фактах действительности ведущую, первенствующую роль рабочего класса в происходящей буржуазной революции. В то же время Покровский подчеркивал, что гегемония пролетариата в революции определяется применяемыми методами борьбы (стачка, восстание) и его способностью руководить крестьянством⁷. При обосновании руководящей роли рабочего класса в революционной борьбе 1905—1907 гг. большевистский публицист использовал сравнительно-исторические характеристики, отмечая, что такого мощного выступления пролетариата не знала ни одна европейская революция⁸. Таким образом, Покровский уже в своих публицистических статьях 1905—1907 гг. с ленинских позиций отстаивал гегемонию пролетариата в первой буржуазной революции в России, понимая диалектику взаимоотношений ее движущих сил и характера.

Следующим этапом в осмыслении Покровским роли рабочего класса в революции 1905 г. можно считать 1908—1917 гг., когда он усиленно занимался проблемами истории первой российской революции, в том числе и интересующим нас вопросом. К сожалению, в имеющейся историографической литературе специально этот вопрос не рассматривался. По-видимому, причины такого положения кроются в известной неполноте анализа расхождений Покровского с В. И. Лениным по проблемам истории революции 1905 г., выявившихся после ее поражения. Историки (О. Д. Соколов, А. А. Сидоренко и др.) подробно и верно раскрыли суть организационных и тактических разногласий Покровского с В. И. Лениным в годы реакции, но не связали их с острой идейно-политической борьбой по вопросам истории 1905 г., от решения которых зависело определение характера нового революционного подъема. Учет данного обстоятельства позволит яснее представить характер расхождений Покровского с В. И. Лениным в это время.

С. М. Дубровский, ссылаясь на работу Покровского «Значение революции 1905 года», утверждал, что после поражения революции 1905 — 1907 гг. историк по вопросу о ее характере

⁷ Светоч. 1906. 11 мая; Вопросы дня. 1906. 11 нояб. Еще до начала революции 1905 года Покровский смело выдвигал требование широко использовать при изучении истории России сравнительно-исторический метод, сопоставлять исторические явления одного порядка в России и на Западе. Это характеризует его как наиболее прогрессивного историка-методиста того времени (Когонашвили К. К. Указ. соч. С. 56).

⁸ Светоч. 1906. 11 мая.

отошел от ленинских позиций⁹. Иными словами, в годы революции он считал ее буржуазной, а после — нет. Встав на эту точку зрения, неизбежно приходишь к снятию проблемы о роли рабочего класса в первой буржуазной революции в работах Покровского времени реакции и последующих лет, вплоть до 1917 г.

Обратимся к тексту названной книги Покровского, написанной в 1925 г. В ней историк вспомнил, что в 1908 г. он получил письмо В. И. Ленина с предложением написать историю первой русской революции. Покровский составил план, не получивший одобрения В. И. Ленина. В нем развивались две мысли: 1) «всякий общественный класс делает свою революцию, — ...пролетариат может делать только социалистическую революцию»; 2) «русская революция может иметь успех только как революция социалистическая». Далее Покровский продолжал: «Мысль эта связана с первой мыслью. Я не говорил, что у нас невозможна буржуазная революция, но предсказывал, что она заранее обречена на провал, потому что, казалось мне, все пары буржуазной революции выпущены у нас уже в 1905 г.Февраль 1917 г. не оправдал этого моего утверждения. Да и первое мое утверждение... не понравилось Владимиру Ильичу»¹⁰.

Из рассуждения Покровского видно, что он считал революцию 1905 г. буржуазной и после ее поражения. Но ошибался в определении характера нового революционного подъема, полагая, что в ходе 1905—1907 гг. «пары буржуазной революции выпущены», впереди социалистическая революция¹¹.

⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. С. 222.

¹⁰ Покровский М. Н. Значение революции 1905 года. Л., 1925. С. 4. Под общим названием в книгу включены две самостоятельные статьи («К вопросу о значении революции 1905 года» и «Кто вел деревенскую революцию?»), написанные на основе инструктивного доклада ученого, сделанного на совещании при отделе печати ЦК РКП(б) 7 октября 1925 г.

На основе приведенного высказывания Покровского З. М. Андросенкова пришла к парадоксальному выводу о том, что даже в 1926 г. историк не до конца понял свои ошибки в вопросах о характере и движущих силах первой революции (Андросенкова З. М. История рабочего движения в советской историографии 20-х — первой половины 30-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Л., 1967. С. 255).

¹¹ Подобные взгляды были присущи не только Покровскому, но и некоторым другим русским социал-демократам, например, И. И. Скворцову-Степанову. В. И. Ленин в письмах к Скворцову-Степанову от 2 и 16 декабря 1909 г. показал происхождение и дал критику ошибочных взглядов на характер нового революционного подъема в

Разногласия Покровского с В. И. Лениным в оценках итогов первой революции и характера нового революционного подъема затруднили, но не приостановили процесс исследования ученым истории 1905 г. Осмысление событий первой российской революции еще больше убеждает его в том, что рабочий класс сыграл ведущую роль в революционной борьбе народных масс в прошедшее трехлетие. В этом Покровский видел отличительную черту и особенность революции 1905 г. по сравнению с аналогичными явлениями в истории стран Западной Европы¹². Правда, увлечение Покровского сравнительно-историческими экскурсами вольно или невольно приводило к затемнению внутренней исторической обусловленности возникновения и развития пролетарской идеологии в России. Он писал, что русская революция в идеологическом отношении начала с того, на чем остановилась западно-европейская демократическая революция XIX в.¹³

В ходе дальнейшего изучения истории русского рабочего движения Покровский отходит от столь абстрактного положения. В «Русской истории с древнейших времен» он подчеркивал, что характер рабочего движения в России конца XIX — начала XX вв. «диктовался объективными, экономическими условиями», не зависел от каких-либо внешних, наносных явлений. Развивая свою мысль, ученый рассмотрел историю рабочего движения в России во взаимосвязи с возникновением пролетарских организаций, а затем и партии. Колоссальное значение последнего факта для рабочего класса в годы первой революции удалось отметить Покровскому даже на страницах подцензурного издания¹⁴.

России (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47). Еще раньше В. И. Ленин убедительно доказывал неизбежность новой буржуазной революции в России в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16).

Выдающаяся роль В. И. Ленина как создателя подлинно научной истории 1905 года показана в книге О. В. Волобуева «Идейно-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905—1907 гг. Дооктябрьский период» (М., 1984).

¹² Покровский М. Религия и революция//О веяниях времени. СПб, 1908. С. 19. В данном случае Покровский стоял на ленинской точке зрения (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 388—389).

¹³ Покровский М. Религия и революция... С. 37.

¹⁴ Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 585.

Несомненно, что обращение Покровского к истории русского рабочего движения на страницах «Русской истории с древнейших времен» подчеркивает его враждебное отношение к буржуазной историографии и буржуазному эксплуататорскому строю, показывает связь исторических взглядов ученого с интересами революционной борьбы пролетариата¹⁵. Вместе с тем, рассматривая историю рабочего движения в России, Покровский подводит вдумчивого читателя к выводу: руководящая роль пролетариата в первой российской революции намечалась еще до ее начала, была исторически обусловлена.

Методологически верный подход Покровского к обоснованию гегемонии пролетариата в первой революции¹⁶ объективно помогал рабочему классу усвоить опыт революционных лет и был направлен против оппортунистических идей меньшевистского пятилетника «Общественное движение в России в начале XX века», что способствовало созданию подлинно научной и партийной истории борьбы рабочего класса в 1905 — 1907 гг.¹⁷

В послеоктябрьский период своей научной и политической деятельности Покровский уделял еще более пристальное внимание изучению роли рабочего класса в революции 1905 г. Этот момент отмечало большинство исследователей еще при жизни М. Н. Покровского. Так, Д. Кин писал, что Покровский четко уловил разницу между буржуазными революциями в Европе и первой русской революцией, заключавшуюся в гегемонии пролетариата¹⁸. Известный историк А. В. Шестаков отмечал, что в оценке роли рабочего класса в первой революции Покровский всегда шел вслед за В. И. Лениным¹⁹. Правда, отсутствие анализа конкретных работ Покровского по данному вопросу делало выводы названных исследователей несколько абстрактными. Но в это же время появилась статья П. О. Горина, в которой была предпринята первая попытка рассмотреть взгляды Покровского на роль рабочего класса в

¹⁵ Якунин В. К. Борьба М. Н. Покровского против дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии: Дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1971. С. 109, 118.

¹⁶ В. И. Ленин указывал, что правильный ответ на вопрос о гегемонии пролетариата в первой русской революции можно найти только в изучении новейшей истории нашего рабочего движения (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 250).

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 343, 344.

¹⁸ Кин Д. М. Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 19.

¹⁹ Известия. 1928. 25 окт.

революции 1905—1907 гг. на основе его трудов второй половины 20-х гг. Горин сумел также показать отличие взглядов Покровского на роль рабочего класса в первой революции от воззрений Милюкова, Троцкого и Рожкова²⁰. Правда, историограф не учел сложности формирования взглядов Покровского по данной проблеме в годы Советской власти.

Несмотря на известную узость источниковой базы работ историков 20-х—начала 30-х гг., ими была поставлена проблема изучения взглядов Покровского на роль рабочего класса в первой русской революции и сделаны важные замечания относительно подхода к ее рассмотрению, что создавало предпосылки для дальнейшего анализа представлений ученого по этой важной теме. Но в последующие годы реализовать имеющиеся возможности не удалось.

Крайне негативная оценка общественно-политической и научно-педагогической деятельности М. Н. Покровского, выраженная в исторической литературе второй половины 30-х гг., сказалась и на изучении взглядов историка на роль рабочего класса в революции 1905—1907 гг. Об этом свидетельствует точка зрения А. В. Пясковского, считавшего, что Покровский не понимал гегемонии пролетариата в первой буржуазно-демократической революции в России²¹. А. В. Пясковский при обосновании своего вывода опирался главным образом на книгу Покровского «Очерки по истории, революционного движения в России XIX—XX вв.», которая была написана историком на основе его лекций, прочитанных на курсах секретарей уездных комитетов партии²². Анализируя «Очерки», Пясковский сосредоточил свое внимание на частности, придав критике всеобъемлющее значение, что и привело его к безапелляционному выводу о взглядах Покровского на роль рабочего класса в первой русской революции.

Такой подход находит известное проявление и в работах некоторых современных исследователей научного наследия

²⁰ Горин П. М. Н. Покровский как историк первой русской революции // Историк-марксист, 1928. Т. 9. В переработанном виде статья Горина вошла в его книгу «М. Н. Покровский как историк-большевик». (Минск, 1933). В книге были опубликованы несколько писем Покровского к Горину, которые дают ценный материал для понимания взглядов ученого по некоторым проблемам истории первой революции.

²¹ Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.: Л., 1940. Ч. 2. С. 432, 435.

²² За более детальную отделку «Очерков» Покровский взялся в конце 20-х гг., но смерть прервала эту работу.

Покровского по истории первой российской революции. Так, В. В. Нардин утверждает, что в интерпретации Покровского пролетариат в первой революции не выступал как самостоятельная политическая сила, а был лишь орудием промышленной буржуазии²³.

Но большинство историографов в настоящее время придерживаются иных точек зрения. О. Д. Соколов, правда, полагал, что Покровский только в конце 20-х гг. признал ленинское указание о гегемонии пролетариата в первой буржуазной революции в России²⁴. Происхождение данного вывода, по-видимому, объясняется тем, что автор рассматривал очень широкий круг проблем творчества М. Н. Покровского. Отсюда известная неполнота анализа взглядов Покровского на роль рабочего класса в первой революции, характерных для его работ советского периода. В. Г. Егоров успешно восполнил этот пробел, подчеркнув, что Покровский на всем протяжении своей научной деятельности в 20-х — начале 30-х гг. отстаивал выдающуюся роль пролетариата и его партии в революции 1905—1907 гг.²⁵ Историки О. В. Волобуев и В. А. Муравьев также отмечают, что Покровский в это время твердо был убежден в гегемонии пролетариата в первой русской революции²⁶. Выводы В. Г. Егорова, О. В. Волобуева и В. А. Муравьева о взглядах Покровского на роль рабочего класса в революции 1905 г., опирающиеся на обширный круг работ историка 20-х—начала 30-х гг., показывают, что в них он продолжал стоять на защите ленинского положения о гегемонии пролетариата в первой революции, как и до октября 1917 г.

В. Г. Егоров сформулировал интересную проблему в изучении наследия Покровского по истории революции 1905 г., анализируя первое издание третьей части «Русской истории в самом сжатом очерке». Речь идет о выводе автора о том, что

²³ Нардин В. В. Основные вопросы исторической концепции М. Н. Покровского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, История, 1970. № 5. С. 30.

²⁴ Соколов О. Д. Указ. соч. С. 200.

²⁵ Егоров В. Г. Ленинская концепция первой русской революции в историографии 20-х — начала 30-х годов // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. С. 38.

²⁶ Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография. М., 1982. С. 161.

«эту работу Покровского от других исторических трудов начала 20-х годов отличали широта исторического полотна, постановка методологических проблем, стремление определить специфику революции, проанализировать ее значение для развития страны, показать роль отдельных классов в ней»²⁷.

В этой связи встают два вопроса: какова история формирования выделенных качеств и свойственны ли они последующим работам Покровского по истории первой революции? На первый вопрос ответ отчасти дан в ходе анализа взглядов Покровского на роль рабочего класса в революции 1905 г., характерных для дооктябрьского периода его деятельности; на второй — будет предпринята попытка ответить в ходе дальнейшего анализа методологических подходов Покровского к обоснованию роли пролетариата в революции 1905 г., применяемых им в первый период развития советской исторической науки.

Победа Октябрьской революции и начало социалистического строительства в нашей стране самым непосредственным образом повлияли на научные поиски Покровского в вопросах истории революционной борьбы пролетариата в 1905 — 1907 гг. Его и других историков революции 1905 г. чрезвычайно интересовало соотношение стихийного и сознательного в рабочем движении, выходившее на определение объективной и субъективной революционности пролетариата на различных этапах единого русского революционного процесса. Решая эту проблему, подчеркивает В. Г. Егоров, Покровский проявлял историзм, отмечая сильные экономические настроения основной массы пролетариата, его недостаточную сознательность и организованность, увлечение стачкизмом. Вместе с тем ученый подчеркивал, что уже 9 января 1905 г. рабочая масса, сама того не сознавая, шла не только против старого порядка, но и против буржуазного порядка вообще. Все слои населения, недовольные самодержавием, тгнулись за социалистически настроенным пролетариатом²⁸.

Для Покровского революционность пролетариата не была неизменным явлением на всем протяжении единого русского революционного процесса. В годы первой революции, писал Покровский, революционно сознательной была только верхушка рабочего класса, осознававшая на идеологическом уровне ближайшие задачи и конечные цели пролетарского

²⁷ Егоров В. Г. Ленинская концепция... С. 36.

²⁸ Егоров В. Г. Ленинская концепция... С. 38.

движения. Основная масса рабочих к осознанию политических целей движения окончательно пришла после поражения революции 1905 г.²⁹

Покровский предостерегал некоторых историков от вульгарно-материалистического толкования соотношения стихийного и сознательного в революционной борьбе рабочего класса в 1905—1907 гг. Так, он писал, что большевики задолго до революции поставили вопрос о вооруженном восстании, но само вызревание восстания происходило в гуще пролетарских масс. Это необходимо подчеркивать, иначе может показаться что оно искусственно вызвано большевиками. Последний момент усиленно выпячивали меньшевики, — замечал Покровский³⁰.

В то же время Покровский, критикуя взгляды Н. А. Рожкова на Декабрьское вооруженное восстание в Москве, подчеркивал, что в нем ведущую роль играли кадровые рабочие, а не сезонные. Позиция Рожкова, продолжал Покровский, ясна: он хочет доказать, что способность к вооруженной борьбе присуща только отсталым, политически проснувшимся рабочим. Но факты свидетельствуют не в пользу Рожкова, — заключил Покровский³¹.

Интерес Покровского к различным методам пролетарской борьбы в революции 1905 г., в том числе к экономической и политической стачке, был обусловлен не определением ее характера, а выявлением руководящей роли рабочего класса в рамках общенародной революции³².

Таким образом, анализ взглядов М. Н. Покровского на роль рабочего класса в первой революции на протяжении его научного творчества, начиная с 1905 г., показывает, что он отстаивал ленинское положение о гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 гг., рассматривая это как ее особенность. Большой вклад Покровского в становление марксистской историографии рабочего движения в России начала XX в. несомненен.

²⁹ Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX—XX вв. М., 1924. С. 148—149.

³⁰ Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 606.

³¹ Покровский М. Н. Новая книга по новейшей истории (Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 12)//Большевик. 1926. С. 78.

³² Егоров В. Г. Указ. соч. С. 39.

О. А. ХАРУСЬ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КАДЕТСКИХ И ОКТЯБРИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изучение расстановки классовых сил в период первой российской революции, правильная оценка роли и обобщение опыта пролетариата во главе с партией большевиков в процессе революционного преобразования России предполагают разработку проблем социально-экономической и политической истории всех классов, в том числе и буржуазии. Поскольку, по определению В. И. Ленина, «самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий»¹, вполне закономерным представляется интерес исследователей к истории партий как революционно-демократического, так и либерального и правительственного лагерей. Задача исследования на базе марксистско-ленинской методологии истории основных буржуазных партий в России — кадетской и октябристской — диктуется к тому же необходимостью опровержения буржуазных концепций, суть которых сводится к поиску либеральной альтернативы революционным преобразованиям².

¹ Ленин В. И. Социалистическая партия и беспартийная революционность // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 137.

² См. подробнее: Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983. С. 63—72.

Важнейшей предпосылкой фундаментальных исследований по истории буржуазных партий в общероссийском масштабе является изучение истории их региональных отрядов, в том числе кадетских и октябристских организаций крупнейшего района страны — Сибири.

Цель данного историографического очерка заключается в выявлении степени изученности истории буржуазного лагеря в Сибири в годы первой российской революции и определении на этой основе главных направлений ее дальнейшего исследования. Методологической основой нашей работы являются произведения В. И. Ленина, который дал классификацию политических партий, вскрыл классовую сущность, определил роль и место буржуазных партий в политической борьбе, выявил закономерности политической эволюции российской буржуазии в эпоху империализма.

В конкретно-исторических работах, написанных в дореволюционный период представителями различных политических лагерей и посвященных буржуазным партиям в общероссийском масштабе, вопросы истории их сибирских отделов не освещались. Это объяснялось прежде всего тем, что авторы, преследуя цель дать лишь общую оценку деятельности и роли политических партий со своих классовых позиций, не видели необходимости в привлечении местных материалов и к тому же были весьма слабо информированы о состоянии дел на периферии.

Среди дореволюционных историков Сибири преобладали представители так называемого «буржуазного экономизма», трактовавшие роль экономического фактора как решающего и автоматически определяющего изменения в области политики и права. Поэтому и исследование ими истории Сибири сводилось в основном к изучению экономических процессов, хотя в ряде работ публицистического характера поднимались и вопросы, связанные с потребностями политической борьбы. Особо следует отметить исследование М. И. Альтшуллера, в котором наряду с конкретно-экономическим материалом, служащим обоснованием необходимости введения земства в Сибири, содержится и характеристика позиций либералов по этому вопросу, дается анализ составлявшихся ими проектов³.

Среди работ реакционно-охранительного направления в дореволюционной историографии определенный интерес представляет «Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института императора Нико-

³ Альтшуллер М. И. Земство в Сибири. Томск, 1916.

лая II на поприще «освободительного движения»⁴. В очерке содержится материал, характеризующий тактику профессорско-преподавательского состава института, подавляющее большинство представителей которого вступили в кадетскую партию, по отношению к студенческому движению, попытки подчинения его буржуазному влиянию. К оценочным суждениям автора о политических настроениях преподавателей следует относиться критически, т. к. выступая с охранительных позиций, он явно преувеличивал их оппозиционность, причисляя либералов чуть ли не к революционному лагерью.

В работе краеведа-меньшевика И. И. Серебренникова⁵, опиравшегося на материалы местной легальной прессы, издания революционно-демократического лагеря и собственные воспоминания, приводятся интересные данные о создании в Иркутске политическо-профессиональных союзов, в том числе и либеральных, отмечается неоднозначность их позиций, обусловленная влиянием представителей различных партий и политических течений, описывается деятельность городской думы и буржуазного торгово-промышленного союза в период наивысшего подъема революции. Однако, партийная принадлежность автора наложила заметный отпечаток на излагаемую им концепцию. Преувеличивая роль либеральной буржуазии в общественно-политическом движении, он употребляет термин «либерал-радикалы», отмечает, что в период революционного подъема представители крупной буржуазии Иркутска, объединившиеся в торгово-промышленном союзе, проявили себя «решительными радикалами», а «бюро 8-ми союзов», которое в действительности не могло занимать последовательной позиции в силу наличия в нем оказывавших свое влияние буржуазных представителей, играло якобы видную роль в революционном движении⁶.

Неверно оценивал Серебренников деятельность городской думы и торгово-промышленного союза по организации самообороны, рассматривая ее как своего рода проявление радикализма. Между тем буржуазия руководствовалась в первую очередь стремлением обеспечить охрану своего имущества и

⁴ Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института императора Николая II на поприще «освободительного движения» 1901—1911 гг. Томск, 1911.

⁵ Серебренников И. И. «Красные» дни в Иркутске // Сибирские вопросы. 1907. № 20. С. 13—23; № 25. С. 6—11; № 26. С. 6—12; № 27. С. 4—9; № 28. С. 5—9.

⁶ Там же. № 26, С. 8, 9; № 28. С. 6.

противодействие революционному движению. Констатируя участие либералов в деятельности объединенного стачечного комитета, Серебренников умалчивает об их попытках подчинить комитет буржуазному влиянию, что послужило причиной раскола и создания самостоятельного рабочего стачечного комитета. Отмеченные обстоятельства диктуют необходимость критического подхода к концептуальным положениям работы Серебренникова.

Характеристика расстановки классовых сил в Красноярске в конце 1905 г. содержится в статье Ф. Романова⁷. Интересен материал о событиях, связанных с организацией всеобщих выборов в местную городскую думу. В статье нашли отражение позиции представителей различных классов и партий, в том числе кадетской и прооктябристского «союза мира и порядка», по вопросу о целесообразности проведения выборов и участия в них. Приводя факты, характеризующие тактику лавирования либералов в период наивысшего подъема революции, Романов, однако, избегает их оценки, выступая с объективистских позиций и претендуя на роль беспристрастного рассказчика. Работа носит преимущественно описательный характер, что не умаляет заслуг автора в систематизации и концентрированном изложении фактического материала.

Из марксистских работ дореволюционного периода наибольший интерес представляют статьи Д. М. Зайцева, М. К. Ветошкина, В. А. Ватина, В. Е. Воложанина, Н. Ф. Чужака, посвященные характеристике областничества, являвшегося в начале XX в. буржуазным по своей классовой сущности течением⁸.

В целом следует отметить, что работы дореволюционного периода, написанные с различных классовых позиций и далеко не равнозначные по своей научной ценности, в основном

⁷ Романов Ф. «Красноярская республика»//Сибирские вопросы. 1907. № 2. С. 30—63.

⁸ Зайцев Д. М. Общественное движение в Сибири//Образование. 1906. № 3; Ватин В. А. К юбилею областничества//Сибирский архив. 1915. № 12; Он же. Юбилей Потанина и молодая Сибирь//Сибирский архив. 1915. № 7, 8, 9; Ветошкин М. К. Сибирское областничество//Современный мир. 1913. № 3; Воложанин В. Е. Эволюция сибирского областничества//Сибирская жизнь. 1916. 12 февр.; Чужак Н. Ф. О сибирской и несибирской интеллигенции//Сибирский архив. 1916. № 2. Анализ названных работ см.: Шейнфельд М. Б. Историография Сибири. Красноярск, 1973. С. 89—100.

не претендовали на глубокое теоретическое осмысление фактов, их анализ и обобщение. Значимость этих работ, авторы которых были современниками и участниками описываемых событий, заключается прежде всего в том, что они являются своего рода источниками, фиксирующими факты, которые не нашли отражения в периодической печати и в архивных документах.

Качественно новый этап в исследовании истории буржуазии на основе марксистско-ленинской методологии начинается после Великой Октябрьской социалистической революции. В 20—30-е гг. главные усилия советских историков были сосредоточены на изучении истории революционно-демократического лагеря. В немногочисленных работах, посвященных истории буржуазных партий в общероссийском масштабе, об их отдельных региональных отрядах даже не упоминается. Сибирские историки, тоже освещавшие в своих статьях прежде всего революционное движение в крае, ограничивались весьма краткой информацией о лагере либеральной оппозиции. Так, в статье А. Абова (Ансона)⁹, написанной на основе материалов периодической печати, архивных документов Красноярского Истпарта и воспоминаний участников первой российской революции с целью освещения главным образом деятельности социал-демократов и рабочего движения, содержится материал об организованной либералами Красноярска банкетной кампании, попытках подчинения демократических масс буржуазному влиянию на собрания легальных обществ в 1905 г., позициях кадетов по вопросу о всеобщих выборах в городскую думу. Привлекая издания красноярского комитета РСДРП, Абов дает классовую оценку деятельности либералов.

К 1925 г. комиссиями по организации празднования 20-летия первой российской революции, созданными при Сибкрайисполкоме и при ЦИК Бурят-Монгольской АССР, были подготовлены сборники статей и воспоминаний с целью представить в сжатой форме ход революционного движения в Сибири в 1905 г.¹⁰ По существу, в этих сборниках впервые был обобщен значительный по объему материал, позволивший осветить события 1905 г. в крае. Однако показать все-сторонне и достаточно полно расстановку классовых сил ав-

⁹ Абов А. 1905 год в Красноярске//Сибирские огни. 1923. № 4. С. 112—115; № 5. С. 127—139; 1924. № 1. С. 143—160.

¹⁰ 1905 год в Прибайкалье. Верхнеудинск, 1925; 1905 год в Сибири: Сб. статей и воспоминаний. Новониколаевск, 1925.

торам, сконцентрировавшим свое внимание на изучении истории революционно-демократического лагеря, не удалось. Вся информация по истории местных отделов буржуазных партий в этих сборниках сводится к описанию А. Мельниковым колебаний красноярских кадетов по вопросу о всеобщих выборах в городскую думу и к упоминанию в краткой хронике революционного движения в Бурятии о бойкоте жителями Верхнеудинска газеты местной прооктябристской организации и ее издателей¹¹. Отсутствие в сборниках конкретного материала по истории буржуазного лагеря обусловило некоторую умозрительность и произвольность оценок роли либералов в общественном движении. В статьях В. Гирченко и В. Зыбина, например, проводится ошибочное мнение об отсутствии в либеральном движении контрреволюционных тенденций и даже о революционности либералов на первом этапе революции¹².

Особый интерес из работ первого периода советской историографии представляет Сибирская Советская энциклопедия (ССЭ), и прежде всего вошедшая в нее статья А. А. Ансона и Б. З. Шумяцкого «Конституционно-демократическая партия»¹³. Эта статья является первым специальным кратким очерком по истории сибирских кадетских организаций на всем протяжении их существования, причем период первой российской революции описан наиболее подробно. На конкретных примерах из истории нового революционного подъема показана эволюция либеральной буржуазии по пути к контрреволюции, перечисляются наиболее активные деятели кадетской партии в Сибири, отдельные представители местных кадетских организаций в Государственных думах.

Отмечая некоторый областнический уклон сибирских кадетских организаций, авторы статьи предпринимают попытку объяснения его причин. Однако это объяснение нельзя признать достаточно полным. Совершенно справедливо обращая внимание на ущемление самодержавием прав местной буржуазии в интересах буржуазии и помещиков центра, авторы не учитывают субъективных стремлений либералов прикрыть классовый характер своей политики «флагом» област-

¹¹ Мельников А. Красноярская республика 1905 года//1905 год в Сибири... С. 85; Революционное движение 1905-го года в Бурятии: (Хроника событий)//1905 год в Прибайкалье... С. 26—28.

¹² Гирченко В. Основные моменты революционного движения 1905-го года в Бурятии//1905 год в Прибайкалье... С. 13; Зыбин В. 1905 год//Там же. С. 1.

¹³ ССЭ. Т. 2. Стлб. 935—938.

ничества и объединить под лозунгом защиты общесибирских интересов различные слои населения с целью подчинения их буржуазному влиянию. К сожалению, подобной статьи об октябристских организациях в энциклопедии не имеется.

Среди других материалов ССЭ следует отметить статью «Революционное движение 1905 года», в которой на конкретных примерах из истории банкетной кампании в Сибири характеризуется тактика большевиков по отношению к либералам, показывается срыв попыток распространения конституционных иллюзий среди населения, отмечаются различия позиций большевиков и меньшевиков по вопросу о роли либеральной буржуазии и взаимоотношениях с лагерем либерализма¹⁴.

Содержащаяся в ССЭ характеристика периодической печати региона, политического направления различных изданий периода империализма (ст. «Газеты»)¹⁵ способствует определению круга источников по истории местных отделов буржуазных партий. Однако перечень кадетских и октябристских газет далеко не полон. Краткие биографические справки о некоторых наиболее видных деятелях, являвшихся членами буржуазных партий, могут служить основой для составления персоналий (ст. о С. В. Востротине, Е. Л. Зубашеве, Д. Е. Лаппо, Н. Я. Новомбергском, П. И. Макушине, И. А. Малиновском, И. И. Попове, В. А. Обручеве, В. В. Сапожникове, М. Н. Соболеве)¹⁶.

На втором этапе развития советской исторической науки исследователи, принимая во внимание определяющее утверждение «Краткого курса истории ВКП(б)» о слабости, плохой организованности, политической малограмотности русской буржуазии, чрезвычайно мало занимались изучением политической истории последней. Отдельные ее сюжеты освещались, главным образом, лишь в связи с характеристикой деятельности большевиков, направленной против либералов¹⁷.

Тенденция к активизации деятельности советских историков по исследованию истории буржуазии России, в том числе

¹⁴ ССЭ. Т. 4. Стлб. 650—651.

¹⁵ ССЭ. Т. 1. Стлб. 597, 599, 602.

¹⁶ ССЭ. Т. 1. Стлб. 555; Т. 2. Стлб. 185; Т. 3. Стлб. 17, 270, 272, 775; Т. 4. Стлб. 11—12, 168, 426—427, 929.

¹⁷ Ветошкин М. К. Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1947; Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Тр. Московск. историко-архивн. ин-т. М., 1954. Т. 6. С. 77—166.

ее политических партий, наметилась лишь с конца 50-х гг. В ряде работ, написанных с привлечением конкретно-исторического материала, получила всестороннее освещение ленинская концепция классовой сущности, роли и места буржуазных партий в процессе общественного развития. В монографических исследованиях последних лет поднимаются теоретические, методологические, историографические и источниковедческие проблемы изучения истории буржуазных партий, на основе привлечения источниковых материалов главным образом о центральном руководстве и отделах партий в Европейской России, характеризуются их политические позиции, численный и классовый состав и т. д.¹⁸ Работы такого рода помогают ориентироваться в материале по истории сибирских отделов буржуазных партий, изучение которой невозможно без знания истории этих партий в целом.

К сожалению, история кадетских и октябристских организаций в Сибири в исследованиях по общероссийской тематике почти не нашла отражения. Исключением является лишь монография В. В. Шелохаева по истории кадетской партии в 1905—1907 гг.¹⁹, в которой обобщены данные архивных документов и исследовательской литературы о времени возникновения, численности и структуре кадетских организаций в Сибири. Однако поскольку специальным изучением этих частных для его исследования вопросов В. В. Шелохаев не занимался, в монографии допущены некоторые фактические неточности, на которые не было обращено внимания в опубликованных рецензиях²⁰. В частности, не подтверждаются данными источников указанное В. В. Шелохаевым время создания омской кадетской организации, существование городских организаций в Тюмени и Тюкалинске Тобольской губернии. В числе периодических изданий кадетов Енисейской губернии

¹⁸ Историографический обзор общероссийской литературы по истории буржуазных партий см.: Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; Волобуев О. В., Леонов М. И., Уткин А. И., Шелохаев В. В. История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. № 7.

¹⁹ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983.

²⁰ Ганелин Р. Ш. Рец. на указ. соч. Шелохаева В. В. // Вопросы истории. 1983. № 12; Ушаков А. В. Рец. на указ. соч. Шелохаева В. В. // История СССР, 1984. № 4.

названы томские газеты «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Народные нужды»²¹.

Начало серьезной научно-организационной и исследовательской деятельности по изучению истории Сибири и, в частности, истории классов и партий, классовой борьбы в регионе, было положено в период подготовки коллективного труда «История Сибири». В специальном его разделе, посвященном первой российской революции, в общих чертах была дана характеристика расстановки классовых сил в крае в этот период²².

В настоящее время историками проведена значительная работа по изучению проблем социально-экономической истории буржуазии Сибири. Наиболее крупным исследованием по этой теме является монография Г. Х. Рабиновича²³. В разработке же проблем политической истории буржуазии Сибири наметилось некоторое отставание, и до сих пор нет специальных обобщающих исследований по истории местных кадетских и октябристских организаций. Историография этой темы представлена пока в основном статьями.

Заслуга постановки в комплексе всех основных проблем истории кадетских и октябристских организаций Сибири в период первой российской революции принадлежит И. Г. Мосиной²⁴. На основе довольно широкого круга материалов периодической печати, документов центральных и местных архивов И. Г. Мосина освещает процесс создания кадетских и октябристских организаций в Сибири, приводит данные о численности наиболее крупных из них, а также о социальном составе их комитетов, характеризует в общих чертах программные и тактические установки организаций, не акценти-

²¹ Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 297, 300, 307.

²² История Сибири. Л., 1968. Т. 3, С. 251—298.

²³ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975.

²⁴ Мосина И. Г. Представительные и политические организации буржуазии Сибири в период империализма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1967; Она же. К вопросу о возникновении кадетских организаций в Сибири // Вопросы гуманитарных наук / Учен. зап. Том. пед. ин-та. Томск, 1969; Она же. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978; Она же. Буржуазия и буржуазная интеллигенция весной — летом 1905 г. в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1979. Вып. 10; Она же. Либералы и пролетариат Сибири в революции 1905—1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905—1920 гг.). Томск, 1982.

руя, однако, внимания на их особенностях, связанных со спецификой социально-экономического развития региона, определяет основные направления парламентской деятельности представителей сибирских либералов в Государственных думах.

Однако перечисленные вопросы не являлись объектом специального исследования И. Г. Мосиной, поставившей перед собой гораздо более широкую в тематическом и хронологическом плане задачу общей характеристики процесса формирования буржуазии Сибири в политическую силу в конце XIX в. — феврале 1917 г. Это обстоятельство, естественно, обусловило краткость в изложении истории кадетских и октябристских организаций периода первой российской революции и недостаточную глубину в освещении некоторых ее аспектов. Так, например, далеко не полными являются данные И. Г. Мосиной о численности местных отделов буржуазных партий. Поскольку исследователем установлена социальная принадлежность лишь немногих лидеров кадетов и октябристов, не удалось дать научный анализ классового состава организаций. Недостаточно широкое привлечение в качестве источников изданий революционно-демократического и правительственного политических лагерей не позволило И. Г. Мосиной глубоко раскрыть вопрос о характере межпартийных отношений. Несмотря на имеющиеся недостатки, работы И. Г. Мосиной, бесспорно, являются серьезным вкладом в изучение проблем политической истории буржуазии Сибири и остаются до сих пор наиболее полными исследованиями по этой тематике.

Краткое описание процесса формирования кадетских организаций в Сибири составил Э. Г. Кудряшев, уделив при этом основное внимание вопросам, связанным с историей красноярской организации²⁵.

Отдельные сюжеты политической истории буржуазии нашли отражение в ряде исследований, посвященных изучению революционно-демократического лагеря. Так, вопрос о деятельности сибирской либеральной буржуазии в ходе предвыборных кампаний в I и II Государственные думы, о тактике сибирских депутатов был затронут в статьях В. С. Флерова

²⁵ Кудряшев Э. Г. Организационное оформление либеральной буржуазии в 1905 г. // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. Вып. 6.

и Б. В. Кондрикова, М. И. Казанцева, М. Б. Шейнфельда²⁶. Более обстоятельно этот вопрос разработан в совместной статье И. М. Разгона и И. Г. Мосиной, а также в статье и кандидатской диссертации А. А. Кузнецова²⁷. В названных работах показана расстановка классовых сил на выборах в Государственные думы, дана характеристика партийного состава сибирских депутатов и основных направлений их парламентской деятельности. Однако предметом углубленного изучения до сих пор не стал чрезвычайно важный вопрос о формах и методах предвыборной борьбы местных отделов буржуазных партий за массы.

Интересный материал, позволяющий делать выводы о связях, характере взаимоотношений кадетов Сибири и областников, о классовой сущности областничества, приводится в исследованиях М. Б. Шейнфельда, М. В. Шиловского, Л. А. Жадан²⁸. Но с некоторыми теоретическими положениями, выдвигаемыми ими, нельзя согласиться. Так, данные источников не подтверждают тезис М. Б. Шейнфельда о неприятии

²⁶ Флеров В. С., Кондриков Б. В. Выборы в I и II Государственные думы в Западной Сибири//Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1965; Казанцев М. И. Революционно-демократический лагерь и выборы во вторую Государственную думу в Сибири//Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1972; Шейнфельд М. Б. Крестьянское движение в Енисейской губернии и выборы в I Государственную думу//Первая русская революция 1905—1907 гг. в центре Сибири. Красноярск, 1975.

²⁷ Разгон И. М., Мосина И. Г. Буржуазия Сибири и Государственная дума//Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977; Кузнецов А. А. Вопрос о сибирском земстве в Государственной думе (1906—1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 1980.

²⁸ Шейнфельд М. Б. Сибирское областничество и борьба с ним марксистов в периодической печати в годы первой мировой войны//Из истории Сибири. Красноярск, 1969. Вып. 1; Он же. Проблема истории Сибири в областничестве в начале XX века//Из истории Сибири. Красноярск, 1970. Вып. 3; Шиловский М. В. Сибирское областничество накануне и в годы первой русской революции. 1895—1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975; Он же. Взаимоотношения сибирских областников с эсерами и каде́тами в годы первой русской революции//Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976; Жадан Л. А. К вопросу об идеологии сибирского областничества (1907—1916 гг.)//Из истории общественно-политической жизни Сибири. Томск, 1981; Она же. Из общественно-политической деятельности сибирского областничества в 1907—1917 гг.//Из истории буржуазии России. Томск, 1982.

кадетами идеи сибирской автономии²⁹. Ошибочным представляется и объяснение М. В. Шиловским тесных контактов областников, кадетов и эсеров в Сибири однородностью их социального состава, единством социальной базы в лице мелкобуржуазной интеллигенции³⁰.

В монографиях Ф. Ф. Шамахова и М. И. Матвеева содержится информация о тактике либералов по отношению к движению учащейся молодежи, о попытках направить его в реформистское русло³¹. Данные М. И. Матвеева о результатах голосования студентов по ряду вопросов на сходках могут служить основой для выявления степени влияния представителей различных партий, в том числе кадетов и октябристов, на молодежь.

В целом обзор литературы по истории сибирских отделов буржуазных партий в период первой российской революции свидетельствует о наличии многих еще не решенных вопросов, что обуславливает необходимость дальнейшего их исследования на основе расширения источниковой базы.

Признавая необходимым ведение исследовательской работы в рамках основных намеченных советскими историками направлений в изучении непролетарских партий (в том числе и буржуазных) в общероссийском масштабе³² и учитывая степень изученности их организаций в Сибири, можно выделить следующие проблемы истории местных отделов кадетской и октябристской партий в период первой российской революции, требующие специальной разработки:

- 1) определение ориентировочной общей численности членов кадетской и октябристской партий в Сибири;
- 2) анализ классового состава местных организаций на основе обобщения данных как о личном составе их комитетов, так и о рядовых членах;

²⁹ Шейнфельд М. Б. Проблема истории Сибири... С. 63.

³⁰ Шиловский М. В. Взаимоотношения сибирских областников... С. 51.

³¹ Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков. Томск, 1957; Матвеев М. И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966.

³² Спирин Л. М. Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения истории непролетарских партий России//Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: (Материалы конференции). М., 1982. С. 8—9; Волобуев О. В., Леонов М. И., Уткин А. И., Шелохаев В. В. Указ. раб. С. 66—67.

- 3) характеристика социальной базы организаций путем анализа классового состава избирателей, голосовавших за их членов на выборах в городские и Государственные думы;
- 4) выявление специфики политических позиций кадетских и октябристских организаций в Сибири, углубленная характеристика тех программных требований, которые были продиктованы особенностями социально-экономического развития края;
- 5) дифференцированная оценка политических позиций внутрипартийных группировок, выявление их связей с различными классами и социальными слоями, с разными типами капитала (октябристским или либеральным);
- 6) характеристика взаимоотношений кадетов и октябристов Сибири с местными организациями других политических партий;
- 7) исследование основных форм и методов практической деятельности кадетов и октябристов.

Разработка перечисленных проблем истории кадетских и октябристских организаций Сибири призвана способствовать всестороннему освещению расстановки классовых сил в регионе в период первой российской революции, а также исследованию общих и специфических закономерностей складывания и развития буржуазного лагеря в общероссийском масштабе.

В. Ю. СОКОЛОВ

**О ХАРАКТЕРЕ ОБСУЖДЕНИЯ СОВЕТСКИМИ
ИСТОРИКАМИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ
ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА
В РОССИИ**

После победы Октябрьской революции в нашей стране партия и правительство поставили перед историками-марксистами в качестве первостепенной задачи научное обоснование глубоко объективного, закономерного характера этой победы. Доказательство необходимости социалистической революции в России должно было послужить теоретической основой строительства социализма в молодом советском государстве, защитить историю Октября от многочисленных буржуазных и оппортунистических фальсификаций.

В начале 1920-х гг. в работах С. М. Дубровского, С. А. Пионтковского, М. Н. Покровского и других историков нашли отражение первые успехи советских обществоведов в данной области¹. Но поначалу указанная работа велась с довольно слабым привлечением ленинского учения об империализме как материальной основе социализма, как преддверии социалистической революции.

¹ Дубровский С. М. Очерки русской революции. 2-е изд. М., 1923; Пионтковский С. А. Октябрьская революция в России: ее предпосылки и ход. М., 1923; Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв. М., 1924 и др.

Активное усвоение этих основополагающих ленинских идей, их широкое конкретно-историческое обоснование началось в период интенсивного обсуждения историками-марксистами проблем формирования финансового капитала в России. Дискуссия, проходившая с середины 20-х до начала 30-х гг., наиболее полное освещение получила в работах К. Н. Тарновского, В. И. Бовыкина, А. Л. Сидорова, вышедших в свет в конце 50—60-х гг.² Интерес к данной дискуссии именно в это время был не случаен. С середины 50-х гг. обнаружилось явное противоречие между «общепринятой» трактовкой российского империализма как слабо развитого, зависимого от иностранного капитала и новейшими результатами историко-экономических исследований, свидетельствовавших о том, что монополистический капитализм в России принципиально не отличался от западно-европейского³. Возникла необходимость выяснить, каким образом сформировалось расхождение теоретических положений с итогами конкретных исследований. Именно эта целевая установка во многом определила характер использования историками 60-х гг. материалов дискуссии о финансовом капитале. Так, К. Н. Тарновский в предисловии к своему историографическому исследованию писал: «Моя задача ограничивалась выявлением основных линий, основных направлений разработки проблемы в прошлом для того, чтобы уяснить настоящее. ...Круг основных вопросов, которые сейчас обсуждаются, в какой-то мере послужил и критерием отбора историографического материала»⁴.

Ярко выраженная ориентация историографических исследований 60-х гг. на современность обусловила некоторый отрыв в них материалов изучения российского империализма в 20-е гг. от общего развития советской исторической науки того периода.

Переход от такого несколько прикладного изучения дискуссии о финансовом капитале к более широкому прочтению наметился в конце 70-х—начале 80-х гг. в монографиях А. И.

² Об особенностях империализма в России. М., 1963; Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970 и др.

³ Об этом см.: Историография истории СССР: (Эпоха социализма). М., 1982. С. 162—164.

⁴ Тарновский К. Н. Советская историография... С. 4.

Алаторцевой и Е. Н. Городецкого⁵. В них указанная дискуссия была рассмотрена в связи с более общим процессом развития советской исторической науки, во взаимоотношении с другими дискуссиями того периода, что позволило авторам выявить специфику изучения российского империализма в 20-е гг., обозначить место анализа социально-экономических предпосылок Октябрьской революции в общем развитии историографии начального периода.

При этом Е. Н. Городецкий делает интересное заключение: «Для последующих этапов развития советской историографии Октября проблема социально-экономических предпосылок постепенно вычленяется из общей историографии и ею занимаются больше экономисты, чем историки. Однако для первого этапа изучения истории Октябрьской революции эта проблема являлась неотъемлемой частью формирующейся историографии. От того, как, в каком направлении будет решаться проблема социально-экономических предпосылок социалистической революции, зависело дальнейшее развитие всей советской историографии»⁶.

К сожалению, всесторонне аргументировать этот тезис ни А. И. Алаторцева, ни Е. Н. Городецкий не пытались, так как основные задачи их исследований лежали в несколько иной плоскости. Однако само смещение акцентов изучения историографии российского империализма 20-х гг., в частности, дискуссии о финансовом капитале, в сторону установления тесных связей с другими историографическими явлениями того периода наметило путь для более широкого изучения данного материала.

Таким образом, если исследователей 60-х гг. интересовал прежде всего вопрос о том, что знали в 20-е гг. о российском империализме, то в настоящее время назрела необходимость выяснить, в каких условиях шел процесс формирования этих знаний, каким образом данные условия определили характер изучения проблемы предпосылок Октября в 20-е гг. Выяснить эти вопросы и попытается автор настоящей статьи.

В статье не ставится задача изложить весь ход дискуссий о финансовом капитале, так как это достаточно подробно сделано в монографии К. Н. Тарновского. Внимание в ней будет

⁵ Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист». М., 1979; Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября. М., 1981.

⁶ Городецкий Е. Н. Советская историография... С. 269.

сосредоточено лишь на тех моментах в ее освещении, которые нуждаются в уточнении.

Отсутствие должного интереса исследователей 60-х гг. к конкретным условиям освоения ленинского учения об империализме в 20-е гг. выражалось, на наш взгляд, в том, что они сосредоточили свое основное внимание на анализе борьбы двух направлений в изучении российской системы финансового капитала, не учитывая, точнее, не равномерно учитывая, позитивный вклад каждой из сторон в развитие советской исторической науки.

Спорящие тогда разделились, как известно, на сторонников идеи о том, что финансовый капитал в России образовался и развивался под определяющим влиянием западного капитала, — в их число входили Н. Н. Ванаг, Л. Н. Крицман, Л. С. Ронин, — и их оппонентов, к которым относились И. Ф. Гиндин, Е. Л. Грановский, А. Л. Сидоров, Г. В. Цыперович, утверждавшие, что финансовый капитал в нашей стране сформировался самостоятельно.

Заострение внимания на данном делении исследователей российского империализма 20-х гг. понадобилось историкам 60-х гг. для того, чтобы в начальном этапе развития советской историографии найти истоки современных разногласий. В результате этого в литературе 60-х гг. была проведена такая схематизация процесса изучения российского империализма в 20-е гг., в которой разногласия между историками-марксистами оказались в определенной степени искусственно завышены. Названные исследователи 60-х гг., прежде всего К. Н. Тарновский, сами будучи сторонниками концепции национального происхождения российского финансового капитала, порой так оценивали работы, не разделявшие их точку зрения или препятствовавшие ее распространению, что, глядя на изображение ими дискуссии о финансовом капитале, невольно задаешь вопрос: дискуссия ли это?

Как известно, дискуссия в марксистской историографии возможна лишь между исследователями, придерживающимися хотя бы в основных моментах единой точки зрения по вопросу о предпосылках пролетарской революции в России. Поэтому встает закономерный вопрос: можно ли назвать дискуссией обсуждение проблемы формирования российского финансового капитала, в центре которого фактически стоял вопрос об экономических предпосылках социалистической революции в нашей стране, если одна из сторон, как утвержда-

ет К. Н. Тарновский, придерживалась идеи об экономической незрелости этой революции?⁷

С указанным выводом К. Н. Тарновского нельзя согласиться, т. к. иначе стираются отчетливые границы между такими формами обсуждения спорных вопросов, как научная дискуссия внутри марксистского лагеря и идейно-политическая борьба с антимарксистскими научными концепциями. Изучение с этих позиций дискуссии о финансовом капитале наводит на мысль об определенной неточности ее изображения в 60-е годы.

Отмеченный подход особенно ярко проявился в изучении первого этапа дискуссии, относящегося к середине 20-х гг. Так, анализ исследований по империализму К. Н. Тарновский начинает с односторонних негативных оценок идей Р. Гильфердинга, с противопоставления этих идей взглядам русских марксистов еще конца 1910—начала 1920-х гг. Действительно, В. И. Ленин, а вслед за ним М. Н. Покровский и многие партийные публицисты в годы первой мировой войны и после нее неоднократно выступали с критикой взглядов этого деятеля германской социал-демократии, особенно тех, в которых содержалась оппортунистическая апология государственно-монополистического капитализма. И когда дело касалось политических выкладок Гильфердинга, большевики были непримиримыми врагами последнего.

Иное отношение русские марксисты проявляли к его экономическим идеям. В предреволюционный период у большинства членов большевистской партии представление об империализме сложилось как раз по книге Гильфердинга «Финансовый капитал», появившейся в России в 1912 г., в переводе И. И. Скворцова-Степанова. Несмотря на целый ряд недостатков этой работы, отмеченных марксистской критикой уже в момент ее выхода, она, вплоть до опубликования в сентябре 1917 г. книги В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», оставалась основным пособием по изучению монополистической стадии капитализма⁸.

Если же учесть, что с 1917 по 1920 гг., ввиду начавшейся революции и гражданской войны, большевикам было не до штудирования теоретических трудов, то можно понять, по-

⁷ Там же. С. 21.

⁸ О взглядах Р. Гильфердинга и их критике русскими марксистами см.: Орешкин В. В. Вопросы империализма в работах большевиков-ленинцев: (Дооктябрьский период). М., 1968. С. 32—35, 106—108, 129—131.

чему к началу 20-х гг. многие партийные и государственные деятели, ученые нашей страны имели представление об империализме по работе Гильфердинга, а не Ленина. К этому следует добавить, что даже среди тех марксистов, которые, как, скажем, Покровский, получили возможность прочесть ленинскую работу в момент ее появления, немногие сразу поняли ее принципиальное отличие от исследования империализма Гильфердингом.

С одной стороны, тому в немалой степени способствовала высокая оценка «Финансового капитала», данная самим Лениным. «Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, — писал он, — это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ «новой фазы в развитии капитализма»...»⁹ У многих марксистов поначалу сложилось впечатление, что книга Ленина лишь дополняет, уточняет выдвинутую Гильфердингом концепцию.

С другой стороны, нельзя забывать, что до середины 20-х гг. книги Гильфердинга и Ленина не столько противостояли друг другу, сколько помогали историкам-марксистам в решении основной задачи тех лет — борьбе с буржуазной идеалистической трактовкой русской истории, опирающейся на утверждение об экономической отсталости нашей страны и надклассовой природе русского государства. При анализе российского империализма подобные утверждения встречались в работах не только буржуазных историков и экономистов И. И. Левина, А. Л. Рафаиловича, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского, но и у исследователей меньшевистского толка А. О. Гушки, С. О. Загорского, М. П. Павловича, А. Н. Финн-Енотаевского и др.¹⁰ Для противодействия им в те годы советские историки широко привлекали в своей исследовательской работе всевозможные учения, носящие материалистические черты. Этим обстоятельством объясняется интенсивное распространение в марксистской литературе тех лег различных вульгарно-экономических теорий, которые могли бы в борьбе с буржуазной идеалистической мыслью, по

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 309.

¹⁰ Подробнее о дворянских, буржуазных и оппортунистических представлениях о российском империализме см.: Орешкин В. В. Вопросы империализма... С. 20—35.

выражению М. Н. Покровского, «проложить дорогу хотя бы элементарно научному пониманию истории»¹¹.

На фоне этой борьбы хорошо видно, как теория империализма Гильфердинга в интерпретации М. Н. Покровского «срабатывала» против буржуазной историографии. Так, например, в первом издании «Очерков русского революционного движения» (1924 г.) Покровский проводил мысль о том, что если учитывать наличие империализма по двум признакам, взятым из «Финансового капитала» — «высокие таможенные пошлины» и «стремление раздвинуть таможенные границы», то можно убедиться, «что оба эти признака империализма... имеются у нас налицо в течение всей второй половины XIX века и уже безусловно в 90-х годах XIX века»¹². Такой вывод позволял уже с конца XIX в. зачислить Россию в один ряд с передовыми капиталистическими странами Запада.

В этот период М. Н. Покровский находил близкими собственным и взгляды Гильфердинга на природу эксплуататорского государства. В одной из статей он писал, что «по мнению Гильфердинга... абсолютная государственная власть есть «исполнительный комитет меркантилизма». Это, конечно, теоретически лучше выражено, чем мое определение «политическая организация торгового капитализма...» Но по существу это, конечно, то же самое»¹³.

До середины 20-х гг. не только М. Н. Покровский находил вполне марксистскими взгляды на империализм у Гильфердинга. Широко использовал в своих работах основные положения «Финансового капитала» И. И. Скворцов-Степанов. Я. М. Свердлов в одном из писем заметил: «Я лично, прочитав Гильфердинга, считаю его работу, безусловно, марксистской, может быть и ошибочной в деталях...»¹⁴ В советский период до 1923 г. «Финансовый капитал» выдержал четыре издания, служа одним из основных пособий по изучению теории империализма в вузах нашей страны. Приведенные факты дают основание задуматься над правомерностью попыток К. Н. Тарновского противопоставить взгляды Гильфердинга

¹¹ Покровский М. Н. Избр. соч. Кн. 4. М., 1967. С. 383.

¹² Покровский М. Н. Очерки по истории... С. 119.

¹³ Покровский М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 134.

¹⁴ Свердлов Я. М. Избр. произв. М., 1957. Т. 1. С. 261.

и Покровского на империализм в указанные годы, доказать, что они «значительно отличались»¹⁵.

Вызывает также сомнение и законность упреков в том, что Покровский в «Очерках по истории революционного движения» не сумел раскритиковать концепцию Гильфердинга¹⁶. Конечно, существование в марксистской литературе рядом с ленинской теорией империализма куда менее совершенной гильфердинговской концепции должно было наводить на мысль о необходимости самого критического отношения к последней. Но научная и политическая практика почти до середины 20-х гг. не сталкивала резко эти теории, и потому историки-марксисты не видели необходимости в борьбе с распространением взглядов Гильфердинга на финансовый капитал.

Положение меняется в 1924 г. Во-первых, смерть В. И. Ленина заставила многих исследователей значительно глубже взглянуть на его теоретическое наследие, в котором концепция империализма занимала одно из центральных мест. Во-вторых, обострение в 1924 г. внутрипартийной борьбы поставило марксистов-ленинцев перед необходимостью удалить из общественно-политической практики теории, прямо или косвенно служащие ревизии ленинизма. Наконец, именно в указанный год появляются первые серьезные конкретные исследования историков-марксистов, которые доказывают явное несовершенство гильфердинговской теории империализма в сравнении с ленинской.

Все это, несомненно, способствовало тому, что в 1924—1925 гг. сразу два историка А. Н. Слепков и Н. Н. Ванаг отметили расхождение М. Н. Покровского с ленинским учением об империализме. Да и сам Покровский в это время уже начал пересмотр своих взглядов на империализм. В полемике со Слепковым Покровский показал прекрасное понимание различий между ленинской и гильфердинговской теориями империализма¹⁷. В ходе этой полемики он признал, «что после работы Ленина соответствующую часть работы Гильфердинга (речь шла об определении признаков империализма. — В. С.), мягко выражаясь, надо убрать в архив»¹⁸.

¹⁵ Тарновский К. Н. Советская историография... С. 11.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Покровский М. Н. Марксизм и особенности исторического развития... С. 136—139.

¹⁸ Там же. С. 139.

Особую поддержку у Покровского вызвала аргументированная критика его работ со стороны Ванага, по поводу которой он писал: «Во введении к своей книжке тов. Ванаг, как и тов. Слепков полемизирует с характеристикой империализма, данной в «Очерках». Но он не ограничивается сопоставлением текстов, а пытается дать анализ объективных хозяйственных условий России конца XIX века. Окончательный его вывод, что в 1890-х годах у нас происходила только «подготовка» империализма, для меня вполне приемлем»¹⁹.

Итак, многие факты говорят о том, что гильфердинговская теория империализма почти до середины 20-х гг. не мешала развитию советской исторической науки и в определенной мере даже способствовала ему, являясь, хотя и временным, оружием борьбы против буржуазной историко-экономической мысли. Ее хождение среди историков-марксистов отражало определенный этап становления советской историографии, без выявления которого нельзя понять пути совершенствования отечественной исторической мысли в 20-е гг. С этих же позиций следует уточнить условия появления теории «ненационального» происхождения российского финансового капитала и причины ее поддержки М. Н. Покровским.

К. Н. Тарновский считает, что «концепцию «денационализации» русского капитализма М. Н. Покровский объявил последним словом науки, ибо она вполне согласовалась с его представлениями об экономической незрелости России для социалистической революции»²⁰. В качестве аргумента в пользу данного положения Тарновский приводит выступление Покровского на первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, в котором последний заявил о том, что большевики победили, «несмотря на то, что все экономические показатели были за неуспех Октябрьской революции»²¹. Но здесь необходимо заметить, что присоединение Покровского к «денационализаторам» произошло в 1925 г., а выступление его на конференции датируется январем 1929 г. Встает вопрос: правомерно ли подобное совмещение высказываний Покровского?

Известный советский историк, академик И. И. Минц, активный участник дискуссий 20-х гг., еще в то время настаивал на необходимости применения в оценке наследия М. Н. Пок-

¹⁹ Там же. С. 139.

²⁰ Тарновский К. Н. Советская историография... С. 21.

²¹ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 2-е изд. М.: Л., 1930. С. 326.

ровского самого тщательного исторического подхода. «Не надо забывать, — говорил он, — что схема Покровского выростала в борьбе, с одной стороны, со старой буржуазной теорией, с другой стороны, с различными уклонами внутри марксистов-историков. Боевой характер, полемическая заостренность приводили иногда к выпячиванию той или иной стороны. Но это-то и заставляет нас не брать отдельные места, не выхватывать кусочки, а брать всю систему в целом, а главное в ее развитии»²².

Подход единственно верный, и он требует напомнить о том, что в 1925 и в 1929 гг. перед Покровским, как и перед другими советскими историками, стояли совершенно разные задачи. Если в 1925 г. их усилия были направлены прежде всего на борьбу с буржуазными теориями, то в 1928—1929 гг. основное внимание они сосредоточили на разоблачении троцкистской фальсификации российской истории и преодолении влияния методологии экономического материализма. На первом этапе историки-марксисты стремились доказать наличие объективных экономических предпосылок Октябрьской революции, на втором — относительную независимость и активную роль политических факторов в революции по отношению к экономическим. Совершенно естественно, что в условиях напряженной идейной борьбы Покровский заострял внимание на той или другой стороне вопроса о предпосылках Октября. Но это было лишь полемическое заострение проблемы, а не выражение общей позиции историка, у которого никогда не оставалось сомнения в наличии экономических и политических предпосылок революции.

Поддержка Покровским концепции «денационализации» в 1925 г. была отнюдь не проявлением его представлений об экономической незрелости России для социалистической революции. Этот поступок был продиктован желанием Покровского присоединиться к исследователям, более аргументированно, чем он сам, обосновывающим наличие империализма в России, а значит и материальной базы пролетарской революции.

Собственно, какими мотивами руководствовался Н. Н. Ваняг и его сторонники, выдвигая концепцию ненационального происхождения финансового капитала в России? К. Н. Тарновский пишет: «Доказывая тезис об отсутствии в России са-

²² Против механических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930. С. 24.

мостоятельной системы монополистического капитализма, они по сути дела лишь уточняли взгляды меньшевика Финн-Енотаевского»²³. Но так ли это? А. Финн-Енотаевский вообще отрицал деятельность финансового капитала в России. «Следует решительно отвергнуть..., — писал он, — слитие у нас функций банкового капитала и индустриального, руководство банками нашей индустрией, распоряжение ею банковым капиталом, будь то нашим или иностранным»²⁴. Н. Н. Ванаг, С. Л. Ронин, Л. Н. Крицман наоборот стремились всеми возможными средствами доказать наличие в стране финансового капитала, ибо он как раз и был одним из основных показателей материальной зрелости России для социалистической революции.

Своей работой «Финансовый капитал в России накануне мировой войны», опубликованной в 1925 г., Ванаг стремился расширить возможности обоснования материальной готовности России к социалистической революции и усовершенствовать методы борьбы с буржуазной историографией в этом вопросе. Во вступлении к своей книге он прямо указывал на то, что отсутствие исследований по финансовому капиталу препятствует марксистскому изучению российского империализма. Анализируя единственную в то время серьезную работу по отечественному монополистическому капитализму (см.: Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в России), Ванаг подчеркнул, что «голое рассмотрение схемы русских синдикатов не может дать полной картины русского империализма»²⁵.

Кроме того, анализируя развитие российских монополий без учета деятельности финансового капитала, невозможно было показать включенность отечественного империализма в международную империалистическую систему и тем самым доказать, что уровень капитализма в нашей стране был не ниже мирового.

Наконец, существование одной лишь «голой» схемы деятельности русских синдикатов являлось питательной средой для распространения в марксистской литературе параллельно с ленинскими и гильфердинговских взглядов на империализм. Так, М. Н. Покровский в первом издании «Очерков по

²³ Тарновский К. Н. Советская историография... С. 26.

²⁴ Финн-Енотаевский А. Финансовый капитал и производственный. М., 1926. С. 126.

²⁵ Ванаг Н. Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны: Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М., 1925. С. 5.

истории революционного движения в России» писал: «Для того, чтобы оценить вошла ли страна в империалистический период, нужно присмотреться не к тому, имеются ли у нее в достаточном количестве тресты и синдикаты, а к двум признакам, которые отмечает Гильфердинг»²⁶. Установление монополии на производство и сбыт товаров Покровский рассматривал как одно из следствий протекционистской деятельности царизма в интересах торгово-ростовщической буржуазии, не учитывая, что именно финансовый капитал представлял все возрастающую силу и независимость промышленных монополий.

Поэтому исследование Ванагом российского финансового капитала, хотя и в рамках теории «денационализации», было большим шагом вперед в марксистском изучении отечественного империализма. Опираясь на него, Ванаг раскрыл механизм действия одной из важнейших особенностей российского империализма, установленной В. И. Лениным, — значительно превышения ввоза иностранных капиталов в Россию над их вывозом из страны. На основе своих исследований ему удалось значительно расширить представления историков-марксистов о многих явлениях отечественной истории предреволюционного периода, таких, например, как причины участия России в первой мировой войне. Теория Ванага о зависимом положении российского империализма от западного позволяла гораздо глубже, чем концепция «торгового капитала» Покровского, объяснить механизм втягивания России в войну, а главное, показать, что она участвовала в войне как страна империалистическая. Известно, что М. Н. Покровский считал возможным присоединиться к точке зрения своего ученика и во втором издании «Очерков» (1927 г.) серьезно пересмотрел свои взгляды на империализм.

Таким образом, хотя Ванаг действительно преувеличивал зависимость предреволюционной экономики России от западно-европейской, все-таки он подчеркивал мысль о том, что это была зависимость империалистической экономики от империалистической. Данное обстоятельство в корне отличало его взгляды от различных буржуазных и оппортунистических теорий, отрицавших наличие российского империализма, а тем самым и материальной базы революции.

Суждения Л. Н. Крицмана развивались в том же направлении, что и у Н. Н. Ванага, когда он говорил о подчи-

²⁶ Покровский М. Н. Очерки по истории... С. 119.

нении российского империализма мировому. В его работах речь шла о том, что «крах русского капитализма в действительности есть крах мирового капитализма в России...»²⁷

Идея «ненационального» происхождения российского финансового капитала нужна была Крицману для экономического обоснования международного значения Октябрьской революции как события, положившего начало разрушению мировой системы империализма. Опираясь лишь на буржуазные источники, он не мог по-другому доказать включенность российской экономики в мировую, кроме как в форме зависимости первой от второй. Но в предложенной им системе отношений империалистических стран Россия играла роль не пассивного придатка, а одного из ключевых звеньев, ибо, как известно, крушение системы с придатка не начинается.

Беда «денационализаторов» заключалась в том, что они имели под рукой лишь материалы буржуазных исследователей с завышенными подсчетами доли иностранного капитала в деятельности дореволюционных банков России. Тем не менее и эти материалы они смогли использовать против буржуазной историографии, указывая на существование определяющих признаков империализма в российской экономике, подчеркивая материальную готовность страны к социалистическим преобразованиям.

В 20-е гг. истолкование характера зависимости нашей страны от мирового империализма было делом настолько сложным, что и у представителей «национальной школы» вызывало некоторые противоречия. Так А. Л. Сидоров, противопоставляя ленинский взгляд на процесс созревания социально-экономических предпосылок Октября точке зрения Н. Н. Ванага и его сторонников, писал в «Очерках по истории Октябрьской революции»: «Процесс созревания русского империализма совершался с усилившейся тенденцией зависимости России от западно-европейских стран... Но делать отсюда выводы о колониальном или даже полуколониальном положении России слишком рано, до этого еще дело не дошло»²⁸. А в выводах этой же главы говорилось: «Отдельные тенденции экономической зависимости царизма от Антанты, имевшие место еще до войны, теперь (во время войны.—В. С.) прояви-

²⁷ Ронин С. Л. Иностранный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале. М., 1926. С. 5.

²⁸ Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 37.

лись полнее, складывались в систему, характерную для полуколониального государства»²⁹.

Оценивая в целом дискуссию о финансовом капитале в 1924 — 1927 гг., необходимо отметить, что она не повлекла глубокого принципиального размежевания среди ее участников. Безусловно, никто из них, за исключением М. Гольмана, не разделял представлений об экономической незрелости нашей страны для социалистической революции. Наоборот, их основные усилия в указанный период были направлены прежде всего на доказательство существования в экономике дореволюционной России ключевых признаков империализма, способствующих обоснованию наличия объективных социально-экономических предпосылок Октябрьской революции. Конечно, сторонники национального происхождения российской финансовой системы ушли в этой области значительно дальше своих оппонентов, но убеждений в единстве своих конечных целей ни те, ни другие не потеряли. Недаром Е. А. Аксельрод в предисловии к книге И. Ф. Гиндина, активного защитника теории «национального» происхождения финансового капитала в России, писал о том, что «работы тт. Ванага, Ронина, Гиндина... в определенной мере дополняют друг друга»³⁰.

Это дополнение проявлялось в том, что если «национализаторы» изучали главным образом внутренние процессы формирования монополистического капитализма в России, то «денационализаторы» делали упор на анализе внешних факторов его развития, которые для российского империализма имели особо важное значение. Все выступления марксистских исследователей финансового капитала в России в указанный период политически и научно были заострены против буржуазных и эсеро-меньшевистских теорий Октябрьской революции, что и сводило в конечном счете воедино их устремления.

Вышесказанное и объясняет, почему в анализируемой дискуссии разногласия в решении проблем экономического развития России не доводились ее участниками до политических выводов. Это обстоятельство красноречивее всего свидетельствовало о том, что дискуссия проходила в рядах исследователей единого марксистского мировоззрения, среди единомышленников, делавших одно общее дело.

²⁹ Там же. С. 76.

³⁰ Гиндин И. Ф. Банки и промышленность до 1917 г.: К вопросу о финансовом капитале в России. М.; Л., 1927. С. 5.

Следует заметить, что именно единство усилий участников дискуссии о финансовом капитале способствовало тому, что уже в середине 20-х гг. капитализм в России стал одним из наиболее освоенных марксистской мыслью периодов отечественной истории. Отмечая первые успехи в этой области, М. Н. Покровский с воодушевлением писал, что «мечта о восстановлении экономической истории России, конкретной, детальной, на основании богатейшего архивного материала, начинает осуществляться»³¹.

Исследования, проведенные в ходе дискуссии о финансовом капитале в России в 1924 — 1927 гг., заложили основу изучения советскими обществоведами экономических предпосылок Октябрьской революции. Эта работа являлась существенным вкладом в общий процесс развития советской исторической науки, в дело борьбы с различного рода антимарксистскими извращениями истории социалистической революции в России.

³¹ Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 210.

А. А. ГОВОРКОВ

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ПОНИМАНИЯ АКАДЕМИКОМ М. Н. ПОКРОВСКИМ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

При разработке методологических проблем исторической науки М. Н. Покровский отводил важное место раскрытию ее социальной функции, взаимоотношению истории и политики. В этой связи он использовал и знаменитую формулу «история есть политика, опрокинутая в прошлое», которая вызывала особый интерес историков, специально занимавшихся изучением творчества М. Н. Покровского.

Мнение известных специалистов О. Д. Соколова и Е. А. Луцкого по этому вопросу сводится к следующему. Академик М. Н. Покровский применял свою формулу к буржуазной, а не к марксистской исторической науке. Она означала, что буржуазные ученые своими историческими произведениями обосновывают политику буржуазии, не останавливаясь при этом «перед прямым искажением истории»¹. В качестве убедительного аргумента приводилось следующее место из доклада М. Н. Покровского «Общественные науки в СССР за 10 лет»: «Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, — все они непосредственно отразили опреде-

¹ Луцкий Е. А. Основные принципы периодизации развития советской исторической науки//История СССР. 1961. № 2. С. 112. Луцкий остался верен своему резюме и в изданном в 1982 году учебнике «Историография истории СССР (эпоха социализма)».

ленную классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и, как я в одном месте выразился, история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»². По отношению к марксистской исторической науке М. Н. Покровский употреблял другой тезис — «история это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего»³.

Но во второй половине 30-х гг. ученики Покровского стали безосновательно распространять его формулу «история есть политика, опрокинутая в прошлое» и на понимание им марксистской истории. «Разумеется, — писал в связи с этим О. Д. Соколов, — делать вывод о принадлежности данного тезиса Покровскому можно на основе опубликованных материалов»⁴.

К сожалению, О. Д. Соколов не ответил на вопрос, почему комментировать тезис М. Н. Покровского можно только на основании опубликованных материалов. А как быть с неопубликованными документами? Знаменитая формула дважды произносилась ученым на семинаре второго курса историков ИКП 5 марта 1928 г. при ответах на вопросы слушателей. Машинописный текст стенограммы семинара был лично правлен Покровским. Достоверность текста стенограммы, сохранившейся в Центральном архиве Академии наук СССР (ЦА АН СССР), не вызывает сомнения. Во втором случае историк говорил, что для нас, марксистов, «история есть политика, опрокинутая в прошлое и фундамент политики настоящего»⁵.

Выступление М. Н. Покровского на семинаре не осталось незамеченным. В интересной статье Ц. Фридлянда «Воинствующий историк-марксист (к 60-летию со дня рождения М. Н. Покровского)» подчеркивалось: «Для М. Н. Покровского «история — это политика, опрокинутая в прошлое». В этом по-

² Вестник Коммунистической Академии. 1928. Т. 24(2). С. 5—6.

³ Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 258—259. См. также его первую статью о М. Н. Покровском в журнале «Коммунист» (1962. № 2. С. 72—73).

⁴ Соколов О. Д. Исторические взгляды М. Н. Покровского и его место в советской историографии: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969. С. 423. По мнению Л. В. Черепнина, Покровскому ошибочно приписывалось «положение об исторической науке как политике, опрокинутой в прошлое» (Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 7).

⁵ ЦА АН СССР, ф. 1359, оп. 2, д. 20. Л. 3—4.

ложении вся философия его истории»⁶. Интересующий нас тезис взят Фридляндом в кавычки. Таким путем подчеркивалась его несомненная принадлежность Покровскому.

Рассматривая отношение буржуазных историков к новой концепции русского исторического процесса М. Н. Покровского, И. И. Минц писал: «Ученики Ключевского... обрушились не на детали, отдельные положения или характеристики эпох, — они атаковали схему в целом. «С нашей точки зрения, — писал А. Кизиветтер по поводу исторической концепции М. Н. Покровского, — это не что иное, как возвращение к мелодраматическому толкованию сюжетов в стиле Карамзина. Карамзин мелодраматизировал отдельных «героев», «мужей» нашей истории; современный историк мелодраматизирует целые общественные классы... суть дела в том, что в обоих случаях страдает историческая перспектива; суть дела в том, что в обоих случаях в историческое изображение прошлого вводятся злободневные, чисто партийные мотивы и лозунги. Историческая наука превращается в служанку политики». ...Для буржуазного историка, бессознательно отражающего в своих работах интересы господствующего класса, сознательный подход к «истории как к политике, обращенной в прошлое» был нарушением «научности» исторического метода, возвращением к доисторическим методам Карамзина. Но работы последнего печатались и распространялись, а произведения М. Н. Покровского не только тщательно игнорировались всей буржуазной наукой, но и подвергались цензурному запрещению самодержавия»⁷. По мнению И. И. Минца, формула выражала у Покровского классовый, партийный подход в науке о прошлом. На это же указывал и академик Н. М. Лукин⁸.

В широких кругах советских историков задолго до середины 30-х гг. было отлично известно, что тезис об истории как политике, опрокинутой в прошлое, Покровский применял не только по отношению к буржуазной исторической науке. И суть дела, конечно, не в самом тезисе, а в том, как его понимали сам автор и все те, кто писал о творчестве ученого.

⁶ Под знаменем марксизма. 1928. № 9—10. С. 6.

⁷ Научное слово. 1928. № 10. С. 10.

⁸ Лукин Н. М. М. Н. Покровский как организатор научно-исследовательской работы: (Доклад на торжественном заседании памяти М. Н. Покровского во дворце Урицкого)//Проблемы марксизма. 1932. № 4—5. С. 5.

Известно, что целое поколение советских историков было воспитано на литературе о Покровском, появившейся в середине 30-х — начале 40-х гг. В нашу задачу не входит анализ этой литературы и сложных причин ее появления⁹. Но ее исходные позиции определяли оценку всего творчества ученого, в том числе и понимание исследуемого нами тезиса. К таким основополагающим положениям относились следующие утверждения: М. Н. Покровский — мелкобуржуазный, а не пролетарский историк. Его методологические установки в области истории определялись не марксизмом, а экономическим материализмом и вульгарным социологизмом. Они были антимарксистскими и антиленинскими¹⁰.

Начало искажению взглядов М. Н. Покровского на соотношение истории и политики было положено статьей «Нужна ли нам марксистская историческая наука?», опубликованной 27 января 1936 г. в газете «Известия». В этой статье выделен специальный параграф «Об истории как науке и об истории как политике, опрокинутой в прошлое». Появление формулы об истории как политике, опрокинутой в прошлое, объяснялось неправильным пониманием Покровским диалектической связи между классовым и объективным в истории. Затем историк обвинялся в том, что он похоронил «объективную науку» истории, оставил знамя объективной науки буржуазным ученым и таким образом «ликвидировал» историю как науку. В статье специально отмечалось, что Покровский приравнивал марксизм к «кривому зеркалу», к ошибочной идеологии. С этим утверждением и связывалось появление рассматриваемой формулы. Статья написана в разносном духе, но не содержит каких-либо научных аргументов, доказывающих выдвинутые в адрес М. Н. Покровского обвинения.

Появление «криминальной формулы», «ликвидировавшей» историческую науку, П. О. Горин объяснял эклектическими

⁹ См.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 18—24.

¹⁰ Ответственный редактор двухтомника «Против исторической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» А. Л. Сидоров так определил подход к оценке творчества Покровского для его авторов в неопубликованной статье-тезисах «О взглядах М. Н. Покровского»: «Принципиально не отрывается от буржуазной школы. Буржуазно-радикальный историк». (Центральный архив АН СССР, ф. 359, оп. 15, д. 33, л. 5).

философскими убеждениями Покровского и тем, что последний видел критерий научной истины в целесообразности¹¹. А. М. Панкратова увязывала ее (формулу) со стремлением историка подчинить свою науку непосредственным задачам «текущей политической борьбы», актуализировать историческую проблематику (в стране шла ожесточенная классовая борьба), с тем, что он смешивал научную объективность с буржуазным объективизмом¹².

«М. Н. Покровский и его школа учили, — писал Е. Ярославский, — что «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Это ведет к извращению исторической перспективы; исторические события берутся не в той связи, в какой они происходят, на них переносятся характеристики и оценки сегодняшнего дня, происходит модернизация истории»¹³.

В субъективистском истолковании партийности обвинял М. Н. Покровского С. С. Киселев. «Покровский, находясь в идейном плену махизма, — писал он, — не понял того, что только большевистски-партийная историческая наука способна наиболее правильно, объективно верно отразить ход исторического развития человечества. Субъективистское истолкование партийности науки смыкает Покровского с богдановским релятивизмом, с отрицанием объективной истины и приводит его к тезису: «история это политика, опрокинутая в прошлое». Историк, который изучает прошлое, является представителем определенного класса. Поэтому он, руководствуясь классовыми интересами, отсеивает одни факты, выбирает для исследования другие, намечает соответствующую тематику исследования. Одним словом, сквозь призму интересов своего класса просеивает свой материал и оставляет только то, что способно обосновать, прокомментировать политическую линию своего класса... Такова субъективно-идеалистическая подоснова модернизации исторического прошлого,

¹¹ Горин П. О. О некоторых ликвидаторских взглядах на историческую науку//Большевик. 1936. № 7. С. 57.

¹² Панкратова А. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского//Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. 1. М.; Л., 1939. С. 49—51.

¹³ Ярославский Ем. Антиисторические извращения и вулгаризаторство так называемой «школы» Покровского//Исторический журнал, 1939. № 2. С. 3.

имевшая место по преимуществу в послеоктябрьских работах Покровского»¹⁴.

Посмотрим, насколько соответствуют истине объяснения, дававшиеся со второй половины 30-х по 40-е гг. происхождению и толкованию формулы. В современной советской историографии преобладает ленинская оценка М. Н. Покровского как крупного специалиста в области марксистской теории¹⁵. Эта оценка нашла отражение в исследованиях С. М. Дубровского, О. Д. Соколова, Е. А. Луцкого, А. С. Кузнецова, А. А. Сидоренко и других¹⁶.

Поэтому мнение, согласно которому появление формулы «история есть политика опрокинутая в прошлое» объяснялось махистскими увлечениями Покровского, вряд ли теперь нуждается в специальном опровержении. В подтверждение ошибочности этого мнения приведем только два свидетельства, мимо которых проходили исследователи философских взглядов историка. Первое связано с оценкой В. И. Лениным философских установок группы «Вперед». Раскрывая махистскую, субъективно-идеалистическую основу философской мысли сторонников богдановской группы «Вперед», В. И. Ленин специально подчеркивал ее резко отрицательное отношение к философским трудам Г. В. Плеханова, особенно «К вопросу о монистическом взгляде на историю». «Ну, еще бы! — писал Ленин в статье «О фракции «впередовцев», — самое правильное «представление об историческом материализме» дают книги русских богостроителей и махистов — какому же «впередовцу» это неизвестно? И где же книге, на которой воспиталось целое поколение русских марксистов, тягаться с фи-

¹⁴ Киселев С. С. Историческая наука и социология в понимании М. Н. Покровского // Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та. 1947. Т. 61. С. 201. В 1946 году автор защитил кандидатскую диссертацию на аналогичную тему.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 324.

¹⁶ См.: Дубровский С. М. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Вопросы истории. 1962. № 3; Соколов О. Д. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966 и др.; Кузнецов А. С. Вопросы исторического познания в трудах академика М. Н. Покровского // Вопросы истории и методики преподавания истории в школе. Иркутск, 1966; Сидоренко А. Н. Научно-историческая и политическая деятельность М. Н. Покровского (дооктябрьский период): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969 и др.

лософскими произведениями Юшкевичей, Богдановых, Валентиновых и Луначарских...»¹⁷

Как видим, для Ленина отношение к работам Плеханова — серьезный аргумент в пользу отнесения того или иного социал-демократа к сторонникам или противникам философии марксизма, исторического материализма. Отсюда возникает вопрос об отношении Покровского к философским произведениям Г. В. Плеханова. На этот вопрос у Покровского можно найти вполне определенный и однозначный ответ. Его популярная брошюра «Экономический материализм» (1906) заканчивается краткой рекомендательной библиографией. Пропитируем часть ее: «Литература. «Коммунистический манифест» вышел в последнее время по-русски в нескольких изданиях под разными заглавиями. Единственное удовлетворительное — издание «Буревестника» (перепечатка женеvского издания Г. В. Плеханова 1903 г.). Основная работа по историческому материализму в русской литературе Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю...», см. его же статью в сборнике «За 20 лет» (письмо к Гольцеву). Из переведенных наиболее популярным изложением отличаются брошюры Меринга и Лабриоль...»¹⁸ В библиографии к «Предварительным замечаниям», которые историк предпослал «Очерку истории русской культуры», снова указывается, что «классическим изложением взглядов «исторического материализма» в русской литературе является до сих пор книга Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю...». В очень элементарной форме и с других точек зрения пытался изложить теорию исторического материализма пишущий эти строки (М. Покровский «Экономический материализм», М., 1906)...»¹⁹. В перечнях литературы отсутствуют произведения Богданова и других «впередовцев», разделявших его философию.

Вторым свидетельством ошибочности мнения о махистских увлечениях Покровского являются слова А. В. Луначарского. Как известно, сам он многие годы был махистом и разделял философию Богданова. В предисловии к публикации «Партийная школа в Болонье (1910—1911 гг.)» он не только

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 313.

¹⁸ Покровский М. Экономический материализм: Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии. М., 1906. Вып. 3. С. 38.

¹⁹ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. 1. М., 1915. С. 21.

признает ошибочной политическую платформу группы «Вперед», но и указывает на отсутствие в ней единства по философским вопросам: «Другое дело, конечно, философское учение, развернувшееся вокруг Богданова, встретившее самое резкое осуждение со стороны Ленина... Не все впередовцы, конечно, разделяли эти философские уклоны, многие (в том числе, например, Покровский) оставались всегда чуждыми им...»²⁰

Нет каких-либо серьезных оснований связывать происхождение рассматриваемой формулы и с «ненаучным» пониманием историком марксистской (пролетарской) идеологии («кривое зеркало»). Хорошо известно, что Покровский изложил свое понимание идеологии в лекциях «Борьба классов и русская историческая литература». Основная цель этого небольшого курса состояла в вооружении советских историков умением подходить к работам непролетарских ученых по русской истории с классовых позиций, с целью извлечения из них научной информации, реальных фактов. В лекциях говорилось, что «всякое историческое произведение есть прежде всего образчик известной идеологии», а все идеологии состояются из кусочков действительности, совершенно фантастической идеологии не бывает, и, между тем, всякая идеология есть кривое зеркало, которое дает не подлинное изображение действительности...», а сама идеология «есть отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом интересов классовых»²¹.

Как видно из приведенных дефиниций, Покровский нацеливал своих учеников на глубоко критическое отношение к немарксистским предшественникам. Он считал, что подход к историческому произведению как образчику идеологии позволяет получить двоякого рода информацию. Во-первых, он позволяет историку-марксисту с помощью расшифровки, снятия сложной идеологической оболочки получить сведения о реальных исторических событиях, об историческом процессе и его движущих силах; во-вторых, сам шифр, сама эта снятая идейная оболочка, само познание автора исторической работы представляет большую ценность, ибо дает сведения конкретного характера по истории исторической науки, по той клас-

²⁰ Пролетарская революция. 1926. № 3(50). С. 115.

²¹ Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература: Лекции, читанные в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева 3—7 мая 1923 г. Пг., 1923. С. 8—9.

совой борьбе, которая велась в момент создания исторического произведения.

Рассмотренный подход Покровского к немарксистской литературе позволяет понять его отношение к историкам предшествующих поколений. Ученый никогда не относился к ним нигилистически, считал, что советские историки должны опираться на накопленные домарксистскими историками знания. На исторической неделе в Берлине Покровский специально акцентировал внимание на возможности сотрудничества историков различных направлений и школ. Он отмечал: «Мы видим поэтому полную возможность научного сотрудничества для всех историков, которые стоят на почве фактов. Мы считаем нашими предшественниками всех великих открывателей и истолкователей фактов, какие действовали в нашей области в рядах предшествующих поколений. И Шлецер, и Эверс, и Соловьев, и Ключевский—наши предшественники. Мы не преклоняемся перед ними со слепой покорностью авторитетам, мы критикуем их, но мы не думаем отрицать, что мы многому от них научились и что без их работ не были бы возможны и наши работы...»²²

Взгляды М. Н. Покровского на идеологию совпадают с тем, что писал о ней в «Анти-дюринге» Ф. Энгельс²³. В лекциях «Борьба классов...» ученый показал практически, как нужно расшифровывать русскую историческую литературу, начиная от Сильвестра Выдубицкого и кончая Н. А. Рожковым и Г. В. Плехановым времен «Истории русской общественной мысли».

Конечно, если вырвать из контекста отдельные фразы («...всякая идеология есть кривое зеркало») без учета всего содержания лекций Покровского, то тогда ему можно приписать отождествление (в смысле научности, объективности) марксистской идеологии с идеологиями непролетарских классов. С помощью такого приема можно исказить чьи угодно взгляды.

По-иному подошел к выяснению мнений Покровского об идеологии А. С. Кузнецов. Он сопоставил приведенные нами мысли историка об идеологии с его положениями о марксистской исторической науке. Вот его вывод: в смысле истинности

²² Правда. 1928. 15 июля. См. также: ОРФ, ф. 5, оп. 1, д. 252, л. 7.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 97—98.

отражения Покровский не ставил знаки равенства между марксистской и домарксистской идеологиями²⁴.

Но ни один из историков, занимающихся выяснением взглядов М. Н. Покровского на идеологию, не использовал (видимо, по разным причинам) лекции, читанные им для секретарей уездных комитетов партии в 1923—1924 гг. («Очерки по истории революционного движения в России XIX — XX вв.»). Хронологически «Очерки...» появились вслед за «Борьбой классов и русской исторической литературой...», и в них историк продолжал развивать свое понимание идеологии.

Рассматривая вопрос о происхождении марксистской идеологии в России, ученый говорил: «Я употребляю выражение «марксистская идеология» только потому, что мы привыкли к этому нелепому словосочетанию. На самом деле, вы знаете, что под идеологией Маркс и Энгельс разумели ту более или менее фальшивую и призрачную картину, которую вырабатывает себе тот или иной общественный класс под влиянием исключительно его классовых интересов — картину чисто-субъективную. Поэтому можно говорить о буржуазной идеологии, о мелкобуржуазной идеологии, можно говорить о феодальной идеологии; но поскольку марксизм есть не простое отражение действительности сквозь призму цеховых интересов рабочего класса, а есть научная теория, объективная научная теория, постольку, конечно, о марксистской идеологии говорить неточно, это выражение неточное; приходится говорить о марксистском мировоззрении, иначе мы ставим свою теорию, которую мы считаем научной и которая действительно объективно является научной теорией, на одну доску с фантазиями всевозможных мыслителей XVIII века... Я сделал это отступление, а затем все-таки буду употреблять это выражение «марксистская» и «пролетарская идеология», потому что мы, к сожалению, привыкли к этому неудачному словоупотреблению»²⁵. Мы не случайно приводим этот большой отрывок из «Очерков», ибо он опровергает даже самое предположение об ошибочном понимании Покровским сущности понятия «марксистская идеология» и кладет конец той спекуляции, которая была проделана во второй половине 30-х годов с цитированными отрывками из «Борьбы классов...».

²⁴ Кузнецов А. С. Указ. соч. С. 277—278.

²⁵ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв. М., 1924. С. 81—82.

Что же вкладывал сам М. Н. Покровский в определение «истории как политики, опрокинутой в прошлое»? Напомним, что под политикой он понимал борьбу классов²⁶. Поэтому формула Покровского содержит в себе понимание им главного объекта исторического познания (борьбы классов в прошлом). Такое определение политики вполне совпадает с ленинским ее пониманием. В речи на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 года В. И. Ленин говорил: «Но как понимать политику?.. Политика — это борьба между классами, политика — это отношения пролетариата, борющегося за освобождение против всемирной буржуазии...»²⁷.

Выше отмечалось, что историк распространял эту формулу и на буржуазную, и на марксистскую историческую науку. Очевидно, тем самым выделялось то общее, что имеется между ними. И это общее состояло в выполнении ими социальной функции. И та и другая обслуживают своими произведениями политическую борьбу своих классов²⁸. Этой формулой оттенялся тот факт, что не существует внеклассовой исторической науки. На такое понимание формулы указывал еще Н. М. Лукин. Подчеркнув равнозначность двух высказываний Покровского («история есть самая политическая наука из всех существующих наук. История — это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего...»). Или, как он иногда выражался, «история есть политика, опрокинутая в прошлое»), он продолжал: «...не существует никакой объективной, аполитичной, беспартийной науки. Эту партийность науки М. Н. Покровский подчеркивал не раз, и не раз воевал с теми из нас коммунистов, которые еще недостаточно осознавали это положение...»²⁹.

Но было бы верхом нелепости приписать Покровскому непонимание коренной противоположности между буржуазной

²⁶ Покровский М. Чернышевский как историк//Историк-марксист, 1928. Т. 8. С. 7.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 406; см. также т. 43, С. 72.

²⁸ Мы специально рассматривали взгляды Покровского на взаимоотношения истории и политики, на роль науки о прошлом в классовой борьбе пролетариата в статье «Проблема соотношения истории и современности в произведениях М. Н. Покровского советского периода» (см.: Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сборник статей. Томск, 1965. Вып. 3. С. 70—72).

²⁹ Лукин Н. М. Н. Покровский как организатор научно-исследовательской работы//Проблемы марксизма. Л., 1932. № 4—5. С. 5.

и пролетарской историческими науками. Это основное отличие определяется объективным положением борющихся классов и научностью той методологии, которую используют историки тех или иных классов в историческом исследовании. Единственно научным методом Покровский признавал исторический материализм³⁰. Коренную противоположность двух историй он специально подчеркнул, когда характеризовал либерально-кадетскую историю как такую, которая **«ничего иного, кроме** (выделено нами — А. Г.) **политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»**³¹. Выделенные нами слова, вероятно, означают, что либерально-кадетские историки далеки от того, чтобы описать то, что действительно было. Они пишут историю с точки зрения того, что выгодно их классу, забывая об исторической истине. Разоблачение буржуазной фальсификации русского исторического процесса и теоретических вопросов науки о прошлом пронизывает все творчество академика М. Н. Покровского. Приведем только одну иллюстрацию из его статьи «Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов». «Эпоха, — говорилось там, — когда выступил Чернышевский, как революционер, носит у нас, — носила по крайней мере, теперь, к счастью, уже не носит, — название «эпохи великих реформ». Наши буржуазные историки так густо замазывали всякими реформами этот период, который Ленин приводил, как один из примеров революционной ситуации, так густо замазывали этот период всякими реформами, что приходится производить над этой эпохой работу аналогичную работе реставраторов старых картин, когда снимая слой за слоем то, что было намазано, иногда открывают не только новые краски и новый рисунок, но и совершенно новый сюжет, не тот, который был первоначально изображен на картине»³².

Сам Покровский справедливо считал, что историк должен писать для своего класса, с его позиций (марксист должен писать для пролетариата, с его классовых позиций), а не в угоду своему классу. О глубоко марксистском понимании М. Н. Покровским соотношения партийности (классовости, ибо партийность есть осознанная классовость) и объективности сви-

³⁰ См.: Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976. С. 16—17.

³¹ Смотрите цитированный отрывок из доклада М. Н. Покровского «Общественные науки за 10 лет».

³² Историк-марксист, 1928. Т. 10. С. 3.

детельствуют особенно наглядно следующие его мысли из «Предисловия» к книге Галины Серебряковой «Женщины эпохи французской революции»: «То, что мы, марксисты, можем оперировать с чистой истиной, ничего не прихорашивая и ничего не скрывая, — страшной силы оружие в наших руках. Наши противники не могут, не смеют сказать всю правду даже о фараоне Аменхотепе—в этом их слабость. Мы говорим правду даже о самих себе (чего, вообще говоря, никто не делает!). ...Да не подумает, однако, читатель, что я являюсь сторонником «объективной» истории или чего-нибудь подобного. Никто больше меня не писал о влиянии классовых интересов на историческую литературу... Нечего этого стыдиться. Одно дело фальсифицировать историю в угоду интересам известного класса, другое дело **изображать** ее с точки зрения этого класса. Первое мы предоставляем буржуазии (которая, впрочем, начинает понимать понемногу всю невыгоду такого метода действий), вторым занималась сама буржуазия в ее революционные годы, занимаемся мы теперь и не может не заниматься ни один живой человек»³³.

Признание ученым формулы «история—политика, опрокинутая в прошлое» ни в коей мере не приводило его к отрицанию истины как важнейшей категории марксистско-ленинской теории познания, в том числе и познания исторического. Это признание нисколько не делает Покровского сторонником модернизации истории, не заставляет его рассматривать исторические события не в той связи, в которой они происходили. Наличие у него тезиса указывает только на то, что в заостренной и не совсем удачной форме он требовал от историков-марксистов своими трудами обслуживать политику партии, классовую борьбу пролетариата, памятуя о том, что «марксизм насквозь историчен», а «ленинизм немыслим без исторического подхода к действительности»³⁴. И неслучайно, конечно, М. Н. Покровский формулировал свое положение «история есть политика, опрокинутая в прошлое, и фундамент политики настоящего». По существу обе мысли этого положения составляют единое целое, и их всегда надо рассматривать в полном единстве. Именно в такой связи М. Н. Покровский употреблял эту неточную формулировку в своем выступлении

³³ Покровский М. Н. Предисловие//Серебрякова Г. Женщины эпохи французской революции. М., 1964. С. 6—7.

³⁴ Покровский М. Ленин и Маркс как историки//Правда. 1926. 22 апр.

на семинаре 5 марта 1928 года. В стенограмме семинара зафиксировано: «Как я говорил на одном семинарии по поводу частной темы, история есть политика, опрокинутая в прошлое. А между тем политик не может подойти к дальнейшим политическим проблемам без известного исторического анализа. Этим объясняется тот поразительный факт, хотя он, собственно говоря, несколько не поразительный, а совершенно естественный, что обыкновенно очень крупные историки это были не академические люди, а люди политические». В качестве примеров крупных историков и политических деятелей Покровский назвал Гизо, Энгельса, Маркса, Ленина. Затем историк подчеркнул, что «политика, не опирающаяся на исторический анализ, не марксистская политика и вообще плохая политика».

Итак, в стенограмме историк обращал внимание на то, что для выработки объективной, научной марксистско-ленинской политики необходимо, чтобы она основывалась на историческом опыте, строилась с учетом исторического анализа. Такой же подход при выработке политики нашей партии был у В. И. Ленина.

В единстве с первым высказыванием в стенограмме находится и второе. Указав там на тесную связь истории и политики, М. Н. Покровский продолжал: «Никакого политика не может получиться без исторического образования». И поскольку ИКП готовит «руководящее политическое поколение партии и пролетариата», постольку слушатели должны быть «подготовлены как историки». После этого руководитель семинара вернулся к формуле: «...Для нас, марксистов, история есть политика, опрокинутая в прошлое, и фундамент для политики настоящего...»³⁵

Все вышеизложенное объясняет, почему историки 20—30-х годов связывали появление рассматриваемой формулы с именем М. Н. Покровского.

Но в утверждении О. Д. Соколова о необходимости определять принадлежность формулы ученому только на основании опубликованных материалов есть определенная доля истины. В пользу такого подхода говорит тот факт, что в своих печатных выступлениях сам историк ни разу не распространил свою формулу на марксистскую историческую науку. А в речи на заседании, посвященном открытию Института исто-

³⁵ ЦА АН СССР, ф. 1359, оп. 2, д. 20, л. 1—3.

рии при Комакадемии 18 ноября 1929 г., Покровский употреблял более точную формулу, определяющую связь истории и политики («история есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего», «...история, политика прошлого, чрезвычайно тесно увязана с политикой настоящего») ³⁶.

Это выступление историка состоялось после появления цитированных нами статей Г. С. Фридлянда и И. И. Минца. И поэтому логично предположить, что в нем Покровский уточнил и свою формулировку, выдвинутую на семинаре 5 марта 1928 года, и появившуюся тогда же формулировку в юбилейных статьях его учеников.

Наше резюме сводится к следующему. Формула «история есть политика, опрокинутая в прошлое» употреблялась М. Н. Покровским и распространялась им не только на буржуазную, но и на марксистскую историческую науку. Она определяла связь истории как науки о прошлом с социальной практикой, роль истории в познании настоящего. Выступление Покровского 18 ноября 1929 года дает полное основание утверждать, что сам историк дал более точную формулировку связи марксистско-ленинской истории с политикой.

Анализ взглядов М. Н. Покровского по рассматриваемому вопросу свидетельствует о том, что он по-марксистски понимал соотношение классового и объективного в науке о прошлом. Обвинение ученого в ликвидации объективной исторической науки было построено на ошибочных аргументах и приемах исследования. На один такой очень распространенный прием верно обратил внимание В. П. Данилов при обсуждении статьи С. М. Дубровского «Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки». Он указывал на необходимость «изживать укоренившуюся ранее тенденцию, когда в отдельных вырванных из контекста формулировках или образных выражениях М. Н. Покровского искался глубокий, самодовлеющий философский смысл, методологическая позиция автора (пример с выражением «история — это политика, опрокинутая в прошлое»)» ³⁷.

К подобным же приемам фальсификации взглядов Покровского на соотношение истории и политики прибегают реак-

³⁶ Покровский М. Н. Институт истории и задачи историков-марксистов // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.: Л., 1933. Вып. 2. С. 360—361.

³⁷ Вопросы истории. 1962. № 3. С. 40.

ционные буржуазные исследователи, когда выражение «история есть политика, опрокинутая в прошлое» используют для обвинения советской исторической науки в конъюнктурщине и в том, что она стремится к установлению истины при исследовании исторического процесса³⁸.

Весь приведенный нами (далеко не полный) материал убедительно доказывает, что для академика М. Н. Покровского выяснение исторической правды составляло главную задачу историка. Только при таком условии история и может обслуживать научную политику Коммунистической партии. Всем своим творчеством и неразрывно с ним связанной практической деятельностью Покровский старался поставить науку о прошлом на службу рабочему классу, делу строительства нового коммунистического общества.

³⁸ См., например: Бьерке А. Дюжина правдивых историй об одной выдуманной. Кн. 1. Стокгольм—Лондон, 1974.

В. Л. КОЖЕВИН

РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ СОВЕТОВ СИБИРИ 1917—1918 гг.

Становление и деятельность сибирских Советов в 1917 — 1918 гг. всегда находились в числе ключевых направлений в изучении истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции на востоке России. Создание обширного комплекса литературы, посвященного разработке различных аспектов данной темы, обусловило в свою очередь появление исследований по историографии Советов Сибири 1917—1918 гг. Специальные статьи В. Т. Агалакова, Ю. В. Журова, Е. Н. Бабиковой, В. Г. Иванова, О. М. Цыреновой, а также труды других историков, где так или иначе затрагивались отдельные стороны процесса изучения начальных этапов существования сибирских Советов, содержат анализ положений и выводов теоретического характера, методологии, методики, источниковой базы и периодизации исследований¹.

¹ Агалаков В. Т. К историографии Советов Сибири в Октябре//Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977; Бабикова Е. Н. Некоторые проблемы историографии Советов Сибири периода двоевластия//Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905—1920 гг.). Томск, 1982; Жуков Ю. В. К историографии советского строительства в сибирской деревне в 1917—1918 гг.//Вопросы методологии истории и историографии. Томск, 1974; Иванов В. Г. Историография крестьянских Советов 1917 года в Сибири//Материалы VIII юбилейной научной студенческой конференции, посвященной 100-летию со дня рождения

Значительное место в большинстве историографических обзоров, статей, введений к монографиям и диссертациям о Советах края отведено проблематике. Внимание исследователей к этой области историографии вполне закономерно, поскольку проблематика, как подчеркивал А. М. Сахаров, — «один из наиболее важных показателей прогресса исторической науки»². В то же время особенности задач, решавшихся в указанных работах при относительно ограниченном объеме последних, не позволили авторам достаточно подробно отразить структуру проблематики, выявить причины ее изменений, результатом чего зачастую была лишь констатация фактов обращения ученых к анализу какого-либо вопроса на определенных этапах изучения темы.

Целью данной работы является попытка рассмотреть структуру проблематики исследований по истории Советов Сибири 1917—1918 гг., а также совокупность факторов, влиявших на формирование проблематики в течение всего периода ее развития.

Произведения В. И. Ленина, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции, являются ценным источником по историографии Октября в Сибири не только в свете уяснения вопросов, связанных с общей методологией конкретно-исторических исследований, но и в силу того, что непосредственно заключают в себе характеристику революционных событий в крае. Так, о Советах Сибири В. И. Ленин написал две статьи, помещенные в «Правде» 28 апреля и 19 мая 1917 г. Интерес вождя партии большевиков к деятельности Советов далекой окраины был отнюдь не случайным. Уже в работе «Луиблановщина», опубликованной 8 апреля, т. е. по прошествии всего пяти дней с момента возвращения из эмиграции, В. И. Ленин указывал на наличие «в ряде мест России» Советов, которые начали «делать решительные шаги к свержению капитала»³. Доклады делегатов на VII Всероссийской конференции РСДРП (б), проходившей 24 — 29 ап-

В. И. Ленина. История, филология. Новосибирск, 1970; Он же. Некоторые вопросы историографии Советов Сибири в 1917 году (литература 20-х — начала 30-х гг.)//Вопросы истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 8; Цыренова О. М. Советы Забайкальской области в советской историографии (1917—1920 гг.)//Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. Вып. 2. и др.

² Сахаров А. М. Методология истории и историография. М., 1981. С. 120.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 130.

реля, окончательно убедили В. И. Ленина в том, что «революция на местах пошла гигантскими шагами»⁴, поэтому он отмечал важность использования опыта передовых Советов провинции «для подталкивания центра»⁵.

Именно к такого рода органам власти принадлежали Енисейский и Судженский Советы рабочих и солдатских депутатов, о которых идет речь в ленинских работах «К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства» и «Еще одно преступление капиталистов». Поводом к написанию первой статьи послужил отказ Енисейского Совета подчиняться назначенному Временным правительством губернскому комиссару Крутовскому. На примере этого революционного акта сибиряков В. И. Ленин в очередной раз ставит вопрос о сущности Советов, о необходимости замены буржуазного государственного аппарата, доставшегося в наследство от царского режима и лишь слегка видоизмененного, новыми, подлинно народными органами власти⁶. Продолжая внимательно следить за ходом событий на местах, В. И. Ленин отозвался на присланную в Петроград телеграмму Совета рабочих и солдатских депутатов и союза служащих Судженских копей статьей «Еще одно преступление капиталистов». Одоблив позицию Совета, установившего контроль над работой копей в ответ на саботаж администрации, В. И. Ленин пишет о неизбежности всеобщего кризиса в стране как следствия потворства Временного правительства и лидеров мелкобуржуазных партий намеренной дезорганизации производства со стороны предпринимателей⁷.

Дальнейшее изучение истории сибирских Советов также непосредственно связано с именем В. И. Ленина, подписавшего 21 сентября 1920 года декрет об образовании «Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП (б)». По свидетельству В. Д. Вегмана, призыв Истпарта сохранить для будущего память о революции незамедлительно нашел живой отклик в Сибири⁸.

Однако организация сибирских отделений Истпарта и налаживание исследовательской работы оказались нелегким де-

⁴ Там же. С. 378.

⁵ Там же. С. 385.

⁶ Там же. С. 462—464.

⁷ Там же. Т. 32. С. 123—124.

⁸ Вегман В. Д. Истпартотдел Сибкрайкома ВКП(б) (Сибистпарт)//ССЭ. Т. 2. Стлб. 402.

лом; сказывалось крайне неудовлетворительное состояние архивов, нехватка средств и главное—кадров. К изучению истории Октября были привлечены активные участники революционных событий.

Большинство статей и брошюр по октябрьской тематике, вышедших в 20-е годы, нельзя причислить к разряду исследовательских, да их авторы и не претендовали на это. Вышесказанное все же не дает оснований отстраняться от анализа работ непрофессионалов, поскольку во многих из них содержатся положения концептуального характера, отражавшие общий уровень изучения истории Октября в Сибири тех лет и ставшие отправным пунктом для разработки темы в последующие периоды.

К середине 20-х годов в литературе рассматривались такие вопросы, как создание Советов, борьба партий в Советах, деятельность Советов по обеспечению экономических интересов трудящихся, установление Советской власти в Сибири, отношение крестьянства к Советам. Территориальные рамки работ охватывали с неодинаковой полнотой все регионы края⁹.

Проблематика указанных публикаций определялась местом и ролью автора в тех или иных событиях, возникшими уже тогда оценками политической ситуации в крае. С другой стороны, процесс изучения Октября в Сибири приобретал все более организованные формы, что ориентировало усилия историков на всестороннюю разработку темы. Изучению истории сибирских Советов в данный период в немалой степени способствовала деятельность ветеранов революции, которые со временем проявили себя как профессиональные историки. Это В. Д. Вегман и А. А. Ансон (Абов), стоявшие у истоков исторических исследований Октябрьской революции в Сибири, Б. З. Шумяцкий — крупный партийный и государственный деятель, внесший значительный вклад в изучение проблемы, В. В. Виленский-Сибиряков—редактор журналов «Каторга и

⁹ Абов А. Октябрь в Восточной Сибири//Сибирские огни. 1924. № 4; Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске//Там же. 1923. № 1—2; Вельман В. Февральская революция в Сибири//Пролетарская революция. 1925. № 3; Виленский (Сибиряков) Вл. Октябрьские дни в Сибири//Там же. 1924. № 1; Орлов Ф. Первый губернский съезд рабочих и солдатских депутатов в 1917 году//Былое Сибири. 1923. № 2; Парфенов П. Предоктябрьские дни в Сибири//Сибирские огни. 1924. № 3; Соколов В. Октябрь за Байкалом//Пролетарская революция. 1922. № 10; Фрумкин М. Февраль—октябрь 1917 г. в Красноярске//Там же. 1923. № 9 и др.

ссылка» и «Северная Азия», часто предоставлявших свои страницы для публикации материалов о Советах Сибири 1917—1918 гг. При выборе темы упомянутые историки в гораздо меньшей мере руководствовались личностными факторами, привлекаемые ими источники служили не столько иллюстративным материалом исследования, сколько действительным основанием теоретических выводов.

Во второй половине 20-х годов история социалистической революции и как одно из ее направлений — история Советов приобретают все большую актуальность. В резолюции IV совещания заведующих истпартотделами «Очередные задачи Истпарта», принятой в январе 1927 года, подчеркивалось, что изучение революционного прошлого, будучи тесно связано «с текущей политической работой ВКП (б)», должно использоваться «в целях воспитания новых слоев рабочих» и помогать делу борьбы трудящихся капиталистических и колониальных стран против империализма¹⁰. Необходимость отпора тезисам троцкистов, фальсификациям со стороны зарубежных буржуазных авторов и белоэмигрантов также являлась одной из причин активизации исследовательской работы. Серьезный импульс придала ей и подготовка к 10-летию юбилею первого в мире социалистического государства.

В 1926—1928 гг. в печати появились разнообразные по характеру публикации, авторов которых объединяла общая цель: как можно полнее воссоздать картину революционного движения в Сибири, показать роль партии большевиков в установлении власти Советов¹¹. В брошюре В. В. Виленского-Сибирякова «Борьба за советскую Сибирь» освещалась история возникновения и деятельность руководящего органа сибирских Советов — Центросибири. Участие рабочего класса в революционных событиях отражено в работе В. Шемелева

¹⁰ Резолюции и постановления IV совещания заведующих истпартотделами 4—8 января 1927 г., утвержденные Истпартом ЦК ВКП(б)/Пролетарская революция. 1927. № 1. С. 265—266.

¹¹ Виленский-Сибиряков Вл. Борьба за советскую Сибирь (Центросибирь) 1917—1918 гг. М., 1926; Горняки Сибири. Новосибирск, 1927; Кордонская М. Сибирское крестьянство в дни Октябрьской революции//Пролетарская революция. 1928. № 10; Корушин Т. Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926 гг.). Ишим, 1926; Окунцов П. А. Участие Забайкалья в революционном движении рабочего класса. Чита, 1927; Шемелев В. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов 1917—1919 гг. Новосибирск, 1928; Центросибирцы. М., 1927; Шумяцкий В. Сибирь на путях к Октябрю. М., 1927 и др.

«Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов 1917 — 1918 гг.» и в сборнике «Горняки Сибири». Эволюции политических настроений крестьянства посвятила свою статью М. Кордонская. Сборник «Центросибирцы» знакомил читателя с биографиями активных участников советского строительства в Сибири. Особое значение имел выход в свет книги Б. З. Шумяцкого «Сибирь на путях к Октябрю». Это была первая попытка обобщающего исследования истории большевистских организаций края на этапе подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Здесь наряду с другими вопросами рассматривалась и борьба большевиков Сибири за массы в Советах.

С конца 20-х годов усиливается изучение таких ключевых аспектов истории сибирских Советов, как большевизация Советов и установление в крае Советской власти. Данные процессы получили освещение в работах Ем. Ярославского, А. М. Панкратовой, Р. А. Знаменской, Я. Д. Янсона, Н. Алексеева, К. Гидлевского, М. Сафьянова и К. Трегубенкова¹². Поскольку решающим моментом в установлении власти Советов являлась победа над силами контрреволюции в Иркутске, где в 1917 году находился ЦИК Советов Сибири, большое внимание уделялось истории иркутских Советов.

Серьезный шаг на пути изучения Октябрьской революции на востоке России был сделан в связи с подготовкой и изданием «Сибирской советской энциклопедии». Вопросы создания и деятельности Советов Сибири 1917—1918 гг. достаточно подробно были рассмотрены в статье выпускника Института красной профессуры М. А. Гудошникова, написанной для IV (неизданного) тома энциклопедии. Автор указал основные сроки возникновения Советов в городах Сибири, остановился на причинах различного влияния большевиков в отдельных

¹² Алексеева Н. Иркутск в начале Октябрьской революции// Каторга и ссылка. 1932. № 11—12; Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна 1917—1918 гг. М.; Л., 1934; Знаменская Р. Иркутск в борьбе за власть Советов. Иркутск, 1929; Панкратова А. М. Ленин и Советы в первый период диктатуры пролетариата// Борьба классов. 1934. № 1; Янсон Я. Д. Октябрьская революция и юнкерское восстание в Иркутске// Каторга и ссылка. 1932. № 11—12; Он же. Сибирские большевики в борьбе за власть Советов и за построение социализма// Сибирский союз РСДРП. М., 1935; Ярославский Ем. Октябрьская революция в Сибири// Историк-марксист. 1932. № 6.

Советах, выделил особенности процесса установления Советской власти в крае¹³.

В середине 30-х годов завершился первый период разработки истории Октября в Сибири. Это было время активного освоения историками ленинского теоретического наследия, время поиска главных направлений в изучении темы. В работах по истории социалистической революции в крае Советам отводилось одно из ведущих мест. Однако в указанный период проблема Советов еще не выделилась в качестве самостоятельной по отношению к другим проблемам октябрьской тематики: практически не было исследований, специально посвященных истории сибирских Советов как государственного института, а значит, отсутствовал детальный анализ функций, структуры и классово-партийного состава этих органов власти.

Во второй половине 30-х годов количество публикаций, в которых рассматривалась проблема Советов, заметно уменьшилось. Застойные явления в изучении сибирских Советов 1917—1918 гг. во многом обуславливались отрицательным воздействием культа личности.

С началом Великой Отечественной войны актуальность истории борьбы трудящихся за власть Советов резко возрастает. Поскольку возможностей для создания обобщающих исследований об Октябре в Сибири тогда не было, к 25-летию социалистической революции вышел в свет ряд работ, освещавших отдельные аспекты истории Советов края¹⁴.

Позитивные изменения в исследовании истории сибирских Советов происходят в конце 40-х — первой половине 50-х гг. Прежде всего это касается состояния научных кадров: формируется новое поколение историков Октября в Сибири. М. М. Шорников, В. П. Сафронов, С. А. Сидоренко, М. Б. Шейнфельд, защитившие в этот период кандидатские диссертации, интенсивно работают над изучением важнейших аспектов истории Советов. Старейший вуз Сибири—Томский госуниверситет превращается в крупный научный центр, где под руко-

¹³ Гудошников М. Октябрьская революция в Сибири//Материалы IV тома Сибирской советской энциклопедии: (Корректурный оттиск). Б. м., б. г.

¹⁴ Анфилофьев И. Кузбасс в борьбе за Октябрь. Новосибирск, 1942; Генкина Э. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на местах//Исторический журнал. 1942. Кн. 10; История гражданской войны в СССР. М., 1942. Т. 2; Фабричный А. В. Борьба за Советы. Омск, 1942.

водством видного специалиста по истории Великого Октября профессора И. М. Разгона разворачивается исследование основополагающих проблем истории социалистической революции в Сибири.

В указанный период значительно активизируется изучение истории большевистских организаций края 1917—1918 гг. В работах М. М. Шорникова, В. П. Сафронова, Г. В. Грунина, И. Г. Зобачева в связи с анализом стратегии и тактики, осуществлявшихся партией рабочего класса в ходе подготовки и проведения Октябрьской революции, уделялось серьезное внимание деятельности сибирских большевиков в Советах¹⁵.

Наконец, в середине 50-х гг. тема Советов выделяется из общего русла проблем истории Октября в Сибири. К этому времени в достаточной мере обозначился круг главных вопросов темы, подлежащих изучению, а также были написаны первые крупные работы, посвященные непосредственно истории Советов края. К их числу принадлежит диссертация М. Б. Шейнфельда, охватившая многие стороны деятельности Советов Енисейской губернии по обеспечению союза рабочего класса и крестьянства на начальном этапе социалистического строительства в Сибири. Автор осветил процессы советизации сибирской деревни, объединения Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов; рассмотрел социальный состав крестьянских Советов, их структуру, первые мероприятия Советской власти в сельской местности¹⁶. В кандидатской диссертации¹⁷ Т. А. Белоусова нашли отражение такие вопросы, как структура, экономические мероприятия Красноярского Совета, слом старого государствен-

¹⁵ Грунин Г. В. Большевики Забайкалья в борьбе за Советы// Борьба за Советы в Забайкалье. Чита, 1947; Зобачев И. Г. Борьба большевиков Кузбасса за власть Советов//Октябрь в Западной Сибири. Новосибирск, 1948; Он же. Октябрь в алтайской деревне. Там же; Сафронов В. П. Красноярская большевистская организация в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Красноярск, 1952; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за Октябрь. Новосибирск, 1947.

¹⁶ Шейнфельд М. Б. Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 — июнь 1918 года): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1954.

¹⁷ Белоусов Т. А. История создания и упрочения Красноярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и его роль в борьбе за установление Советской власти в Сибири (1917 — май 1918 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955.

ного аппарата, становление советской государственной системы. В этот же период выходит в свет книга В. В. Рябикова «Центросибирь», насыщенная богатым фактическим материалом по истории Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири.

Начало нового — третьего периода в изучении сибирских Советов 1917—1918 гг. связано с изменениями в развитии советской исторической науки, произошедшими под влиянием известных решений XX съезда КПСС. Организация планового исследования проблем истории социалистической революции в России (в 1958 г. был создан Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция»), значительное облегчение доступа к источникам, проведение всесоюзных и региональных конференций — все это способствовало подъему научных исследований по данной теме. Обращаясь к истории Советов, ученые исходили из стремления как можно полнее воссоздать картину революционных событий, учитывали большое международное значение опыта советского строительства для народов, создававших свою государственность на некапиталистической основе, а также необходимость разоблачения попыток искажения истории Октября в буржуазной литературе.

К началу 60-х годов была проделана большая работа по составлению и изданию сборников документов, содержащих материалы о революционном движении в крае в 1917—1918 гг. Около 35 процентов документов, помещенных в этих сборниках, являются источниками по истории Советов¹⁸. Пополнение источниковой базы осуществлялось и за счет широкой публикации мемуаров участников борьбы за власть Советов в Сибири.

Однако произошедшие позитивные сдвиги не были использованы в должной мере в конце 50-х—начале 60-х годов. Обилие источников реализовывалось зачастую в простое описание хода событий. Впрочем, указанную особенность следует расценивать как явление естественное, поскольку в предшествующий период многие факты истории сибирских Советов 1917—1918 гг. не только не получили теоретического осмысления, но даже не были зафиксированы исследователями.

¹⁸ Зольников Д. М. Об источниках изучения истории рабочего класса и рабочего движения в Сибири накануне социалистической революции // Вопросы истории Советской Сибири. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 34.

За первые пять—шесть лет нового периода в литературе был затронут главным образом политический аспект деятельности Советов всех районов Сибири. История Советов Зауралья рассматривалась в работах П. И. Рощевского и С. С. Глебова; Советам Томской губернии посвятила свои статьи В. А. Соловьева; о Советах Алтая писал Д. К. Шелестов; Советы Енисейской, Иркутской губерний и Забайкалья стали объектом изучения М. Б. Шейнфельда, В. Т. Агалакова и А. И. Крушанова. Большинство работ этого времени было посвящено широкой теме—истории подготовки и проведения социалистической революции в крае, поэтому проблема Советов не занимала в них центрального положения. Литература отличалась также локальностью: революционные события изучались только в рамках губерний или уездов. Необходимость появления глубоких исследований общесибирского масштаба становилась все более очевидной.

В монографии В. П. Сафронова «Октябрь в Сибири» недостатки многих прежних работ—описательность, иллюстративность, территориальная разобщенность — в определенной мере были уже преодолены. Советы Сибири 1917—1918 гг. стали одним из главных объектов данного исследования. Используя обширный документальный материал, В. П. Сафронов на основе анализа процесса создания и деятельности Советов, учитывая характер принимаемых ими решений, стремился проследить рост влияния большевиков в массах. Автор впервые привел данные о количестве Советов к июлю 1917 года. С помощью схем автор показал складывание системы сибирских Советов по административно-территориальному принципу. Была составлена таблица, содержащая сведения о Советах Сибири за 1917—1918 гг. В ней автор указывает тип Совета, время его образования и дату установления его власти¹⁹.

Вслед за работой В. П. Сафронова в 1963 г. вышла монография М. М. Шорникова «Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции». В ней подробно освещается деятельность большевиков в период подготовки и проведения социалистической революции в Сибири, борьбы партии за массы в Советах, рассматриваются вопросы советизации края в 1917—начале 1918 гг.²⁰

¹⁹ Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962.

²⁰ Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.

После публикации монографий М. М. Шорникова и В. П. Сафронова, впервые представивших масштабную картину революционных событий в сибирском регионе, изучение истории Октября в Сибири приобретает все более дифференцированный характер. Указанная тенденция четко прослеживается и на примере разработки истории Советов: с середины 60-х годов специальные работы о сибирских Советах по объему привлекаемых источников и степени концептуального осмысления материала занимают преимущественное положение по сравнению с прочими исследованиями, затрагивающими эту тему.

В последующее десятилетие осуществлялось многоплановое изучение истории Советов Сибири 1917—1918 гг. Расширение сети научных центров, в которых велась работа по изучению темы, способствовало накоплению новых знаний, росту теоретического уровня исследований, усложнению их проблематики.

Значительным вкладом в исследование истории Советов явились труды В. Т. Агалакова, раскрывающие многие стороны развития Советской государственности в Сибири. В его монографии «Подвиг Центросибири» анализировалась проблема создания и деятельности Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири. В поле зрения автора оказались также процесс большевизации сибирских Советов, объединение Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов, формирование советского аппарата в крае, борьба большевистской партии за массы, ее руководство Советами Сибири²¹. В ряде статей, посвященных главным образом послеоктябрьским Советам, В. Т. Агалаков подробно рассмотрел вопрос слома буржуазного государственного аппарата и становления новых органов власти в Сибири. Объектом изучения были все типы Советов—рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Особую ценность представляет попытка автора выяснить количество волостных Советов к лету 1918 года. Отличительная черта работ В. Т. Агалакова—высокая степень теоретизации фактических данных, стремление не только изложить ход тех или иных событий, но выявить их причины, условия развития и последствия. Показательно в этом смысле исследование автором установ-

²¹ Агалаков В. Т. Подвиг Центросибири. Иркутск, 1968.

ления полновластия Советов в Сибири в 1917 — начале 1918 гг.²²

В середине 60-х—начале 70-х гг. появилось несколько статей В. А. Соловьевой о Советах Томской губернии²³. Автор подробно останавливается на описании процесса создания Советов весной—летом 1917 г., характеризует политику этих органов власти по отношению к Временному правительству и буржуазным комитетам безопасности. Ряд выводов концептуального порядка был сделан В. А. Соловьевой относительно специфики двоевластия в Сибири, позиций различных партий в Советах; автор рассмотрела также особенности и условия формирования революционных настроений трудящихся Томской губернии в дни корниловщины и осенью 1917 года.

²² Агалаков В. Т. Советский аппарат в Сибири накануне Октябрьской революции 1917 г.//Тр./Иркут. ун-т. Т. 59. Сер. ист. Вып. 2; Он же. Советы Забайкалья/50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972; Он же. Краевые съезды Советов Сибири и Дальнего Востока//Проблемы краеведения. Чита, 1972. Вып. 7; Он же. Советы казачьих депутатов в Сибири (1917—1918 гг.)//Там же; Он же. Начало Советской государственности в сибирской деревне (1917—1918 гг.)//Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1973. Вып. 1; Он же. Объединение Советов рабочих и солдатских депутатов и Советов крестьянских депутатов в Сибири (1918 г.)//Изв. СО АН СССР. Сер. общест. 1973. № 1. Вып. 1; Он же. В. И. Ленин и некоторые вопросы установления полновластия Советов в 1917—1918 гг.//Вопросы методологии и истории наук. Иркутск, 1973; Он же. Советизация сибирской деревни в конце 1917 — первой половине 1918 гг.//Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни. Новосибирск, 1974; Он же. Большевицкое руководство в Советах Сибири в конце 1917—1918 гг.//Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1974. Вып. 7.

²³ Соловьева В. А. Советы Томской губернии в период двоевластия в Сибири (март—апрель 1917 г.)//Тр./Том. ун-т. 1964. Т. 167; Она же. Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири (март—апрель 1917 г.)//Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2; Она же. Крестьянское революционное движение в Сибири после свержения самодержавия (март—апрель 1917 г.)//Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3; Она же. Первые шаги Кемеровского совдепа. (1917 г.)//50 лет г. Кемерову. Кемерово, 1968; Она же. Деятельность Советов Кузбасса по проведению первых мероприятий Советской власти (1917—1918 гг.)//Местные Советы Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. Прокопьевск, 1973; Она же. Революционизирование трудящихся масс Томской губернии в дни корниловского мятежа и после его разгрома (август—октябрь 1917 г.)//Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975.

В указанный период вышел ряд статей (Л. И. Боженко, Л. М. Горюшкина, Ю. В. Журова), посвященных истории крестьянских Советов Сибири; Г. А. Кордонским была защищена кандидатская диссертация на тему «Крестьянские Советы Западной Сибири в 1917—1918 гг.». Авторы этих работ стремились показать участие крестьянских масс в социалистической революции, в строительстве Советов в Сибири. Исследователями были проанализированы темпы создания новых органов власти в деревне, отношение крестьянства к различным партиям на всех этапах революции, социальный состав крестьянских Советов; были рассмотрены вопросы о времени установления Советской власти в сельской местности, о влиянии событий в губернских и уездных центрах на положение в деревне, о позициях беднейшего крестьянства, середняков и кулачества по отношению к Советской власти. В целом же изучение Советов крестьянских депутатов несколько отставало от изучения истории Советов рабочих и солдатских депутатов, что объясняется относительной узостью источниковой базы: документов крестьянских Советов (особенно волостных и сельских) сохранилось немного, они рассредоточены и отличаются фрагментарностью.

Определенный вклад в изучение Советов Сибири 1917 г. внес В. Г. Мосолов. Главное внимание он уделил исследованию процесса формирования и деятельности Советов рабочих депутатов в крупных городах Сибири. Автор рассмотрел внутрипартийный состав Советов, их организационную структуру, пытался проследить ход и формы большевизации этих органов, сделал некоторые уточнения относительно персонального и партийного состава исполкомов Советов²⁴.

В 60—70-х гг. активно развивалось историко-юридическое направление в изучении темы. Коммунистическая партия, проявляя неослабное внимание к вопросам развития и совер-

²⁴ Мосолов В. Г. Советы рабочих депутатов Сибири в 1917 году: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1972; Он же. Тобольский Совет рабочих депутатов в 1917 г. // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972. Вып. 3. Он же. Барнаульский Совет рабочих депутатов в 1917 г. // Доклады II конференции молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1973; Он же. Томский Совет рабочих депутатов в 1917 г. // Местные Советы Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. Прокопьевск, 1973; Он же. Большевики на сибирских съездах в 1917 г. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976 и др.

шенствования социалистической демократии, постоянно ориентиовала и ориентирует ученых на углубленное изучение истории Советской государственности. Революционное правотворчество трудящихся масс нашло отражение в работах Ю. В. Иванова, Л. А. Смирновой и В. И. Яцечко. Исследователи проанализировали избирательные нормы, складывание областных объединений сибирских Советов, структуру Советов и их классовую природу.

Помимо специальной литературы о Советах Сибири 1917—1918 гг. отдельные аспекты данной темы были затронуты в монографиях о рабочем классе в период революции, о февральской революции в Сибири, в томах «Истории Сибири»²⁵. Так, Д. М. Зольников, исследуя рабочее движение в крае в 1917 г., рассмотрел историю Советов с целью выяснения роли рабочего класса в процессе их формирования. Поэтому он обратил внимание на условия возникновения Советов, на складывание всей системы сибирских Советов. Д. М. Зольников дал глубокий анализ всех звеньев структуры сибирских Советов. В монографии В. А. Кадейкина также рассматривается участие рабочих в деле строительства новых органов власти, исследуются вопросы установления власти Советов в крае, слома буржуазного государственного аппарата, экономической работы сибирских Советов в 1917—1918 гг.

Февральская революция и первые месяцы двоевластия в Сибири стали темой исследования С. А. Сидоренко. В монографии освещаются начальный этап создания Советов в ряде городов Сибири, функции органов власти пролетариата и крестьянства, степень влияния сибирских Советов на ход событий в период двоевластия.

Большой фактический материал о Советах был включен в третий и четвертый тома «Истории Сибири». Эта коллективная работа сибирских ученых закрепила основные результаты, достигнутые в изучении Советов края ко второй половине 60-х годов.

В монографии В. С. Познанского²⁶ исследуются первые

²⁵ Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1969; История Сибири. Л., 1968. Т. 3—4; Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов. Кемерово, 1966; Сидоренко С. А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири. Челябинск, 1970.

²⁶ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. Новосибирск, 1973.

этапы борьбы Советской власти в Сибири против внутренней и внешней контрреволюции.

В конце 70-х—начале 80-х гг. заметно сократилась публикация статей по рассматриваемой нами теме, зато в этот период вышли в свет специальные монографические исследования, содержащие целостное освещение важнейших этапов истории сибирских Советов²⁷.

Книга В. Т. Агалакова представляет собой итог многолетней работы автора над изучением советского строительства в Сибири. В. Т. Агалаков привлек обширный комплекс источников: архивные материалы, мемуары, документальные сборники, периодическая печать, специальная литература — все это умело использовано при исследовании сложных вопросов истории Советов Сибири. Нет надобности подробно останавливаться на проблематике этого труда, так как в рассмотренных выше работах В. Т. Агалакова освещались в основном те же самые аспекты истории сибирских Советов, что и в настоящей монографии. Добавим только, что автор серьезно углубил выводы своих прежних исследований.

Монография Е. Н. Бабиковой посвящена двоевластию в Сибири. В книге предпринята попытка раскрыть сущность и особенности двоевластия в Сибири, дать анализ составных частей его механизма. Е. Н. Бабикова много внимания уделила изучению процесса создания сибирских Советов, отношению партии и классов к этим органам власти. В монографии есть таблицы, отражающие ход советского строительства, социальный состав Советов края, в них содержится ряд уточненных данных о времени образования некоторых Советов.

В работе В. С. Познанского, охватывающей послеоктябрьский период истории сибирских Советов, подробно исследуется проблема руководства большевистской партией и В. И. Лениным деятельностью Советов края. Показывая трудности и особенности борьбы большевиков Сибири с контрреволюцией, автор стремился определить роль сибирского региона для судеб пролетарской революции в России. Одной из важнейших линий этого исследования является рассмотрение вопросов, связанных с работой сибирских Советов по спасению Петрограда и центральных губерний страны от голода. В мо-

²⁷ Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978; Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980; Познанский В. С. В. И. Ленин и Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1977.

нографии детально описывается весь сложный ход борьбы за хлеб в Сибири, дается анализ хозяйственной деятельности Советов.

Общей чертой указанных исследований является широкое теоретическое обобщение фактического материала, использование крупных массивов исторических источников. В. Т. Аглаковым, В. С. Познанским и Е. Н. Бабиковой были уточнены многие положения и фактические данные, приводившиеся в предшествующей литературе. Взаимно дополняя друг друга во временном и тематическом отношении, исследования этих авторов стали этапными работами для историографии Советов Сибири 1917—1918 гг.

В 1982—1983 гг. вышли в свет академические издания «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)» и «Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)»²⁸. Авторам удалось последовательно раскрыть роль Советов Сибири в развитии революционного процесса на востоке России.

Итак, анализ истории изучения Советов Сибири 1917—1918 гг. свидетельствует о росте актуальности темы, что обуславливает постоянное движение ее внутренней проблематики по пути усложнения. Весомые результаты в изучении сибирских Советов, достигнутые к настоящему времени (и прежде всего, выход специальных монографий), наглядно отражают указанную тенденцию. Однако это еще не говорит о возможности снижения интенсивности исследований, поскольку в разработку темы наряду с авторами, занимающимися изучением темы вот уже не одно десятилетие, включаются новые силы историков. Кроме того, многие аспекты истории сибирских Советов находятся на стыке с другими проблемами октябрьской тематики, исследование которых способствует накоплению знаний о Советах. Так, в последние годы, благодаря изучению истории выборов в Учредительное собрание, комитетов общественной безопасности и земств Сибири, получи-

²⁸ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1982; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983.

ла освещение проблема сосуществования и взаимоотношений сибирских Советов с буржуазными органами власти²⁹. Наконец, одним из важнейших путей активизации исследований по истории Советов Сибири 1917—1918 гг. является совершенствование их методологии и методики, поиск новых подходов к изучению ранее поставленных вопросов.

²⁹ Бабилова Е. Н. Взаимоотношения Советов Сибири с органами диктатуры буржуазии в период двоевластия // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917—1929 гг.). Томск, 1983; Деденева Л. С. Советы Сибири и Учредительное собрание (март—октябрь 1917 г.) // Там же; Зыкова В. Г. Советы и земство в сибирской деревне в период установления Советской власти // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905—1920 гг.). Томск, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Жеравина. К вопросу об освещении истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири в современной историографии	3
В. П. Зиновьев. Изучение борьбы работных людей и наемных рабочих в Сибири в XVIII—XIX вв.	21
А. Н. Попов. К вопросу об интерпретации ленинского определения народничества в современной исторической литературе	33
А. И. Щербинин. Дискуссия 20—30-х годов о Советах в годы первой российской революции	49
В. Н. Гордейкин. М. Н. Покровский о роли рабочего класса в первой российской революции	59
О. А. Харусь. К вопросу об историографии истории кадетских и октябристских организаций Сибири в период первой российской революции	70
В. Ю. Соколов. О характере обсуждения советскими историками в середине 1920-х годов проблем образования финансового капитала в России	83
А. А. Говорков. Некоторые стороны понимания академиком М. Н. Покровским социальной функции исторической науки	98
В. Л. Кожевин. Развитие проблематики в исследованиях по истории Советов Сибири 1917—1918 гг.	114

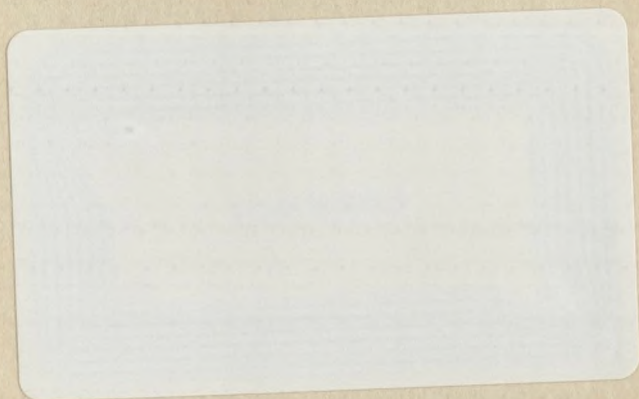
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Редактор О. М. Завьялова
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор Г. П. Орлова

ИБ 2077

Сдано в набор 13.10.88 г. Подписано к печати 30.05.89 г.
КЗ07082. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 3. Литера-
турная гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 7,67.
Уч. изд. л. 7,5. Тираж 500 экз. Заказ 439. Цена 1 р. 20 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4. Отпечатано
в учебно-производственной типографии ТГУ, Томск, пр. Ленина, 66.

1-724624

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
<http://vitalib.tsu.ru>

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00640839